

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Пятнадцатая Конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
22–24 ноября 2018 г.

Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2018

УДК 81
ББК 81.2
П-99

Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 224 с.

ISBN 978-5-6040925-1-4
doi:10.30842/9785604092514

© Коллектив авторов, 2018
© ИЛИ РАН, 2018
© Редакционно-издательское
оформление. ИЛИ РАН, 2018

Д. А. Аракелова

РГГУ, Москва

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ ОТ ИНОСТРАННЫХ ФАМИЛИЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Женские фамилии в чешском языке, согласно грамматике [Komárek 1986], ресурсу “Internetová jazyková příručka” [Internetová s.d.], а также закону об именах [Zákon 2000], должны содержать показатель рода. В большинстве случаев это суффикс *-ová*, прибавляемый к фамилии отца или мужа чешки: *pan Novák* → *paní/slečna Nováková*. Однако данный суффикс может прибавляться и к фамилиям иностранок, например, *Britney Spearsová*. Этому явлению и посвящена моя работа.

Целью исследования являлся анализ употребления разных (с маркером рода и без) форм женских иностранных фамилий в чешском языке, а также изучение и описание отношения носителей языка к этой вариативности. Еще одна моя цель — соотнесение полученных результатов с положениями научных публикаций и медиа-источников, затрагивающих эту тему: [Knappová 1979, 2002; Svobodová 2011; Sekvent 2013; Panhans 2016].

Практическая часть моей работы состоит из корпусного исследования, эксперимента и дискурсивного анализа. Для корпусного исследования я создала базу данных по чешской Википедии объемом в 4306 фамилий. Меня интересовало, какая форма женской фамилии выбирается при создании статьи в Википедии и как этот выбор коррелирует со страной происхождения и профессией носительницы фамилии. Статистический анализ полученных данных позволил заключить, что, во-первых, форма с суффиксом *-ová* встречается всего у 23,4% фамилий вопреки распространенному представлению об обязательности феминитивов в чешском языке. Во-вторых, в фамилиях политиков и писательниц женские формы встречаются чаще, чем в фамилиях

актрис, певиц и спортсменов. В-третьих, страна влияет на выбор формы фамилии сильнее, чем профессия.

Для эксперимента я составила опросник, который заполняли носители чешского языка. Респонденты считали, что участвуют в исследовании чешской культуры, в то время как настоящей целью эксперимента было проследить выбор формы женских фамилий. Я получила 667 употреблений фамилий, среди которых было всего 3% феминитивов. Несмотря на некоторую несбалансированность выборки, которая не позволяет делать общие выводы, можно с уверенностью заключить, что молодые люди в письменной речи и в ситуации участия в научном исследовании и контакта с иностранцем не склонны употреблять женские формы иностранных фамилий.

Наконец, я проанализировала дискурс о феминитивах, образованных от иностранных фамилий, используя обсуждения на нескольких чешских форумах и сайтах [Facebook s.d.; ascestinaru.cz s.d.; czechfreepress.cz s.d.; neviditelnypes.lidovky.cz s.d.; snow.cz s.d.]. Обнаружилось, что, во-первых, на эту тему в интернете ведется много споров, что свидетельствует о ее актуальности. Во-вторых, существуют типичные аргументы, которые повторяются в дискуссиях на тему феминитивов. Так, сторонники употребления женских форм ссылаются на необходимость снятия синтаксической омонимии, необходимость включения иностранных фамилий в систему грамматики чешского языка, а также на то, что феминитивы — часть языка и культуры, которую нужно сохранять. В свою очередь, противники использования феминитивов считают, что феминитивы способствуют созданию несуществующих имен и что это может быть оскорбительным для носительницы фамилии.

Если рассмотреть результаты моего исследования в контексте существующих работ на эту тему, можно выделить следующие тенденции:

- 1) При выборе формы фамилии большое значение имеет то, какое употребление закреплено в языке и привычно его носителям.

2) Женская форма преобладает в фамилиях политиков и писательниц. Можно предположить, что женские формы встречаются чаще, когда контекст связан со сферой интеллектуальной деятельности (в противовес упоминаниям в контексте поп-культуры). Однако уточнение и проверка этой гипотезы требует проведения более масштабного исследования.

3) Можно отметить особый тип фамилий — такие, которые в исконном языке уже имеют форму женского рода (прежде всего славянские). Образование от них феминитивов не поощряется ни в прескриптивных источниках, ни в дискуссиях носителей языка, но тем не менее это довольно распространенное явление.

Источники

ascestinaru.cz s.d. — Дискуссия на сайте ascestinaru.cz. (<https://www.ascestinaru.cz/prechylovani-prijmeni/>)

czechfreepress.cz s.d. — Дискуссия на сайте czechfreepress.cz. (<http://www.czechfreepress.cz/jiri-bata/problematicke-ne-prechylovani-zenskych-cizich-jmen.html>)

Facebook s.d. — Дискуссия в сети Facebook. (<https://www.facebook.com/groups/53782524188/permalink/10150602050404189/>)

Internetová s.d. — Internetová jazyková příručka. (<http://prirucka.ujc.cas.cz/>)

neviditelnypes.lidovky.cz s.d. — Дискуссия на сайте neviditelnypes.lidovky.cz. (http://neviditelnypes.lidovky.cz/diskuse.aspx?iddisku=se=A090226_234018_p_spolecnost_wag&strana=2)

snow.cz s.d. — Дискуссия на форуме snow.cz. (<https://snow.cz/tema/3739-prechylovani-cizich-jmen-v-cestine-aneb-kdo-to-sakra-je>)

Zákon 2000 — Zákon č. 301/2000 Sb., o matrikách, jménu a příjmení.

Литература

Knappová 1979 — М. Кнапповá. Пřečtylování příjmení v češtině (Pravidla a systematický přehled) // Naše řeč, ročník 62, 5, 1979. S. 225–233.

Knappová 2002 — М. Кнапповá. Naše a cizí příjmení v současné češtině. Liberec: Tax az Kort, 2002.

Komárek 1986 — М. Комáрек. Mluvnice češtiny: Tvarosloví. Praha: Academia, 1986.

- Panhans 2016 — R. Panhans. Přechylování příjmení v současné češtině a jeho recepcе vespolečnosti. PhD Thesis. Plzeň, Západočeská univerzita v Plzni, 2016.
- Sekvent 2013 — K. Sekvent. Přechylování v překladech ze stylistického hlediska // ToP (tlumočení a překlad) 109, 2013.
- Svobodová 2011 — D. Svobodová. Přechylování cizojazyčných příjmení ve světle aktuálního úzu // Jednotlivé a všeobecné v onomastice: sborník z 18. slovenské onomastické konferencie, konané ve dnech 12.–14. septembra 2011 v Prešove. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. S. 93–100. (http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Olostiak3/pdf_doc/13-svobodova.pdf).

С. М. Ардышева, Е. А. Романова, Д. А. Сапарова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ФУНКЦИИ КОПУЛЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ =*тэ* В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

1. Введение

В малокарачкинском говоре чувашского языка существует клитика =*тэ*¹, которая, согласно существующим описаниям, в литературном языке выступает в функциях показателей оптата, плюсквамперфекта, смягчающей частицы при императиве, а также используется в сослагательном наклонении [Ашмарин 1898; Павлов (отв. ред.) 1957; Андреев 1961]. В малокарачкинском говоре было обнаружено также использование =*тэ* в качестве копулы прошедшего времени и маркера фокуса.

2. Неглагольная предикация

Показатель =*тэ* маркирует неглагольный предикат в прошедшем времени, конкурируя с формами прошедшего времени глагола *pol* ‘быть’ (1a–b).

- (1) a. *pet'ə toxtər=tə*
Петя врач=COP_PST
- b. ^{OK}*pet'ə toxtər bol-za*
Петя врач быть-CV_SIM
‘Петя был врачом’.

Присоединять =*тэ* в позиции предиката при неглагольной предикации могут существительные, прилагательные, местоимения, некоторые наречия, послелог, количественные числительные, некоторые классы причастий и инфинитив долженствования.

¹ В литературном языке этот показатель всегда имеет вид =*тэ*, тогда как в исследуемом говоре подчиняется сингармонизму.

При неглагольной предикации =тə возможен только в контекстах, когда выполняются условия прямой засвидетельствованности и отмененного прошедшего, см. (2).

(2) *miʂə xola-ra=tə*

Миша город-LOC=COP_PST

i. 'Миша был в городе'. {Я сам это видел.}

ii. *'Миша был в городе'. {Я сам этого не видел, но мне рассказывали.}

Так, пример (1a) возможен только в том случае, если Петя уже не работает врачом.

Показатель =тə может занимать позицию после предиката или после узкого фокуса, что находит типологическую параллель в мокшанском языке [Kholodilova 2016], ср. (3a–b) и (4a–b). Так, в (3) присоединять показатель =тə может и предикат, и фокусная составляющая. В случае же, если предикат находится в фокусе, присоединять показатель =тə может только он, как в (4).

(3) a. *ebë=të xola-ra*

я=COP_PST город-LOC

b. *ep xola-ra=tə*

я город-LOC=COP_PST

{Кто был в городе?} 'Я был в городе'.

(4) a. *ep xola-ra=tə*

я город-LOC=COP_PST

b. **ebë=të xola-ra*

я=COP_PST город-LOC

{Где ты был?} 'Я был в городе'.

3. Показатель =тə при глагольной предикации

При присоединении к различным глагольным формам, =тə выполняет следующие функции, см. Таблицу 1 на следующей странице.

Таблица 1. Функции =*teə* в сочетании с глагольными формами

	Прямая засвидетельствованность + отмененное прошедшее	Оптитив	Сослагательное наклонение	Смягчающая частица
PST	+	–	–	–
NPST	+	+	–	–
CV_SIM	+	–	–	–
PC_PST	+	+	–	–
PC_FUT	–	+	–	–
CV_ANT	–	+	+	–
INF-ATTR	–	+	–	–
IMP / HORT / JUSS	–	–	–	+

Показатель =*teə* на предикате появляется в предложениях с семантикой отмененного прошедшего и прямой засвидетельствованности, см.(5а–б).

(5) а. *polskil'-zem ki-ze(=*teə)* *ep xam kor-d-ëm*
сосед-PL идти-CV_SIM=COP_PST я сам видеть-PST-1SG
‘Соседи приехали, я сам видел’.

б. *polskil'-zem ki-ze=teə* *ep xam kor-d-ëm*
сосед-PL идти-CV_SIM=COP_PST я сам видеть-PST-1SG
‘Соседи приезжали (приехали и уехали), я сам видел’.

При присоединении клитики к некоторым глагольным формам =*teə* маркирует оптитивность. Также выяснилось, что =*teə* выступает в качестве смягчающей частицы в сочетании с формами гортатива и юссива, см. (6)

(6) *xola-ja kaj-ar=teə*
город-LOC идти-HORT.1PL=COP_PST
‘Давай поедem в город’.

В условных конструкциях =*teə* может присоединяться к предикату как в протазисе, так и в аподозисе.

В глагольной предикации, как и в именной, клитика =*teə* может присоединяться не к предикату, а к фокусной составляющей. В этом случае она может выражать значения фокуса, см. (7).

- (7) *miʂə=teə xola-ja kaj-za*
 Миша=COP_PST город-OBJ идти-CV_SIM
 ‘Именно Миша ездил в город’.

При присоединении показателя =*teə* к непредикативной фокусной составляющей, он маркирует значения оптатива, см. (8), фокуса, сослагательного наклонения и смягченного императива, но не отмененного прошедшего, см. Таблицу 2.

Таблица 2. Положение клитики

Функция	Положение клитики	
	На предикате	На непредикативной фокусной составляющей
1. Отмененное прошедшее	+	–
2. Фокус + прямая засвидетельствованность	–	+
3. Оптатив	+	+
4. Сослагательное наклонение	+	+
5. Смягчающая приимперативная частица	+	+

- (8) *miʂə=teə xola-ja kaj-at*
 Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG
 ‘Пусть МИША поедет в город’.

В одном предложении могут находиться два показателя =*teə*, один из которых маркирует фокус, а другой — либо оптатив, либо отмененное прошедшее (9).

- (9) *miʂə=teə xola-ja kaj-at=teə*
 Миша=COP_PST город-OBJ ехать-NPST.3SG=COP_PST
 i. ‘Пусть именно Миша в город поедет’.
 ii. ‘Именно Миша ездил в город’.

Согласно [Павлов 1957], показатель =*teə* восходит к форме третьего лица прошедшего времени древнетюркского глагола *и-мек* ‘быть’. Грамматикализация фокусных маркеров из копул отмечена в [Heine, Kuteva 2002] и для ряда других языков мира.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; COP_PST — копула прошедшего времени; CV_ANT — деепричастие предшествования; CV_SIM — деепричастие одновременности; HORT — гортатив; IMP — императив; INF — инфинитив; JUSS — юссив; LOC — локатив; NPST — не-прошедшее время; OBJ — объект; PC_FUT — причастие будущего времени; PC_PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Андреев 1961 — Н. А. Андреев. Краткий грамматический очерк чувашского языка // М. Я. Сироткина (ред.). Чувашско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
- Heine, Kuteva 2002 — В. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication // K. Shagal, H. Arjava (eds.). Mordvin Languages in the Field. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.

М. В. Аристова
НИУ ВШЭ, Москва

ПРОСПЕКТИВ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В индонезийском языке глагол желания *mau* имеет также значение, близкое к значению показателя будущего времени. Некоторые грамматики уточняют это значение и определяют *mau* как вспомогательный глагол *ближайшего* будущего (*auxiliaire verbal de futur proche*) [Lombard 1991]:

- (1) *waktu dia mau meninggal*
когда он PROSP умирать
'когда он был на грани смерти' [Lombard 1991]

Бриджит Копли в [Corpley 2010] проводит сравнение *mau* и маркера будущего времени *akan*. Она указывает, что противопоставление *mau* и *akan* во многом похоже на противопоставление *be going to* и *will* в английском языке. Так же, как и *be going to*, *mau* не может использоваться в речевом акте предложения и в контексте с настоящим временем. Исходя из этих свойств *mau* и *akan*, Копли предполагает, что *mau*, в отличие от *akan*, — аспектиализированный маркер проспектива.

В работе [Козлов 2017] проспектив определяется как «глагольная форма, которая вводит событие *p* и его подготовительное состояние *s*, одновременное точке отсчета». В этой же работе описываются четыре различных типа проспектива: проксиматив, который маркирует предварительное состояние, напрямую каузирующее *p* и не допускающее временной локализации события в будущем; стандартный проспектив, допускающий темпоральную локализацию в будущем; предестинатив, у которого есть импликатура неизбежности события, а также расширенный проспектив, сочетающий свойства проксиматива и стандартного проспектива.

Цель доклада — доказать, что *mau* является показателем проспектива, а также уточнить его тип, используя диагностики, приведенные в [Козлов 2017].

По нашим данным, свойства *mau* похожи на свойства стандартного проспектива. Так, *mau* не сочетается с указаниями на продолжительность подготовительного состояния (2) или на точку его начала (3):

(2) #*Mobil saya mau rusak selama*
 машина я PROSP ломаться на.протяжении
tiga hari.
 три день
 ‘Моя машина три дня на грани поломки’.

(3) #*Komputer saya mau rusak*
 компьютер я PROSP ломаться
sejak kemarin.
 с вчера
 ‘Мой компьютер со вчерашнего дня на грани поломки’.

Mau не сочетается с *masih* ‘еще’ (4), но сочетается с *sudah* ‘уже’ (5):

(4) #*Danau masih mau kering.*
 озеро еще PROSP высохнуть
 Ожид.: ‘Озеро еще на грани пересыхания’.

(5) *Air sudah mau mendidih.*
 вода уже PROSP кипеть
 ‘Вода уже начала вскипать’.

Mau не может использоваться в речевом акте предложения (на что указывает и Б. Копли); в таких контекстах информанты последовательно предлагают заменить *mau* на *akan*:

(6) #*Saya mau membuat kopi.*
 я PROSP делать кофе
 Ожид.: ‘Я сделаю кофе’.

(7) ^{OK}*Saya akan membuat kopi.*
 я FUT делать кофе
 ‘Я сделаю кофе’.

Также невозможны контексты с *tau* в аподосисе условных предложений с каузацией:

- (7) #*Kalau anda payung tidak ambil, anda*
если ты зонтик NEG взять ты
tau kebasahan.
PROSP промокнуть
Ожид.: 'Если ты не возьмешь зонтик, ты промокнешь'.

Таким образом, *tau* не показывает свойств проксиматива, как и прочие показатели перспектива, грамматикализовавшиеся из глаголов желания. Это связано с тем, что *tau* имеет интенциональную семантику.

Кроме того, некоторые указания носителей на различия в употреблении *tau* между литературной и разговорной речью могут говорить о том, что этот показатель постепенно приближается к грамматикализации в показатель будущего времени.

Список условных сокращений

FUT — будущее время; PROSP — перспектив; NEG — отрицание.

Литература

- Козлов 2017 — А. А. Козлов. Перспектив: семантика и типология. Магистерская квалификационная работа. МГУ, М., 2017.
- Copley 2010 — B. L. Copley. Aspectualized futures in Indonesian and English // P. Cabredo Hofherr, B. Laca (eds.). *Layers of Aspect*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2010. P. 101–124.
- Lombard 1991 — D. Lombard. *Introduction à l'Indonésien*. 3e éd., rev. Paris: Archipel, 1991.

Т. А. Архангельский

*Гамбургский университет — Фонд Александра
фон Гумбольдта, Гамбург*

РУССКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УДМУРТСКОМ

Находясь в тесном контакте с русским языком, удмуртский язык заимствовал из него большое количество лексического материала. Глагольные заимствования представляют особый интерес, поскольку, как известно со времен [Moravcsik 1975], глаголы из языка-источника часто требуют специальной адаптации в языке-цели. Типологически, согласно [Wohlgemuth 2009], существует 4 типа стратегий адаптации: прямая вставка заимствованной основы, непрямая вставка (IndI; с дополнительной морфемой-вербализатором), использование «легкого глагола» (LV) и заимствование глагола вместе с парадигмой (PI). Удмуртский язык интересен тем, что в нем сосуществуют все четыре стратегии, последние три из которых всегда доступны для спонтанного заимствования в неофициальном регистре:

- (1) *mon sñimat'-t-iško / sñimat'*
я:NOM снимать-VBLZ-PRS.1SG / снимать:RUS.INF
kar-iško / sñimaju
делать-PRS.1SG / снимать:RUS.PRS.1SG
'Я снимаю [фильм]'.

Кроме того, удмуртский, по-видимому, является единственным уральским языком, использующим стратегию с легким глаголом. Целью настоящего исследования является установление факторов, влияющих на выбор одной из трех стратегий. Материалом для исследований послужил собранный автором корпус удмуртских текстов из социальной сети «ВКонтакте» объемом 2,66 млн словоупотреблений, в котором были проанализированы практически все случаи глагольных заимствований (4195 употреблений, 1242 разных глагола).

В данных наблюдается вариативность: нередко одни и те же авторы используют одни и те же глаголы с разными стратегиями. От формы заимствованного глагола выбор стратегии не зависит. Тем не менее, можно выделить ряд релевантных факторов. Для IndI значимы характеристики носителей: эта стратегия характернее для молодых авторов, а также демонстрирует (не жесткое) ареальное распределение; последнее отмечалось также в работах [Кельмаков 1998: 154; Salánki 2015]. Жанр текста влияет на частотность LV: она оказывается несколько более предпочтительной в текстах постов и групп, чем в менее формальных комментариях и личных страницах.

Наиболее интересными, однако, оказываются лексические факторы. После ручного анализа для проверки были выбраны следующие:

- относительная частотность в НКРЯ и русскоязычных постах удмуртских пользователей;
- длина в слогах;
- глагольный вид;
- морфологический класс;
- перекошенность парадигмы (употребляется ли некоторая форма в НКРЯ существенно чаще, чем остальные);
- регистровая принадлежность (логарифм отношения частотностей в устном и газетном подкорпусах НКРЯ).

Эксперименты с машинным обучением (линейная регрессия, 5-кратная кросс-валидация) показали, что наилучший результат показывает модель, в которую включены только частотности, длина в слогах и перекошенность парадигмы. В сумме эти три фактора объясняют наблюдаемое распределение явно лучше, чем baseline, хотя и заметно хуже, чем идеальный предсказатель. С ростом частотности увеличивается процент PI и уменьшается процент LV. Перекошенность парадигмы также увеличивает долю PI: формы, употребляемые значительно чаще других клеток парадигмы (например, «извини»), чаще вставляются в удмуртский текст в неизменном виде. Длина основы, наоборот, увеличивает долю LV. Отдельные эксперименты с контролем длины по-

казывают, что морфологический класс все же влияет на выбор: глаголы на *-ова-* также предпочитают LV.

Факторы длины и морфологического класса имеют диахроническое объяснение. Начиная с 1936 г., удмуртская пресса начала включать огромное количество русских заимствований в тексты [Тараканов 2007: 41]. Конструкция LV, как единственная полностью продуктивная в то время, была выбрана в качестве официального средства введения этих заимствований и рекомендовалась в грамматиках и учебниках до 1990-х гг. Конструкция IndI была продуктивной только в некоторых диалектах и распространилась на весь язык, видимо, во второй половине XX в, в результате образования койнэ в крупных городах. В то же время появилась конструкция PI, доступная при условии полного биллингвизма, установившегося только в это время. Таким образом сложилось жанровое противопоставление: в официальной прессе использовалась почти исключительно LV, тогда как в устной речи распространились все три стратегии. Это привело к тому, что глаголы, характерные для официальной прессы, стали прочно ассоциироваться с LV независимо от жанра текста, а разговорные и регистрово неокрашенные такой ассоциации не имели. Это разделение было обобщено, в результате чего с LV стали ассоциироваться более длинные глаголы и глаголы на *-ова-*, которые в среднем чаще встречаются именно в официальном регистре.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; IndI — непрямая вставка; INF — инфинитив; LV — легкий глагол; PI — заимствование глагола вместе с парадигмой; NOM — номинатив; PRS — настоящее время; RUS — русское заимствование; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Литература

- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998.
Тараканов 2007 — И. В. Тараканов. Кылмылэн азинкемез сярсь малпанъёс [Мысли о развитии нашего языка] // И. В. Тараканов.

- Удмуртский язык: становление и развитие: Сборник статей. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 38–50.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. Verb borrowing // Wiener Linguistische Gazette 8, 1975. P. 3–30.
- Salánki 2015 — Z. Salánki. The bilingualism of Finno-Ugric language speakers in the Volga Federal district: The case of Udmurt // C. Stolz (ed.). Language Empires in Comparative Perspective. Boston — Berlin: Walter de Gruyter, 2015. P. 237–264.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. A Typology of Verbal Borrowings [Trends in Linguistics. Studies and Monographs 211]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2009.

Д. Д. Белова

МГУ, Москва

МЕДИОПАССИВНЫЙ СУФФИКС *-ALT-* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Предметом исследования выступает горномарийский глагольный суффикс *-alt-(-ält-)* / *-ält-(-äält-)*². Далее обозначим его как *-alt-*, распределение алломорфов будет описано в докладе. В литературе он чаще всего фигурирует как возвратный [Саваткова 2002: 181–182; Галкин 1958: 12–22] или страдательно-возвратный [Васикова 1973: 134–138; Salo 2006]. В докладе мы рассмотрим некоторые аспекты семантики суффикса *-alt-*, которые ранее не освещались подробно и не анализировались с типологической точки зрения.

Мы обнаружили 6 употреблений *-alt-*: пассивное, модально-пассивные (потенциальный и безличный модальный пассивы), декаузативное, рефлексивное; к некоторым глаголам суффикс прибавляется без изменения значений.

Наша центральная гипотеза состоит в том, что показатель *-alt-* выражает меньшую степень вовлеченности агенса вплоть до полного подавления. Доказательством служат, в частности, следующие факты.

Во-первых, при конкуренции декаузативной интерпретации с пассивной или рефлексивной почти всегда побеждает декаузативная (в контексте первой реакции на марийский стимул), см. (1). В некоторых идиолектах пассивная интерпретация не допускается (2). С этой точки зрения в наших данных имеются

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

² Материал собран методом анкетирования носителей в Горномарийском р-не респ. Марий Эл (с. Кузнецово и окрестности) в 2018 г.

В горномарийском языке имеется омонимичный суффикс *-alt-* с пунктивной семантикой. Он образует глаголы II спряжения, а рассматриваемый нами суффикс *-alt-* — глаголы I спряжения.

отличия от данных других горномарийских говоров, изложенных в [Жорник 2017]. Подробнее они будут освещены в докладе.

(1) *sarta jört-ält-eš*
 свеча гасить-MED-NPST.3SG
 ‘Свеча гаснет’ / ^{OK} ‘Свечу задувают’.

(2) [?]*obed kačk-alt-ân*
 обед есть-MED-PRET
 ‘Обед был съеден’.

Во-вторых, *-alt-* не сочетается с т. н. глаголами с внутренней причиной (в терминологии [Levin, Rapoport-Hovav 1995]) — т. е. с глаголами, в семантической структуре которых нет агенса.

(3) а. *šăšer šap-en* / **šap-alt-ân*
 молоко киснуть-PRET / киснуть-MED-PRET
 ‘Молоко скисло’.

б. **šăšer-lân šap-alt-eš*
 молоко-DAT киснуть-MED-NPST.3SG
 Ожид.: ‘Молоко может скиснуть’.

Запрет на сочетаемость в (3) нельзя объяснить непереходностью, т. к. *-alt-* может присоединяться к непереходным глаголам: от них образуются безличный модальный пассив (4) либо дерииваты, где *-alt-* не привносит видимого изменения семантики (5).

(4) *vas'a-lan târân šănz-ält-eš*
 Вася-DAT тихо сидеть-MED-NPST.3SG
 ‘Васе удается тихо сидеть’.

(5) *l'ift kuz-alt-ân*
 лифт подниматься-MED-PRET
 ‘Лифт поднялся’.

В-третьих, *-alt-* в некоторых идиолектах не сочетается с высокоагентивными глаголами.

(6) [?]*vas'a-lan futbol-la jažo-n*
 Вася-DAT футбол-EQU хороший-ADV

mad-alt-eš

играть-MED-NPST.3SG

‘Васе хорошо играется в футбол’.

Агнс исходной ситуации, который при добавлении *-alt-* подавляется и, как правило, не выражается поверхностно, остается в семантической структуре. Это подтверждается сочетаемостью дериватов на *-alt-* с агентивно ориентированными наречиями (7), обстоятельствами цели (8), инструментом (9). Спорадически встречаются и примеры с поверхностно выраженным агенсом, однако в их случае вероятно русское влияние (подробнее эта проблема будет обсуждена в докладе).

(7) *pi jori azdar-alt-ân*

собака нарочно дразнить-MED-PRET

‘Собаку специально раздразнили’.

(8) *kindä mešäk-eš opt-alt-ân vêžal-aš manân*

зерно мешок-LAT класть-MED-PRET продавать-INF чтобы

‘Зерно положили в мешок, чтобы продать’.

(9) *nâr plug dono kâral-alt-eš*

поле плуг с пахать-MED-NPST.3SG

‘Поле пашется плугом’.

Два вида дериватов на *-alt-* обладают модальным компонентом: потенциальный пассив (10) и безличный модальный пассив (в англоязычной литературе такие деривации фигурируют под термином *dispositional middle* от переходных и непереходных глаголов, соответственно, см. [Doron 2013: 10–12]). Они выражают динамическую модальность (в подавляющем большинстве случаев возможность, значение долженствования появляется спорадически). В [Salo 2015: 63–68] описано выражение динамической модальности пассивно-рефлексивным суффиксом в генетически близких мордовских языках, но марийский материал в этой связи не рассматривается. В [Samioti 2016] на материале новогреческого языка (с привлечением типологического обзора) показана взаимосвязь модального компонента (*ability / possibility*) с зало-

гом и значениями хабитуальной зоны, что согласуется и с нашими данными:

- (10) *nasmork törl-ält-eš*
насморк выпрямлять-MED-NPST.3SG
'Насморк излечим'.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADV — адвербиализатор; DAT — датив; EQU — экватив; IN — инессив; INF — инфинитив; LAT — латив; MED — медий; NPST — непрощедшее время; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Васикова 1973 — Л. П. Васикова. Полисемичные суффиксы глагола марийского языка // Вопросы марийского языкознания 3, 1973. С. 133–144.
- Галкин 1958 — И. С. Галкин. Залоги в марийском языке. Йошкар-Ола: Б.и., 1958.
- Жорник 2017 — Д. Жорник. Пассивно-декаузативная полисемия в горномарийском языке (на материале говора с. Микряково). Доклад, прочитанный на Чтениях памяти А. И. Кузнецовой, 4 марта 2017 г. МГУ им. Ломоносова, М., 2017.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Doron 2013 — E. Doron. Voice // J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, T. Vennemann. Syntax: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / An International Handbook of Contemporary Research. 2nd ed. Berlin: de Gruyter, 2013. (<http://pluto.huji.ac.il/~edit/edit/Voice.pdf>)
- Levin, Rappaport-Hovav 1995 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Unaccusativity: At the Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Salo 2006 — M. Salo. The derivational passive and reflexive in Mari grammars // J. Nuorluoto (ed.). The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Helsinki: Departement of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2006. P. 328–340.

- Salo 2015 — M. Salo. *Passive and Reflexive Categories in Languages of the Volga Region: An Areal Typological Study*. PhD Thesis. University of Helsinki, Helsinki, 2015.
- Samioti 2016 — P. Samioti. *Ability / possibility and stativity: Where is the voice?* // M. Mattheoudakis, K. Nicolaidis (eds.). *Selected Papers on Theoretical and Applied Linguistics from ISTAL 2013 (International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics, 5–7 April 2013)*. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki, 2016. P. 381–400.

А. М. Беляева

НИУ ВШЭ — Филология, Москва

О НЕСТАНДАРТНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ АДДИТИВНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В нашем исследовании мы рассматриваем нестандартные значения, которые возникают в абазинском языке, когда вещественные имена сочетаются с показателем аддитивной множественности.

Под вещественными именами мы понимаем имена, обозначающие такие множества или предметы, где затруднительно деление на отдельные кванты. Соответственно, вещественные имена обычно сохраняют морфологическую форму вне зависимости от количества вещества. Такие «названия веществ и материалов являются классическими представителями имен с недискретным референтом» [Ляшевская 2004].

Так, в русском языке вещественные имена могут обозначаться *singularia tantum* (снег, вода, шелк). *Pluralia tantum*, как правило, используется для обозначения видов и сортов вещества (вина, крупы, лаки), больших скоплений вещества (снега), особый подвид или сходные с обозначаемым *singularia tantum* веществом (газы, грязи, осадки) [Ляшевская 2004].

В дагестанских языках вещественные имена, как правило, выражаются единственным числом. Они могут иметь форму множественного числа, но она характеризуется ограниченным употреблением и имеет специфическое значение [Сумбатова, Ландер 2014]. Так, например, в чирагском диалекте даргинского вещества обозначаются *pluralia tantum* и могут присоединять показатель множественного числа [Кибрик 1992]. Однако такое употребление редко для дагестанских языков.

Как правило, рассматривая множественность вещественных имен, исследователи классифицируют их по внутренней структуре или даже функции. При составлении полевой анкеты (западно-кавказская экспедиция 2018 г., Карачаево-Черкесия, аул Инжич-

Чукун) мы опирались на классификацию Кумахова для адыгских языков [Кумахов 1971]. Нам кажется более продуктивным классифицировать отдельные семантические значения множественных форм вещественных имен в абазинском, которые естественным образом связаны с такими лексическими значениями, как форма и состав, но при этом исключают дилемму веществ, которые можно отнести сразу к нескольким классам и направляют наше исследование по более абстрактному пути.

Итак, мы выделили среди значений множественных вещественных имен в абазинском:

1) **Сорта и разные виды веществ.** Это значение встречается чаще всего не только в абазинском, но и в кратко рассмотренных нами русском и даргинском. Оно возникает почти у всех классов: материалы, сыпучие, крупы и еда, ткани и металлы и др. Один из немногих классов, в которых это значение не зафиксировано, — погодные явления.

2) **Большие скопления вещества.** Это значение также довольно широко распространено, оно встречается и в русском, и в дагестанских. В абазинском оно встречается у всех лексических классов, кроме разве что черт характера, которые в некоторых классификациях относятся к вещественным именам (однако нам кажется, что вопрос о том, являются ли они вещественными именами, не решен однозначно).

3) **Отдельные порции** (в том числе и емкости с жидкостями). Деление на порции — менее стандартное значение, которое ограничено встречается в русском и присутствует в дагестанских. Тем не менее оно стандартно для абазинского и встречается со всеми классами, выделенными Кумаховым [Кумахов 1971].

4) **Изделия.** Нам не удалось найти такое значение ни у одного исследователя, тем не менее нам кажется, что изделия следует выделять в силу того, что для них всегда семантически определена функция. Нам представляется, что это значение редко — во всяком случае, оно не встречается в кратко рассмотренных нами языках. В абазинском оно встречается не во всех классах, вероятно, это связано с тем, что не из любого вещества можно изготовить изделие.

5) **Участки территории.** Участки как отдельное значение существует в даргинском. В абазинском оно возникает у названий растительных культур. В силу своей специфичности оно представляется сравнительно редким.

Можно заключить, что частота возникновения тех или иных значений в первую очередь зависит от абстрактности значения, кроме того, нам кажется, что значительную роль играют экстралингвистические факторы (такие как культурные практики носителей, ландшафт и аграрные условия).

Литература

- Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Числовые формы несчетных существительных в дагестанских языках // А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языкознании). М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 131–135.
- Кумахов 1971 — М. А. Кумахов. Категория числа // М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. С. 5–35.
- Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сумбатова, Ландер 2014 — Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танты: Грамматический очерк, вопросы синтаксиса: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Е. Н. Вербина

МГУ, Москва

**МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ *ki*, *at*, *λolən*
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹:
синтаксис и семантика**

Доклад будет посвящен подробному описанию синтаксиса и семантики модальных частиц *ki*, *at*, *λolən* в хантыйском языке². По данным [Каксин 2010], *at* и *λolən* описываются как «частицы, выражающие пожелание или безразличное отношение» (1)–(2), а *ki* — как союз, употребляющийся в условных конструкциях (3). Мы же планируем показать, что спектр значений этих частиц более широк, чем кажется, и что хотя синтаксис этих частиц был некоторым образом описан в [Каксин 2010] и [Nikolaeva 1999], следует уточнить или дополнить некоторые факты.

- (1) *at* *rəpit-λ-ət*
 пусть работать-NPST-3PL
 ‘Пусть работают’.
- (2) *peta-en* *λolən* *äškola-en*
 петя-POSS.2SG бы школа-LOC
 ‘Хоть бы Петя был в школе’.
- (3) *taśaŋ* *wəλ-s-əm* *ki*, *vən* *χot*
 богатый быть-PST-1SG если большой дом
 λət-s-əm
 купить-NPST-1SG
 ‘Если бы я был богатым, я бы купил большой дом’.

Во-первых, в [Каксин 2010] делается заявление, что *ki* не может стоять в начальной позиции. По нашим данным, это

¹ Казымский диалект хантыйского языка.

² Данные были собраны в ходе экспедиции МГУ / НИУ ВШЭ в с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа в июне-июле 2018 г.

действительно так. В [Nikolaeva 1999] говорится о том, что частица *ki*, как правило, стоит в конце клаузы. С этим мы не можем полностью согласиться: часто информанты ставят частицу не в конечной позиции, а в середине (4). В нашем докладе мы сделаем заявление, что *ki* может употребляться практически в любой позиции, кроме самого начала клаузы. Кроме того, *ki* употребляется не только в условных конструкциях. В сочетании с глаголом *ki* может иметь оптативное значение (при этом необязательно употребление каких-либо других частиц в предложении — *ki* сама по себе может привносить такое значение (5).

(4) *stakanə ki äntam, ma kurškə jans-λ-əm*
 стакан если NEG.3SG я кружка пить-NPST-1SG
 ‘Если нет стакана, то из кружки буду пить’.

(5) *ma tašay wəλ-s-əm ki*
 я богатый быть-PST-1SG если
 ‘Хоть бы я был богатым’.

Во-вторых, в [Nikolaeva 1999] описывается употребление *ki+λолән* в значении оптатива (*Conjunctive mood* в [Nikolaeva 1999]), но не было ничего сказано о других сочетаниях, таких как *at+ki* и *at+λолән*. В докладе планируется рассказать о том, что *at+λолән* и *at+ki* довольно часто наряду с *ki+λолән* употребляются в оптативном значении. Кроме того, ничего не было сказано о еще одной важной функции — *ki+λолән* может использоваться для выражения вежливой просьбы, при этом употребление данных частиц в таком контексте опционально — можно убрать либо *ki*, либо *λолән* (6).

(6) *manema (λолән) sul mä-s-ən (ki)*
 я.DAT пусть соль дать-PST-2SG если
 {Вежливо.} ‘Не мог бы ты передать передать мне соль?’

Функции частицы *at* были также описаны не полностью. И в [Каксин 2010], и в [Nikolaeva 1999] было точно подмечено, что данная частица употребляется со значением адхортатива (1). Однако в ходе исследований было выяснено, что *at* + глагол в настоящем времени, во втором лице может иметь императивное

значение (в некоторых контекстах — см. пример (7)), а иногда даже может употребляться с глаголами в первом лице (8).

(7) *at roipit-λ-ən*
пусть работать-NPST-2SG
{С некоторым возмущением: ‘Я тут работаю, а вы просто сидите’ — ‘И что?’} ‘Работай!’

(8) *at roipit-λ-əm*
пусть работать-NPST-1SG
{И что?} ‘Я тут работаю!’

Все это и еще некоторые факты, каким-то образом не отмеченные в упомянутых нами грамматиках будут рассмотрены в нашем докладе.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; POSS — посессивность; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCUM Europa, 1999.

А. Ю. Вознесенская

МГУ, Москва

ОТАДЪЕКТИВНЫЕ НОМИНАЛИЗАЦИИ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель данного исследования — выявить способы образования отадъективных номинализаций в грузинском языке и описать свойства этих форм. Материалы исследования получены в ходе работы с носителями грузинского языка.

В грузинском языке есть две модели образования отадъективных имен: с помощью префикса *-si* (1) или с помощью суффикса *-ob* (2). Что касается продуктивности, номинализации образуются только от прилагательных, которые по семантической классификации [Roy 2010] можно отнести к интерсективным (1) или привативным (2), как и предсказывает данная работа. Эти семантические типы прилагательных также являются единственными, способными употребляться в предикативной позиции.

- (1) *am mux-is si-lamaze izidavs*
этот.GEN дуб-GEN NMZ-красивый привлекает
t'urist'-eb-s
турист-PL-ACC
'Красота этого дуба привлекает туристов'.

- (2) *am bets'v-is xelovnur-ob-a*
этот.GEN мех-GEN искусственный-NMZ-NOM
ašk'ara aris
очевидно есть
'Поддельность этого меха очевидна'.

Также следуя [Roy 2010], исследуемые номинализации были разделены на имена-состояния и имена-качества: первые имеют стативное прочтение, их внешний аргумент — экспериенцер и они допускают модификацию прилагательными *mudmivi* 'постоянный' и *xširi* 'частый'; вторые имеют качественное прочтение,

генитивная группа при них — посессор, модификацию данными прилагательными они не разрешают. Таким образом, это распределение свойств схоже с распределением свойств результативных и событийных имен [Grimshaw 1990]. Существует, однако, третий вид отадъективных имен, вслед за [Arche, Marín 2012] мы назовем их эпизодическими (occurential). Они образуются от оценочных прилагательных. Этот класс номинализаций имеет ряд свойств, не присущих стативным и квалитативным именам: образование множественного числа, внешний аргумент — агенс, модификация прилагательными типа *orsaatiani* ‘двухчасовой’, присоединение целевых клауз.

Итак, мы выявили три класса отадъективных имен. Из того, что образование номинализаций допустимо только при возможности предикативного употребления, можно заключить наличие в структуре номинализаций предикативной вершины (для [Roy 2010] и [Arche, Marín 2012] это вершина Pred). Различия в свойствах трех классов должны, по нашему предположению, следовать из различных свойств этой вершины, а точнее из степени ее дефективности относительно эталонной глагольной вершины (такой как переходный легкий глагол): для квалитативных имен вершина не проецирует внешний аргумент, для стативных — проецирует экспериенцер, в то время как агентивный аргумент возможен только в случае эпизодических имен.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; GEN — генитив; NMZ — номинализатор; NOM — номинатив; PL — множественное число.

Литература

- Arche, Marín 2012 — M. J. Arche, R. Marín. On the edge // J. A. Smith, T. Ihsane (eds.). Romance Linguistics 2012: Selected Papers from the 42nd Linguistic Symposium on Romance Languages (LSRL), Cedar City, Utah, 20–22 April 2012. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. Vol. 7. P. 261.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. Argument Structure. Cambridge: The MIT Press, 1990.

Roy 2010 — I. Roy, I. Deadjectival nominalizations and the structure of the adjective // A. Alexiadou, M. Rathert (eds.). *The Syntax of Nominalizations across Languages and Frameworks*. Berlin — New York, NY: De Gruyter Mouton, 2010. P. 129–158.

Ф. В. Голосов

НИУ ВШЭ, Москва

**ЛЕГКИЕ ГЛАГОЛЫ-ТЕЛИСИЗАТОРЫ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹**

В чувашском языке есть так называемые «сложные глаголы» — конструкции, в которых легкий глагол-вершина модифицирует структурные и/или семантические свойства зависимого лексического глагола:

- (1) *təj sin-ze ka-rⁱ-ə*
чай остывать-CV_SIM уйти-PST-3SG
‘Чай остыл’ / #‘Чай, остыв, ушел’.

Согласно [Рыжкова 2017], некоторые легкие глаголы в силу высокой степени грамматикализации способны фонетически сливаться с деепричастиями. Так, например, ведет себя глагол *jer* ‘послать’:

- (2) *jidə vër-z=er-tə-ë*
собака лаять-CV_SIM=послать-PST-3SG
‘Собака залаяла’.

Чувашским сложным глаголам было посвящено большое количество литературы, из современных источников см., например, [Лебедев 2016] о грамматической семантике самых частотных лексем. Мы расскажем о четырех легких глаголах: *kaj* ‘уйти’, *jer* ‘послать’, *p(ə)rak* ‘бросить’ и *lart* ‘поставить’. Их роднит меж-

¹ Материалы для нашего исследования были собраны методом эlicitации в ходе экспедиции НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербурга в с. Малое Карачкино в августе 2018 г.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

ду собой общая функция — телисизация, т. е. введение интерпретации достижения предела:

(3) *pørt pilëk minut*(-ra) çon-të-ə*
 дом пять минут-LOC гореть-PST-3SG
 ‘Дом *(с)горел *(за) пять минут’.

(4) *pørt pilëk minut*(-ra) çon-za ka-ri-ə*
 дом пять минут*-LOC гореть-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Дом *(с)горел *(за) пять минут’.

Глаголы *kaj* и *jer* можно назвать «простыми» телисизаторами, поскольку они лишь вводят или специфицируют предельную интерпретацию, не добавляя никакой дополнительной семантики:

(5) *çurda pilëk minut*(-ra) syn-ze ka-ri-ə*
 свеча пять минут-LOC гаснуть-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Свеча *(по)гасла *(за) пять минут’.

(6) *vaçə pilëk minut*(-ra) şu ëç-s=er-të-ë*
 В. пять минут-LOC вода пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 ‘Вася *(вы)пил воду *(за) пять минут’.

При этом распределение *kaj* и *jer* представляет особый интерес. Так, только *jer* сочетается с переходными предикатами и непереходными агентивными предикатами:

(7) *vaçə v'oe:ə-na jorat-s=er-të-ë*
 В. теща-OBJ любить-CV_SIM=послать-PST-3SG
 / **jorat-sa ka-ri-ə*
 любить-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася полюбил тещу’.

(8) *vaçə kəşkər-z=er-të-ë*
 В. орать-CV_SIM=послать-PST-3SG
 / **kəşkər-za ka-ri-ə*
 уйти-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася заорал’.

С другой стороны, только *kaj* способен телисизировать мовалентные пациентивные предикаты:

- (9) *vəl vil-ze ka-rʲ-ə*
 он умереть-CV_SIM уйти-PST-3SG
 / **vil-z=er-tə-ë*
 умереть-CV_SIM=послать-PST-3SG
 ‘Он умер’.

Однако распределение *kaj* и *jer* нельзя назвать дополнительным, поскольку они оба способны телисизировать экспериенциальные предикаты (без контекстуального различия):

- (10) *vaεə xojgər-z=er-tə-ë*
 В. грустить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 / *xojgər-za ka-rʲ-ə*
 грустить-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася загрустил’.

Глагол *p(ə)rak* имеет довольно узкую сочетаемость как телисизатор, при этом среди глаголов, с которыми он сочетается, довольно сложно выделить естественные классы. В первом приближении можно выделить два класса — это глаголы уничтожения объекта и глаголы длительного состояния:

- (11) *vaεə kənege-je pilək minut*(-ra) εon-dar-za*
 В. книга-OBJ пять минут-ABL гореть-CAUS-CV_SIM
prak-rʲ-ə
 бросить-PST-3SG
 ‘Вася книгу *(с)жег *(за) пять минут’.

- (12) *vaεə daε-nʲ-a jorat-sa prak-rʲ-ə*
 В. Даша-P_3-OBJ любить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася полюбил Дашу’.

Глагол *lart* также вводит или специфицирует предельную интерпретацию, добавляя значение достаточности действия с точки зрения субъекта:

- (13) *vaεə pilək minut*(-ra) (sup) εi-ze lart-rʲ-ə*
 В. пять минут-LOC суп есть-CV_SIM ставить-PST-3SG
 ‘Вася наелся (супом) *(за) пять минут’.

- (14) *vaεə xot εor-ze lart-rj-ə*
 В. бумага рвать-CV_SIM ставить-PST-3SG
 ‘Вася нарвал бумаги’.

При этом достаточность действия может быть оценена только референтом подлежащего, поэтому *lart* невозможен в контекстах, когда субъектом оценки степени удовлетворения является не референт подлежащего:

- (15) *vaεə man-a (*kil-me-zer) εidelëklë okεa*
 В. я-OBJ желать-INF-CAR достаточно деньги
par-za lart-rj-ə
 дать-CV_SIM ставить-PST-3SG
 ‘Вася (*нехотя) дал мне достаточно денег’.

Превращение глаголов со значениями УЙТИ, ПОСЛАТЬ, БРОСИТЬ и ПОСТАВИТЬ в телисизаторы — явление, свойственное многим тюркским языкам (см., например, общетюркский обзор в [Гращенко 2015]), а также некоторым языкам, оказавшимся под тюркским влиянием (см., например, анализ горномарийских глаголов-телисизаторов в [Голосов 2017]). Представляется перспективным типологическое сравнение легких глаголов-телисизаторов на предмет оттенков грамматической семантики и сочетаемостных особенностей.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AVL — аблатив; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CV_SIM — имперфективное деепричастие; INF — инфинитив; LOC — локатив; OBJ — объектный падеж; P — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Голосов 2017 — Ф. В. Голосов. Брось, оставь и уйди: легкие глаголы *koltaş*, *şuaş* и *keÿş* в горномарийском языке и их аспектуальная семантика // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 32–34.

- Гращенко 2015 — П. В. Гращенко. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Лебедев 2016 — Э. Е. Лебедев. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016.
- Рыжкова 2017 — Е. А. Рыжкова. Грамматикализация вершин сложных глаголов в малокарачкинском диалекте чувашского языка Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 155–158.

Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина

МГУ, Москва

СЕМАНТИКА И ПОЛИСЕМИЯ ПРИЧИННЫХ МАРКЕРОВ: данные горномарийского языка¹

Работа посвящена причинным маркерам в горномарийском языке. Полисемия одного из них — показателя латива *-eš* — обсуждается в [Давидюк, в печати]. В этом докладе мы сосредоточимся на причинных послелогах, семантика которых ранее нигде детально не обсуждалась. Некоторые из них обладают типологически нетривиальной полисемией. Мы также обсудим семантические различия причинных маркеров в горномарийском языке. Данные собраны в ходе полевых исследований в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского р-на респ. Марий Эл в 2017–2018 гг. В первую очередь использован метод анкетирования носителей, учтены также данные корпуса экспедиционных текстов (на текущий момент около 45 тыс. словоупотреблений).

Типологически причинное значение развивается у пространственных и инструментальных маркеров (см. [Traugott, König 1991; Heine, Kuteva 2002]). В горномарийском словаре [Саваткова 2008] отмечены такие причинные послелоги, как *gišän*, *veldäk* и *verc*. Однако ни один из них не имеет пространственного значения. Совмещение пространственного и причинного значения характерно лишь для элативного послелога *gäc(än)*, инструментального и причинного — для послелога *dono*.

Типологически нетривиальная полисемия представлена у послелога *gišän*: он совмещает значения темы (1) и причины (2a).

- (1) *pet'a maša dono igečä gišän pop-en*
Петя Маша с погода о говорить-PRET
'Петя говорил с Машей о погоде'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-04-18036 е. Более подробно о лингвистической экспедиции в Горномарийский р-н см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

- (2) a. *jur* *tāngäl-mäš* *gišän* / *veldäk* *jērän-äm*
 дождь начаться-NMLZ о из-за грядка-ACC
saml-en *š-äm* *šoktâ*
 полоть-CVB NEG.AOR-1SG успеть
 ‘Я не успел прополоть грядки из-за начала дождя’.
- b. *män’ jur* *gišän* / **veldäk* // *jur-eš*
 я дождь о из-за дождь-LAT
nör-en-äm
 мокнуть-PRET-1SG
 ‘Я намок от дождя’.

Данная полисемия не была отражена в исследованиях полисемии причинных маркеров [Хааг 2004; Luraghi 2009, 2015]. В [Dirven 1993] отмечается, что английский предлог *about* ‘о’ может обозначать как тему (*talk / think about* ‘говорить / думать о чем-то’), так и причину эмоционального состояния (*excited / crazy about* ‘возбужден / ошеломлен чем-то’). Однако данный семантический сдвиг признается метафорой, образованной от пространственного значения предлога (*about the playground* ‘около детской площадки’). Такое объяснение неприменимо к послелогу *gišän*, т. к. последний не имеет пространственного значения, а его употребление для обозначения причины не ограничивается глаголами эмоций.

Среди семантических оппозиций между причинными маркерами можно выделить, во-первых, различное маркирование прямой и непрямой причины. Различие между этими семантическими типами заключается в том, связаны ли причина и следствие напрямую или же между причиной и следствием можно построить логические «шаги». Так, в (2a) причина «начало дождя» и следствие «не успеть прополоть грядку» связаны косвенно: дождь начался, поэтому говорящий опасался намокнуть, и именно из-за последнего факта прополка грядки была прекращена или не была начата — следовательно, перед нами не прямая причина, которую могут маркировать послелог *gišän* и *veldäk*. Прямую причину можно наблюдать в (2b), где намокание является прямым следствием начала дождя, и использование этих послелогов уже не будет приемлемым.

Еще один релевантный для семантической дистрибуции параметр — эмоциональная оценка ситуации. В частности, послелог *gäc(-än)* употребляется при отрицательной оценке ситуации (3a), однако становится неуместным при положительной оценке (3b).

(3) a. *täda lüid-mäš gäc(-än) sägär-äl kolt-en*
он бояться-NMLZ EL-FULL кричать-АТТ.CVB слать-PRET
'Он закричал от страха'.

b. *män susu *gäc(-än) / gišän tärgešt-en-üm*
я веселый EL-FULL о прыгать-PRET-1SG
'Я прыгал от радости'.

В докладе мы обсудим и другие релевантные параметры семантической дистрибуции, как, например, противопоставление контролируемого и неконтролируемого действия, внешней и внутренней причины, а также ограничения употребления с некоторыми семантическими типами причины и следствия. Кроме того, мы предпримем попытку сравнить наши данные с доступными материалами по другим языкам, в частности по русским причинным предложениям [Апресян 2003; Богуславская, Левонтина 2004; Иорданская, Мельчук 2007].

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; АТТ — атрибутивизатор; CVB — конверб; EL — элатив; FULL — полная форма послелога; LAT — латив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; POSS — посесивность; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 3-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 68–88.

- Давидюк, в печати — Т. И. Давидюк. Латив в горномарийском языке // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН.*
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. *Смысл и сочетаемость в словаре.* М.: Языки славянских культур, 2007.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. *Словарь горномарийского языка.* Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Хааг 2004 — Е. О. Хааг. *Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке.* PhD Thesis. Университет Тарту, Тарту, 2004.
- Dirven 1993 — R. Dirven. *Dividing up physical and mental space into conceptual categories by means of English prepositions* // C. Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing [Natural Language Processing 3].* Berlin — New York, NY: De Gruyter Mouton, 1993. P. 73–97.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Luraghi 2009 — S. Luraghi. *The evolution of local cases and their grammatical equivalent in Greek and Latin* // J. Barðdal, S. Celliah (eds.). *The Role of Semantic, Pragmatic, and Discourse Factors in the Development of Case.* Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. P. 283–305.
- Luraghi 2015 — S. Luraghi. *Instrument and Cause in the Indo-European languages and in Proto-Indo-European* // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 2015. P. 603–618.
- Traugott, König 1991 — E. C. Traugott, E. König. *The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited* // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization.* Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1991. Vol. 1. P. 189–218.

В. В. Дьячков
ИЯз РАН, Москва

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ ТОМО-КАН (ДОГОН): существительные или глаголы?¹

Определение категории прилагательного для языков, в которых она не выделяется по синтаксическим критериям, как известно, сопряжено со значительными трудностями, в связи с чем в некоторых теориях эта категория выделяется на семантических основаниях (см. в первую очередь [Dixon, Aikhenvald 2004]). При описании семантических критериев исследователи, как правило, выделяют несколько лексических классов прилагательных (цвета, размера, скорости и др.), которые считаются ядром универсального класса прилагательных в языках мира.

Данная проблема особенно остро стоит в африканистике. Африканские языки известны тем, что прилагательные в них зачастую представляют собой закрытый класс, который в разных описаниях (в том числе для близкородственных языков) выделяется на разных основаниях. Общетипологические критерии в данной области, однако, выработать весьма трудно (см., например, обзор [Ségerer 2008]).

Наша работа представляет собой попытку конкретноязыкового исследования², ставящего своей целью экспликацию критериев, по которым следует выделять прилагательные в одном из языков догон — томо-кан. Мы утверждаем, что большое количество фактов может быть объяснено, если трактовать прилагательные как особый класс существительных. Наша аргументация базируется, во-первых, на том, что формально эти конструкции не отличаются от аппозитивных конструкций вида «посессор +

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 17-78-20071.

² Материал языка томо-кан был собран автором в ходе полевой работы в 2014 и 2017 гг. в Буркина-Фасо.

обладаемое» — в обоих случаях левый элемент кодируется наложением низкотонного контура, ср. (1) и (2):

- (1) *jìnà jón*
дом.L черный
'черный дом' (исх. форма *jìná*)
- (2) *àmàdù càná*
Амаду.L сердце
'сердце Амаду' (исх. форма *ámádù*)

Принятие подобной точки зрения означает, что в сочетании «прилагательное + существительное» прилагательное трактуется как вершина конструкции, а само сочетание имеет строго интерсективную семантику: так, в примере (1) значение конструкции складывается из пересечения множества черных объектов и множества домов согласно правилу Предикатной модификации Хаим и Кратцер (см. [Heim, Kratzer 1998; Morzycki 2015]). Трактовка прилагательного как вершины конструкции действительно встречается применительно к некоторым языкам (см., например, анализ материала языка басаа (< банту) в [Human et al. 2013]).

Вместе с тем некоторые единицы, которые относятся к прилагательным согласно классификации [Dixon, Aikhenvald 2004], ведут себя иначе, чем остальные прилагательные в томо-кан (и с точки зрения синтаксиса являются, по нашему мнению, причастиями). В частности, при модификации этими прилагательными существительные сохраняют свой тоновый контур:

- (3) *kwémbéréⁿ* 'скорлупа' — *kwémbéréⁿ kwé* 'пустая скорлупа'

Два класса прилагательных различаются также и деривационными возможностями: в предикативной позиции прилагательные первого класса требуют прибавления показателя *yè*, а прилагательные второго класса с ним употребляться не могут (как мы покажем, *yè* является показателем медиа, который деривирует глаголы от существительных):

- (4) *ɲkó á:ⁿ táná yè wó*
DEM мужчина толстый MED быть
'Этот мужчина толстый'.

- (5) *kwémbéréⁿ kwé:* (*yè kó)
скорлупа пустой MED быть
'Скорлупа пустая'.

Мы представим также другие факты, которые говорят в пользу трактовки первого класса прилагательных как подкласса существительных. В томо-кан порядок прилагательных не фиксирован, что не позволяет постулировать в языке иерархию адъективных вершин в духе [Cinque 1999]. В некоторых (хотя и редких) случаях порядок «существительное — прилагательное» может подвергаться инверсии. Мы постараемся показать, что оба явления могут быть объяснены с привлечением правила Предикатной модификации, при применении которого имеет значение порядок композиции элементов синтаксической группы «существительное + прилагательное».

Список условных сокращений

DEM — указательное местоимение; L — наложение низкотонового контура; MED — медиальный залог.

Литература

- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-linguistic Perspective*. New York, NY: Oxford University Press, 1999.
- Dixon, Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Adjective Classes: A Cross-linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Cambridge, MA — Oxford: Blackwell Publishing, 1998.
- Hyman et al. 2013 — L. Hyman, P. Jenks, E.-M. Makasso. Adjectives as nominal heads in Basaa // O.-O. Orié, K. W. Sanders (eds.). *Selected Proceedings of the 43rd Annual Conference on African Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2013. P. 151–162.
- Morzycki 2015 — M. Morzycki. *Modification* [Key Topics in Semantics and Pragmatics]. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Ségerer 2008 — G. Ségerer. *Closed adjective classes and primary adjectives in African languages*. Unpublished manuscript, 2008. (http://www.vjf.cnrs.fr/llacan/publications/Segerer_2007-adjectives.pdf)

М. А. Егорова

Институт лингвистики РГГУ, Москва

О СЕМАНТИКЕ АОРИСТА В СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа представляет собой попытку исследования семантики аориста в современном сербскохорватском языке. Как отмечают специалисты [Maretić 1963: 616–618; Стевановић 1989: 633; Тошович 2006: 195], употребление аориста ограничено разговорным и литературно-художественным стилями. При этом во всех контекстах форма аориста может быть заменена на форму перфекта, но не каждую форму перфекта можно произвольно заменить аористом. На этом основании мы считаем формы аориста сильно маркированными.

По результатам наблюдения над языком художественной прозы второй половины XX в., мы выделяем следующие значения / функции аориста.

1. Аористное значение (1) представляет собой простую комбинацию перфективного значения и прошедшего времени. Ярлык ‘аористное’ для сочетания значений перфектива и прошедшего времени мы позаимствовали из [Comrie 1976: 12], где обсуждается термин ‘aoristic’.

(1) *Ти, Милутине — показа ми он на једну планину, не знам како се зове — видиш само до оне планине, а не видиш шта је и како је иза планине.*

‘Ты, Милутин, — показал он мне на какую-то гору, не знаю, как называется, — видишь лишь до той горы, а что и как за горой, не видишь’.

2. К числу митаривных относятся аористы, называющие неожиданное событие (2)–(3); событие, противоречащее ожиданиям (4); наконец, случайное событие, имеющее неожиданные последствия (5).

- (2) *Још док је тако стајао, Свилар чу необичан звук као хучање воде, али воде негде високо у ваздуху.*
‘Пока еще [оні] так стоял, Свиларі услышал необычный звук, похожий на плеск воды, но воды где-то высоко в воздухе’.
- (3) *Да ли се ти бојиш смрти? — упита он Херу изненада.*
‘А ты боишься смерти? — неожиданно спросил он Геру’.
- (4) *Не дођоше оцу ни четири брата из Војводине које је стално у болести звао, а који пред рат одселише на добровољачку земљу.*
‘Не приехали к отцу и четыре брата из Воеводины, которых он постоянно звал во время болезни и которые перед войной отселились на добровольческую землю’.
- (5) *Донео сам тај камичак с другог краја Балкана, са брда изнад града Алексинца; тачније, узео сам га из порте испред цркве Свете Тројице у селу Горњи Адровац, где ме једнога лета случајно нанесе пут.*
‘Я принес этот камушек с другого края Балкан, с гор над городом Алексинац; точнее, я взял его с церковного двора перед церковью Святой Троицы в селе Верхний Адровац, куда меня тем летом случайно привела дорога’.

Название второго кластера отсылает к термину ‘миративность’ (mirativity), который определяется в [DeLancey 2001: 369] как «маркирование средствами языка высказываний, передающих новую или неожиданную с точки зрения говорящего информацию». С этим кластером значений нетривиальным образом связан третий.

3. Фокусирующие аористы, которые выделяют наиболее значимые для развития повествования события (6).

- (6) *Сада тај запис постаје Друга глава целине која ће обухватити сва моја знања о древном Србину кога нађох на страшишту испред Вазнесењске цркве.*
‘Сейчас эта запись становится Второй главой единого целого, которое охватит все мои знания о древнем сербе, кото-

рого я нашел на месте гибели [людей] возле Вознесенской церкви’.

В (6) внешне случайное событие — встреча со стариком — определило описываемое положение вещей и поэтому является значимым с точки зрения рассказчика (ср. обсуждение понятия ‘степени фокусированности ситуации’ в [Плунгян 2008]).

Литература

- Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. Предисловие: дискурс и грамматика // В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008.
- Стевановић 1989 — М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. II. Синтакса. 4 изд. Београд: Научна књига, 1989.
- Тошович 2006 — Б. Тошович. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality // Journal of Pragmatics 33, 3, 2001. P. 369–382.
- Maretić 1963 — T. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb: Matica Hrvatska, 1963.

К. А. Журавлева
ДВФУ, Владивосток

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СКАЗУЕМЫХ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПРИ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ *ПОЛ-*

По определению В. А. Плотниковой, категория числа — «словоизменяемая грамматическая (морфологическая) категория, обозначающая единичность или множественность предметов, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов: форм единственного и множественного числа» [Плотникова 1980: 472]. Категория числа подробно описана в научной и учебной литературе: ей занимались В. В. Виноградов [Виноградов 1972: § 20, 27–33], А. А. Зализняк [Зализняк, Падучева 1974], А. А. Камынина [Камынина 1999: § 26–31, 61, 75] и т. д. Однако Д. Н. Солдатова, говоря о категории числа существительных, отмечает, что она традиционно изучается на уровне слова или словоформы, в то время как необходимо рассмотреть ее и на уровне синтаксиса [Солдатова 2013].

В большинстве случаев не возникает необходимости привлекать синтаксический уровень, т. к. грамматическое число сказуемого или определения повторяет грамматическое число имени существительного. Однако так происходит не всегда. В связи с этим недостаточно описанной нам представляется категория числа сложных слов с первым компонентом *пол-*, а точнее — категория числа сказуемых и определений, взаимодействующих с существительными этого типа.

Цель нашего исследования — систематизировать факторы, влияющие на выбор грамматического числа сказуемых и определений, находящихся при существительных с первым компонентом *пол-*.

Отбор языкового материала для исследования производился с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Всего в работе задействовано 2705 контекстов, взятых из художественных и публицистических текстов с XIX до XXI в. Широкий временной промежуток обусловлен стремлением комплексно описать взаимодействие сложных слов с компонентом *пол-* со сказуемыми и определениями. Выбранные контексты содержат 17 сложных слов с разным лексическим значением (в скобках указано количество проанализированных контекстов для каждого слова): *полнеба* (231), *пол-литра* (302), *пол-листа* (28), *полжизни* (361), *полмира* (165), *полсвета* (41), *полбатона* (9), *полминутой* (782), *полслова* (255), *полтетради* (3), *полстраны* (104), *полведра* (147), *полдороги* (175), *полсердца* (6), *ползимы* (15), *полкилограмма* (39), *полкруга* (42).

Проанализировав материал, мы выяснили, что сказуемое при сложных существительных с первым компонентом *пол-* чаще употребляется в единственном числе (88,3 %), но встречается и во множественном числе (11,7 %), при этом выбор числа не связан с наличием или отсутствием согласованного определения.

Согласованные определения, напротив, чаще употребляются во множественном числе (67,9 %), чем в единственном (32,1 %). Примечательно частотное употребление определения в единственном числе в постпозиции по отношению к определяемому слову (например: *Да и странно, ей-богу, там ведь полжизни **моей** прошло, как я могу — в двух словах?* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]) — в таком случае определение семантически относится к производящему слову (без компонента *пол-*), а грамматически — к производному сложному.

Стоит отметить, что полученный нами результат отличается от описанного в исследованиях В. А. Плотниковой, утверждавшей, что «[о]пределяющее прилагательное или причастие при словах типа *полчаса*, *полверсты*, *полжизни* всегда получает форму *мн. ч.*» [Плотникова 1980: 495].

Источники

Национальный корпус русского языка. (www.ruscorpora.ru)

Литература

- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
- Зализняк, Падучева 1974 – А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода 4, 1974. С. 30–35.
- Камынина 1999 — А. А. Камынина. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Плотникова 1980 — В. А. Плотникова. Категория числа // Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М: Наука, 1980.
- Солдатова 2013 — Д. Н. Солдатова. Роль категории количества в семантико-грамматическом взаимодействии имен и глаголов // Армия и общество 2(34), 2013. (<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kategorii-kolichestva-v-semantiko-grammaticheskom-vzaimodeystvii-imen-i-glagolov>)

Д. М. Зеленский

МГУ, Москва

ЕДИНОЕ ОПИСАНИЕ ФИНСКОГО ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Феномен чередования согласных (далее — РТК) в финском языке уже многие годы занимал исследователей (например, [Röschtrager 2001; Kiparsky 2003]), но до этого года не было дано единого объяснения всем наблюдаемым случаям РТК и его отсутствия. Настоящий доклад стремится исправить это упущение.

РТК затрагивает глухие взрывные и делится на два основных подтипа: качественное и количественное.

Количественное РТК приводит к сокращению глухих взрывных геминат, например (примеры слов даны в NOM.SG и GEN.SG (с окончанием *-n*), для краткости далее вне таблиц это пометаться не будет): *akka* — *akan* ‘старуха’, *sirppi* — *sirpin* ‘серп’, *abortti* — *abortin* ‘аборт’. Негоморганные сочетания глухих взрывных не чередуются: *matka* — *matkan* ‘путь’ (слово *pitkä* ‘длинный’ в некоторых дериватах становится исключением).

Качественное РТК имеет вариативность, показанную в Таблице 1 ниже:

Таблица 1

РТК	k → Ø	t → d	p → v	k → j / {l,r,h} _e	k → v / U_U	t → r / r_ ; t → l / l_	t → n / n_ ; p → m / m_	k → ŋ / ŋ_
NOM	<i>laki</i>	<i>rata</i>	<i>koipi</i>	<i>arki</i>	<i>luku</i>	<i>parta</i>	<i>hinta</i>	<i>henki</i>
GEN	<i>lain</i>	<i>radan</i>	<i>koiven</i>	<i>arjen</i>	<i>luvun</i>	<i>parran</i>	<i>hinnan</i>	<i>hengen</i>
TR	<i>закон</i>	<i>путь</i>	<i>нога</i>	<i>будни</i>	<i>число</i>	<i>борода</i>	<i>цена</i>	<i>дух</i>

Конечное *e* в финском, за исключением особых случаев, переходит в *i*, что объясняет отличие между некоторыми NOM и GEN, не связанное с РТК, *ng* = *ηη*.

Кластер *hk*, как правило, не чередуется (а в нескольких словах вроде *nahka* ‘кожа’ чередуется факультативно: *nahan* и *nahkan*), но кластер *ht* чередуется: *tähti* — *tähden* ‘звезда’.

В прошлом нередко пытались привлекать для объяснения РТК морфологию, что якобы поддерживалось так называемыми обратными чередованиями вроде *kuningas* — *kuninkaan* ‘король’. Заметим, что в общем случае обратного чередования не происходит: *kivi* — *kiven* ‘камень’. Кроме того, суффиксы *mpA* и *ntA* вступают в РТК перед номинализатором *-UUs*, например: *alempi* ‘нижний, более низкий’ — *alempiinus* ‘более низкое качество / положение’ (не **alempiuus*).

Настоящий доклад исходит в объяснении РТК из следующих положений:

1. Все регулирующие РТК правила являются фонологическими;
2. Правила в финском применяются слева направо;
3. Правый контекст (стандартного случая) РТК максимально прост: слог, закрытый на момент РТК;
4. Качественное и количественное РТК различаются по левому контексту.

Вводятся (среди прочих) следующие упорядоченные фонологические правила (где @ означает согласный (т. е. [-syll]) или конец слова):

1. [-cont,-nas] → [-voiced] / _[-voiced]
2. [dorsal] → [+front] / [-nas,+voiced,-syll]_[-low,-high,-round]; (палатализация перед e)
3. *z* → *h* / [+syll]_[αhigh] (между гласными глубинный *z* переходит в *h*);
4. *z* → *s*; (прочие глубинные *z* оглушаются)
5. [-cont,-voiced] → [+voiced,+cont] / [+voiced]_ [+syll]₁[-syll]₁@; (качественное РТК: *p* переходит в *v*, *t* в *z*, *k* в *γ*)
6. [-voiced,-cont,αplace] → ∅ / [-voiced,-cont,αplace]_ [+syll]₁[-syll]₁@; (количественное РТК)
7. [-cont,-voiced,αplace] → [+voiced,+cont] / + [+nas,αplace]_ + [+high,+round] *h* [+high,+round]; (*mpA* и *ntA* перед *+UUs*)

8. [αplace,+voiced,+cont] → [+nas,-cont] / [αplace,+nas]_; (*mv* → *mm*, *nz* → *nn*, *ηγ* → *ηη*)
9. *γ* → *k* / *h*_; (факультативно у слов типа *nahka*)
10. *z* → [0cont,αlat] / [0cont,αlat]_; (в *l* после *l* и в *r* после *r*)
11. *z* → *d*
12. *h* → ∅ / [+syll][-syll]₁[+syll]₋[+syll]
13. [+front,-cont,-nas] → [-front]; (устранение палатализации вне РТК)
14. *γ* → ∅

Слова типа *kuningas* при таком подходе глубинно заканчиваются на *z* (т. е. глубинно имеют вид *kuninkaz*), слова типа *sade* — *sateen* ‘дождь’ — на *γ* (что подтверждается удлинением согласного следующего слова после NOM таких слов).

Некоторые сложности наблюдаются в косвенных формах PL (например, *harakka* ‘сорока’ — PL.PART *harakkoja* и *harakoita*), но по поведению показателя *a* / *ta* можно понять, что источник проблемы не в РТК.

Список условных сокращений

U=u или у, A=a или ä (в зависимости от гармонии); @ — согласный либо конец слова; + — граница морфемы; GEN — родительный падеж; NOM — именительный падеж; PART — частичный падеж; РТК — чередование согласных; TR — перевод; PL — множественное число; SG — единственное число. (Формат записи правил соответствует стандартной генеративной фонологии [Chomsky, Halle 1968].)

Литература

- Chomsky, Halle 1968 — N. Chomsky, M. Halle. The Sound Pattern of English. New York: Harper & Row Publishers, 1968.
- Kiparsky 2003 — P. Kiparsky. Finnish Noun Inflection // D. Nelson, S. Manninen (eds.). Generative Approaches to Finnic and Saami Linguistics. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2003. P. 109–161.
- Pöchtrager 2001 — M. Pöchtrager. Finnish Consonant Gradation. Wien: Universität Wien, 2001.

И. А. Зибер

НИУ ВШЭ, Москва

ТИПОЛОГИЯ АССИБИЛЯТИВНЫХ ПЕРЕХОДОВ В ЯЗЫКАХ РОССИИ

Сибиллянтами обыкновенно называются фрикативные согласные и аффрикаты, которым свойственен высокоинтенсивный и высокочастотный шум, возникающий при столкновении скоростных воздушных потоков с зубами («шипящие» и «свистящие») [Ladefoged, Maddieson 1996: 138, 150]. Несмотря на то, что артикуляционные и акустические различия между сибиллянтами и несибиллянтами очень велики, переходы согласных из одного класса в другой очень распространены в языках мира. Доклад посвящен изменениям несибиллянтов в сибиллянты, или ассимилятивным переходам, см. примеры (1)–(5):

ПОЗДНЕПРАСЛАВЯНСКИЙ

- (1) $*x > *s_j / _ *æ, *i$ [Галинская 2009: 37–39]

КАРАКАЛПАКСКИЙ, СЕВЕРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ

- (2) $*j > ʒ / \#\# _$ [Баскаков 1996: 272]

АБАЗИНСКИЙ, ТАПАНТСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (3) $*d^w > dʒ$ [Chirikba 1996: 60]

УДМУРТСКИЙ, БЕСЕРМЯНСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (4) $v > z / \#\# _$ [Тепляшина 1970: 160–161]

ЧУКОТСКИЙ

- (5) $*ʃ_j > tʃ$ [Мудрак 2000: 4]

Целью исследования являлась описательная типология фонетических изменений упомянутого типа. Учитывались как синхронные, так и диахронические фонетические изменения; привлекались данные всех описанных языков и диалектов России, отно-

сящихся к пяти языковым семьям: уральской, чукотско-камчатской, абхазо-адыгской, индоевропейской и тюркской. В первую очередь использовались синхронные и исторические грамматики и специальные работы по отдельным языкам, в некоторых случаях привлекались полевые данные, собранные автором. Типологический анализ охватил ассимилятивные переходы в 53 идиомах. По результатам исследования можно сформулировать следующие обобщения.

К наиболее распространенным путям приобретения сибилантных свойств и в синхронии, и в диахронии относятся:

- a. полная палатализация переднеязычных и заднеязычных согласных под влиянием контекста: гласных переднего ряда, палатального и билабиального глайдов, а также гортанных согласных;
- b. полная палатализация согласных, имеющих дополнительную артикуляцию палатализации, независимо от позиции;
- c. усиление йота;
- d. ассимиляция латеральных согласных — вопреки данным предыдущих исследований, которые не фиксируют таких переходов для латеральных вовсе [Bhat 1978: 71–72; Bateman 2007: 58].

К наиболее редким путям приобретения сибилантных свойств относятся:

- a. переход заднеязычных согласных в альвеолярные под влиянием палатализирующего контекста;
- b. аффрикатизация взрывных вне палатализирующего контекста;
- c. спирантизация взрывных вне палатализирующего контекста;
- d. ассимиляция губно-зубных согласных.

В 53 идиомах, выбранных для исследования, вовсе не были выявлены следующие теоретически возможные изменения:

- a. ассимиляции губно-губных согласных;
- b. ассимиляции носовых согласных любого места образования;
- c. ассимиляции аппроксимантов (кроме спорных случаев с *l*);
- d. ассимиляции ретрофлексных согласных;

- e. ассимиляции пост-велярных согласных любого способа образования;
- f. ассимиляции межзубных фрикативных согласных.

В целом разнообразие диахронических изменений выше, чем синхронных; так, только в реконструкции известны ассимиляции вибрантов и лабиализованных согласных, а также переходы заднеязычных согласных в свистящие. Отсутствие в синхронии разных языков некоторых диахронически реконструируемых переходов позволяет высказать предположение, что описания современных языков уделяют мало внимания вариативности в реализации фонетических единиц, если эта вариативность не влияет на смысловозначение. Кроме того, в некоторых подобных случаях непосредственный переход несибиланта в сибилант может ставиться под сомнение. При этом почти все типы изменений наличествуют и в синхронии, и в диахронии, и можно сказать, что во многих случаях они оказываются свойственны одним и тем же семьям и даже языкам.

Важным результатом исследования стала расширяемая база данных, которая включает не только ассимилятивные переходы, но и обратные им изменения сибилантов в несибиланты, а в ближайшем будущем пополнится данными языков других семей, а также интерферированной речи.

Литература

- Баскаков 1996 — Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык // В. Н. Ярцева и др. (ред.). Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1996. С. 264–272.
- Галинская 2009 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во Московского университета, 2009.
- Мудрак 2000 — О. А. Мудрак. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
- Bateman 2007 — N. Bateman. A Crosslinguistic Investigation of Palatalization. PhD Thesis. University of California, San Diego, 2007. (<http://escholarship.org/uc/item/1dw64743>)

- Bhat 1978 — D. N. S. Bhat. A General Study of Palatalization // J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik (eds.). *Universals of Human Language*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 47–92.
- Chirikba 1996 — V. A. Chirikba. *Common West Caucasian. The Reconstruction of Its Phonological System and Parts of Its Lexicon and Morphology*. Leiden: Research School CNWS, 1996.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — P. Ladefoged, I. Maddieson. *The Sounds of the World's Languages*. Oxford: Blackwell, 1996.

Н. В. Каланова

МГУ, Москва

МЕСТОИМЕНΙΑ С СЕМАНТИКОЙ СВОБОДНОГО ВЫБОРА В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В литературе о неопределенных местоимениях контексты свободного выбора типа ‘какой попало’, ‘какой придется’ не получили исчерпывающего освещения. Так, в [Haspelmath 1997: 49] утверждается, что местоимения свободного выбора устроены в языках мира единообразно, различия между ними не обсуждаются. В горномарийском языке, которому посвящена наша работа, такие единицы вовсе не изучены (ср. отсутствие информации о них в [Бикина 2016] и в целом фрагментарное описание неопределенных местоимений в [Саваткова 2002: 168–170]).

Мы обсудим особенности морфологии и семантики серий неопределенных местоимений свободного выбора с маркерами *ʒon* и *poraʒa*, общим свойством которых является глагольное происхождение. Будет показано, что они находятся на разных стадиях грамматикализации и имеют ряд семантических различий, а в некоторых точках их полисемия противоречит типологическим ожиданиям.

Материал собран в 2018 г. в экспедиции в с. Кузнецово Горномарийского р-на респ. Марий Эл и в окрестных деревнях, в первую очередь методом анкетирования. Учтены и данные экспедиционного корпуса (около 45000 словоупотреблений).

Маркеры *ʒon* и *poraʒa* представляют собой застывшие формы глаголов *ʒoaʃ* ‘достигать’ и *poraʒaʃ* ‘попадать’. Маркер *ʒon* восходит к омонимичной форме конверба и претерита 3SG. Для дальнейшего морфологического анализа разрешение этой омонимии несущественно, т. к. ни одна из форм исходно не присоединяет именные показатели. *Poraʒa* является застывшей формой 3SG непростедевшего времени.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

Оба маркера приобретают именные свойства, но *šon* находится на более поздней ступени грамматикализации, сочетаясь, в отличие от *poraza*, с показателями как прямых (1), так и локативных падежей (2), числа (3) и посессивности (4). Сочетание этих показателей с местоимением-основой вызывает буквальную интерпретацию глагола либо запрещается (ср. [Саваткова 2002: 169], где утверждается обратное, но на материале, собранном до 1980 г.). Маркер *poraza* может присоединять показатели прямых падежей (1) и датива, но не аффиксы локативных падежей, множественного числа и посессивности (2)–(4).

- (1) *vas'a ma šo-n-âm*
 Вася что достигать-CVB/PRET-ACC
ma-m poraz-a
 что-ACC попадать-NPST.3SG
/ ma poraz-a-m nâl-eš
 что попадать-NPST.3SG-ACC братъ-NPST.3SG
 'Вася покупает что попало'.
- (2) *maša ma šo-n-eš*
 Маша что достигать-CVB/PRET-LAT
*/ *ma-eš šo-n*
 что-LAT достигать-CVB/PRET
/ ma-eš poraz-a
 что-LAT попадать-NPST.3SG
*/ *ma poraz-a-eš risuj-a*
 что попадать-NPST.3SG-LAT рисовать-NPST.3SG
 'Маша рисует на чем попало'.
- (3) *vas'a ma šo-n-vlä-m*
 Вася что достигать-CVB/PRET-PL-ACC
*/ *ma-vlä-m šo-n*
 что-PL-ACC достигать-CVB/PRET
/ ma-vlä-m poraz-a
 что-PL-ACC попадать-NPST.3SG
*/ *ma poraz-a-vlä-m nâl-eš*
 что попадать-NPST.3SG-PL-ACC братъ-NPST.3SG
 'Вася покупает что попало'.

- (4) *nānā-n mašo-n-āštā /*
 те-GEN что достигать-CVB/PRET-POSS.3PL
**ma poraz-a-štā ulā*
 что попадать-NPST.3SG-POSS.3PL есть
 ‘У них кое-что есть’.

Местоимения на *šo-n* и *poraza* часто взаимозаменяемы. Но в отличие от серии на *poraza*, местоимения на *šo-n* возможны в референтных контекстах слабой определенности (4). В [Haspelmath 1997: 77] сочетание функций слабой определенности и свободного выбора признается невозможным (и не предсказывается семантической картой). Согласно [Giannakidou 2001], для местоимений свободного выбора нехарактерно употребление в референтных контекстах. Возможное объяснение горномарийских данных состоит в том, что и контексты слабой определенности, и контексты свободного выбора предполагают намеренную неполную спецификацию говорящим свойств объекта (ср. [Падучева 2016]). У серии на *poraza* также более выражена отрицательная оценка (5), возможно, связанная с семантикой беспорядочного выбора, присущей именно этой серии.

- (5) а. *nānā kâ-stâ šo-n*
 те который-IN достигать-CVB/PRET
*/*kâ-stâ poraz-a*
 который-IN попадать-NPST.3SG
kašt-ât: kafe-štâ, t'eatâr-âštâ, muz'ej-âštâ
 ходить-NPST.3PL кафе-IN театр-IN музей-IN
 ‘Они ходят в разные места: в кафе, в театр, в музей’.

- б. *nānā kâ-štâ šo-n*
 те который-IN достигать-CVB/PRET
/'kâ-štâ poraz-a
 который-IN попадать-NPST.3SG
kašt-ât. tengečä svalka-štâ už-ân-ât
 ходить-NPST.3PL вчера свалка-IN видеть-PRET-3PL
 ‘Они ходят где попало. Вчера [их] видели на свалке’.

Таким образом, серия местоимений свободного выбора на *-žon* более грамматикализована, чем серия на *-poraža*. При грамматикализации с исходно глагольными словоформами в первую очередь взаимодействуют прямые падежи и датив, и только потом локативные падежи, что коррелирует с предшествующими выводами об их структурных различиях [Плешак 2017]. Исследуемые маркеры имеют и ряд семантических различий, которые будут подробнее обсуждены в докладе.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — конверб; GEN — генитив; IN — инессив; LAT — латив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — поссесивность; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Бикина 2016 — Д. А. Бикина. Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций: Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 21–23
- Падучева 2016 — Е. В. Падучева. Местоимения слабой определенности (серия на *коe-*; серия на *не-*; *один*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.: Б.и., 2016.
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Giannakidou 2001 — A. Giannakidou. The Meaning of Free Choice // Linguistics and Philosophy 24, 2001. P. 659–735.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

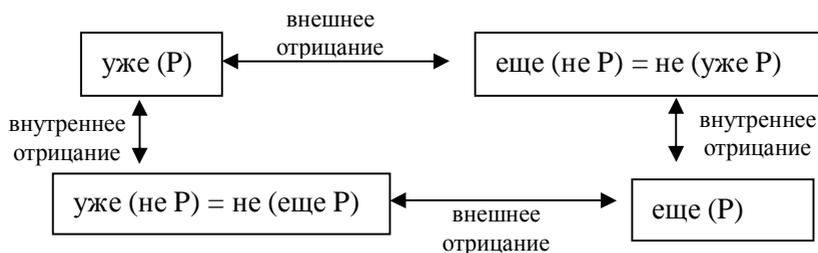
Е. С. Клягина, А. Б. Панова

НИУ ВШЭ / РГГУ, НИУ ВШЭ, Москва

ФАЗОВАЯ ПОЛЯРНОСТЬ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Фазовой полярностью мы будем называть вслед за [van Baar 1997] кластер значений ‘уже’, ‘уже не’, ‘еще’, ‘еще не’. Чаще всего эти значения выражаются лексически, поэтому для их описания в разных работах также используются термины *аспектуальные частицы* (aspectual particles) [Krifka 2000] и *фазовые наречия* (phasal adverbials) [van der Auwera 1998]. Согласно [Löbner 1989], значения фазовой полярности образуют систему, в которой они связаны внешним и внутренним отрицанием, ср. Схему 1 и примеры (1)–(2). Например, в (2b) представлено внутреннее отрицание (отрицание *nicht* в сфере действия *noch* ‘еще’), а в (2d) — внешнее отрицание (*mehr* ‘больше, еще’ в сфере действия отрицания *nicht*).

Схема 1

РУССКИЙ

- (1) а. *Дождь уже идет.*
б. *Дождь еще не идет.* (еще (не P))
в. *Дождь еще идет.*
д. *Дождь уже не идет.* (уже (не P))

НЕМЕЦКИЙ [Krifka 2000: 1]

- (2) а. *Es regnet schon.*
б. *Es regnet noch nicht.* ((еще (не P))

c. *Es regnet noch.*

d. *Es regnet nicht mehr.* (не (еще P))

В данной работе мы рассматриваем зону фазовой полярности в полисинтетическом абазинском языке (западнокавказская семья)¹. Абазинский язык интересен, во-первых, тем, что все значения фазовой полярности в нем выражаются морфологически, и, во-вторых, тем, что их показатели распределены и взаимодействуют нетривиальным способом.

В (3) приведены примеры на каждое из значений фазовой полярности в абазинском.

(3) {Когда я возвращалась домой...}

a. $a-k^{wa}$ $\zeta a-k^{wa}-\chi'-w\partial-n$
 DEF-дождь DIR-дождить-**IAM**-IPF-PST
 '... дождь **уже** шел'.

b. $a-k^{wa}$ $\zeta a-k^{wa}-rk^{w}-w\partial-n$
 DEF-дождь DIR-дождить-**CNT**-IPF-PST
 '... **еще** шел дождь'.

c. $a-k^{wa}$ $g'-\zeta a-m-k^{wa}-\chi-wa-z-d$
 DEF-дождь **NEG.EMP**-DIR-**NEG**-дождить-**RE**-IPF-PST.NFIN-DCL
 '... **уже не** было дождя'.

d. $a-k^{wa}$ $g'-\zeta a-m-k^{wa}-s\partial-z-d$
 DEF-дождь **NEG.EMP**-DIR-**NEG**-дождить-**NONDUM**-PST.NFIN-DCL
 '... **еще не** шел дождь'.

Значение 'уже' (3a) в абазинском выражается показателем ямитива $-\chi'a$ (от лат. *iam* 'уже' [Olsson 2013]) который также используется в перфектных контекстах [Клягина 2018]:

¹ Работа основана на материале, собранном в 2018 г. в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского р-на респ. Карачаево-Черкесия при поддержке гранта РНФ № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых».

(4) a. *darina d-ʒa-j-χ'a-d*

Дарина 3SG.N.ABS-DIR-идти-IAM-DCL

‘Дарина уже пришла домой’. (перфект результата)

b. *ananas karazən j-b-fa-χ'a-ma?*

ананас когда.либо 3SG.N.ABS-2SG.F.ERG-есть-IAM-Q

‘Ты когда-нибудь ела ананасы?’ (экспериментальный перфект)

Показатель *-rkʷa*, использующийся для выражения значения фазовой полярности ‘(все) еще’ (3b), имеет также фазовое значение континуатива ‘продолжать что-то делать’, без оттенка нарушенного ожидания (5).

(5) *awəj a-č'əmazaʒʷtara də-n-χa-wa-rkʷ-wə-n*

DIST DEF-больница 3N.ABS-LOC-работать-IPF-CNT-IPF-PST

‘Он продолжал работать в больнице’.

Значение ‘уже не / больше не’ является логически противопоставленным значению ‘все еще’ (‘не (все еще P)’) [Стойнова 2013: 222] или значению ‘уже’ (‘уже (не P)’) (см. Схему 1). В абазинском, как мы указали выше, есть показатели обоих этих значений, однако значение ‘уже не / больше не’ обычно выражается сочетанием показателя рефактива *-χ* (‘опять’, ‘еще раз’) с отрицанием (3c), (6).

(6) a. *warád s-hʷá-χ-əj-t*

песня 1SG.ERG-говорить-RE-PRS-DCL

‘Я снова пою’.

b. *warad gʷ-sə-hʷa-χ-wa-m*

песня NEG.EMP-1SG.ERG-говорить-RE-IPF-NEG

‘Я больше не пою’.

Сочетание ямитива *-χ'a* с отрицанием в значении ‘больше не’ в абазинском невозможно (7), а сочетание континуатива *-rkʷa* с отрицанием является маргинальной формой (8).

(7) **sara warad gʷ-sə-m-hʷa-χ'a-d*

я песня NEG.EMP-1SG.ERG-NEG-говорить-IAM-DCL

/ *gʷ-sə-h^wa-χʷ-wa-m*

NEG.EMP-1SG.ERG-говорить-IAM-IPF-NEG

‘Я больше не пою’.

(8) ^{???}*hara h-gʷə-n-χa-rk^w-wə-m*

мы 1PL.ABS-NEG.EMP-LOC-работать-CNT-IPF-NEG

‘Мы уже не работаем’.

Значение ‘еще не’ в абазинском выражается показателем -s в сочетании с отрицанием (3d), (9a), причем без отрицания он не употребляется (9b).

(9) a. *sara macaw-ra*

я готовить-MSD

s-gʷ-a-la-m-ga-s-d

SG.ABS-NEG.EMP-3SG.N.IO-LOC-NEG-начинать-NONDUM-DCL

‘Я еще не начала готовить ужин’.

b. **sara macaw-ra*

я готовить-MSD

s-a-la-ga-s-d

1SG.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать-NONDUM-DCL

Ожид.: ‘Я еще не начала готовить ужин’.

Таким образом, в абазинском языке существуют способы морфологического выражения всех четырех значений фазовой полярности, и показатели этих значений имеют ряд особенностей. Во-первых, они являются примером системы, в которой композициональные на семантическом уровне элементы, связанные отрицанием, не являются таковыми на уровне формального выражения. Во-вторых, единственным специализированным показателем фазовой полярности в абазинском является суффикс -s (‘еще не’). Все остальные показатели совмещают значения фазовой полярности с другими аспектуальными значениями.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABS — абсолютив; CNT — конверб; DCL — декларатив; DEF — определенность; DIR — директив; DIST — дистантный демонстратив; EMPH — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; H —

класс лиц; IAM — ямитив; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локатив; MSD — масдар; NEG — отрицание; NFIN — нефинитность; NONDUM — значение 'еще не'; PL — множественное число; PRS — презенс; PST — претерит; Q — вопросительность; RE — рефактив; SG — единственное число.

Литература

- Клягина 2018 — Е. С. Клягина. Система прошедших времен в абхазо-адыгских языках. Дипломная работа. РГГУ, М., 2018.
- Стойнова 2013 — Н. М. Стойнова. Показатели рефактива. М.: Аст-пресс, 2013.
- Krifka 2000 — M. Krifka. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already // Papers from the Parasession on Aspect, the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2000. P. 401–412.
- Löbner 1989 — S. Löbner. German *schon* — *erst* — *noch*: An integrated analysis // Linguistics and Philosophy 12, 1989. P. 167–212.
- Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. Master's Thesis. Stockholm University, Stockholm, 2013.
- van Baar 1997 — Th. M. van Baar. Phasal Polarity. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe [EUROTYP 20-3]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145.

А. А. Козлов

НИУ ВШЭ, Москва

ПАДЕЖ ВЛИЯЕТ НА СТРУКТУРУ ИМЕННОЙ ГРУППЫ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Настоящий доклад посвящен базовой структуре именной группы в амгуэмском диалекте чукотского языка. Мы постараемся показать, что падеж именной группы влияет на следующие ее важные структурные характеристики:

- а) возможность и необходимость инкорпорации зависимых;
- б) возможность скрэмблинга зависимых именной группы;
- в) порядок зависимых именной группы.

2. Возможность и необходимость инкорпорации зависимых

В чукотском языке в зависимости от падежа различается способность разных типов зависимых инкорпорироваться в вершинное имя или быть выраженными отдельным словом. По этому признаку все косвенные падежи противопоставляются абсолютиву. Так, качественные прилагательные в косвенном падеже обязательно инкорпорируются (1а), а в абсолютиве могут как инкорпорироваться, так и выступать в качестве отдельного слова в «стативной оболочке» — циркумфиксе *nə-...-qin* (1б). Напротив, указательные местоимения в косвенных падежах могут и инкорпорироваться, и выступать в качестве отдельного слова, а в абсолютиве они обязательно должны быть выражены отдельным словом (2).

(1) а. *tor-par-ajpə* / **nə-tur-qin* *para-jpə*
новый-масло-ABL ADJ.ST-новый-ADJ.ST.3SG масло-ABL
'из свежего масла'

б. *tor-parapar* / *nə-tur-qin* *parapar*
новый-масло.ABS ADJ.ST-новый-ADJ.ST.3SG масло.ABS
'свежее масло'

- (2) a. *ηoten-par-ajpə* / *ηotqena* *para-jpə*
 этот-масло-ABL этот масло-ABL
 ‘из этого масла’
- b. **ηoten-parapar* / ^{OK}*ηotqen* *parapar*
 этот-масло.ABS этот масло.ABS
 ‘это масло’

Несмотря на то, что для каждого типа зависимых существует собственное правило, можно выдвинуть следующее обобщение: косвенные падежи инкорпорируют больше, чем абсолютив. Если зависимое какого-либо типа может не инкорпорироваться в косвенных падежах, то оно может не инкорпорироваться в абсолютиве; если зависимое какого-либо типа может инкорпорироваться в абсолютиве, то оно может инкорпорироваться и в косвенном падеже.

3. Возможность скрэмблинга зависимых в именной группе

Порядок составляющих финитной клаузы в чукотском языке достаточно свободный: у опрошенных нами носителей отсутствует интуиция относительно того, что какой-то порядок более или менее приемлем в ответ на какой бы то ни было определенный тип вопроса или при присутствии в предложении фокусной частицы. Вообще зависимые имени чаще всего появляются в предложении прямо перед ним; однако абсолютивные именные группы могут быть разрывными — зависимое может стоять как до, так и после вершинного имени; как контактно с ним, так и разрывно. Однако если именная группа обладает признаком косвенного падежа, то скрэмблинг зависимых запрещен: все они должны находиться слева от вершины и не могут быть отделены от нее не относящимся к именной группе материалом.

- (3) a. *was'a-nen* *γətəkaytə* *jet-γʔi* *tumγətum*
 В.-AN.GEN я.DAT прийти-AOR.3SG друг.ABS
 ‘Пришел Васин друг’.
- b. *nə-le-jγəm* *was'a-nen* *kowłorw-a*
 ST-идти-NP.1PL В.-AN.GEN машина-ERG
 ‘Я ехал на машине Васи.’

- с. *was'a-nen nə-tə-jyəm kowlorw-a
 В.-AN.GEN ST-идти-NP.1PL машина-ERG
 Ожид.: 'Я ехал на машине Васи'.

4. Порядок зависимых в именной группе

Если у именной вершины несколько зависимых, то их порядок также зависит от падежа именной группы. В абсолютивной именной группе возможен любой порядок зависимых, тогда как в косвенных падежах на него накладываются некоторые ограничения. Не инкорпорироваться в косвенных падежах могут следующие типы зависимых:

- генитивные зависимые;
- относительные прилагательные;
- указательные местоимения;
- квантор *qot* 'некий';
- причастия.

Они должны идти в следующем порядке:

Q < DEM < GEN, REL

(Причастия могут появляться в любом месте этой структуры.)

Интересно, что хотя тот факт, что кванторы и указательные местоимения располагаются дальше от вершины, чем генитивы и относительные прилагательные, и соответствует типологическим ожиданиям, он находится в некотором противоречии с другими их свойствами, указанными в Разделе 1. Так, квантор *qot* и указательные местоимения способны к инкорпорации, а генитивные зависимые или относительные прилагательные — нет. Если в вершину инкорпорированы квантор или указательное местоимение, она больше не может присоединить генитив или относительное прилагательное в виде отдельного слова. Можно предположить, что это происходит потому, что вне зависимости от инкорпорированного или отдельнословного статуса зависимых они должны соблюдать очерченную выше структуру.

- (4) а. *qutə-ne emjun-kin ʔorawetʔa-ta*
 некий-ERG тундра-REL человек-ERG
 'Какой-то человек из тундры {сделал это}'.

- б. **emjun-kin qoŋe-ʔorawetʔa-ta*
тундра-REL некий-человек-ERG
Ожид.: 'То же'.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; AVL — аблатив; ABS — абсолютив; ADJ — адъективизатор; AN — одушевленное склонение; AOR — аорист; DAT — датив; DEM — демонстратив; ERG — эргатив; GEN — генитив; NP — именное сказуемое; PL — множественное число; Q — квантор; REL — относительное прилагательное; SG — единственное число; ST — статив.

А. Г. Кошевой
НИУ ВШЭ, Москва

АБАЗИНСКИЙ КАУЗАТИВ: СТРУКТУРА СИТУАЦИИ¹

Во многих языках мира ([Shibatani (ed.) 2002: 18–19; Алпатов и др. 2008: 141–152; Сай 2009] и т. д.) для морфологических каузативов постулируются свойства, необычные для монопредикативных конструкций. Часто это связано с особой структурой ситуации морфологических каузативов, а именно с их двусобытийностью. В данной работе процесс каузативизации будет рассматриваться как добавление каузирующего подсобытия к структуре ситуации исходного предиката [Татевосов 2015: 251–255]².

Морфологический каузатив в абазинском языке³ представлен продуктивным префиксом *-r(ə)*, который может присоединяться ко всем группам предикатов: одноместным, двухместным и трехместным, а также к именам (подробнее см. [Ломтатидзе 1967: 182–184; Табулова 1976: 178–182]).

Каузативные глаголы демонстрируют два свойства, указывающие на то, что структура ситуации абазинского каузатива нетривиальна. Рассмотрим эти свойства подробнее.

1) Обстоятельства могут семантически модифицировать каузируемое подсобытие, каузирующее подсобытие или всю ситуацию (1):

¹ Исследование подготовлено в результате проведения исследования (№ 18-05-0014) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² Под терминами «каузируемое» и «каузирующее» подсобытия будут пониматься подсобытия, выражающие действия каузируемого и каузирующего участников ситуации, соответственно.

³ Работа основана на материале, собранном в 2018 г. в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского р-на респ. Карачаево-Черкесия.

- (1) *a-çaj-k^{wa}* *ç^w-sahat-k̄*
 DEF-ребенок-PL 5-час-UNIT
jə-nə-j-r-çat
 3PL.IO-LOC-3SG.H.ERG-CAUS-работать-DCL
 i. ‘Он заставил детей работать пять часов’.
 ii. ?‘Он пять часов заставляет детей работать’.
 iii. ?‘Он пять часов заставляет детей работать пять часов’.

В (1) возможны три прочтения, первое из которых относится к каузируемому подсобытию (i), второе — к каузирующему (ii), а третье — к обоим подсобытиям (iii). Информанты указывают, что интерпретации вида (i) более предпочтительны, нежели интерпретации вида (ii) и (iii). Это может говорить о том, что каузируемое подсобытие является более выделенным. Интересным является тот факт, что, хотя адвербиалы могут модифицировать и то, и другое подсобытие, конструкции, в которых подситуации модифицируются двумя разными адвербиалами запрещены.

Как и в карачаево-балкарском [Лютикова и др. 2006: 137], в абазинском каузативные конструкции, образованные от пассивных глаголов, проявляют свойства, отличные от свойств каузативов, образованных от агентивных глаголов (2):

- (2) *awat* *a-q^wah* *ç^w-sahát-k̄*
 DIST.PL DEF-корабль 2-час-UNIT
ça-də-r-şq^wal-ŋ
 LOC-3PL.ERG-CAUS-тонуть-DCL
 ‘Они два часа топили корабль’ [корабль тонул два часа и они его топили два часа].

Это может быть связано с тем, что каузативы типа (3) являются контактными (прямыми), т. е. подразумевают пространственно-временное наложение двух подсобытий [Shibatani 2002: 89], что ограничивает возможности для модификации адвербиалом каждого подсобытия в отдельности.

Каузативы, образованные от агентивных глаголов, проявляют свойства дистантных (непрямых) каузативов (пространственно-временная дистанция между подсобытиями); различные интерпретации при присоединении наречий (1) и при отрицании (4)

[Лютикова и др. 2006: 131–136]). С другой стороны, временное разнесение ситуаций невозможно:

- (3) *tamadwə jəsə ɕʷa*
 мать вчера яблоки
j-ʕa-jə-l-rə-qʷsə-t
 3PL.ABS-DIR-3SG.M.IO-3SG.F.ERG-CAUS-собирать-DCL
 *(*awasa jara jaɕʷa j-ʕa-j-qʷsə-t*)
 но он сегодня 3PL.ABS-DIR-3SG.H.ERG-собирать-DCL
 ‘Мать вчера заставила его собирать яблоки [#], но он собрал их сегодня’.

Это свидетельствует о том, что показатель *-r(ə)* может выражать как дистантную, так и контактную каузацию, что является типологически нетривиальным фактом [Shibatani (ed.) 2002: 109–116].

2) Сфера действия отрицания также может включать в себя каузируемое, каузирующее и все подсобытия (4):

- (4) *arəpɕʷaʕʷ awəj*
 DEF.учитель DIST
d-gʷ-ʕa-j-mə-r-gəl-t
 3SG.H.ABS-NEG.EMP-DIR-3SG.M.ERG-NEG-CAUS-стоять-DCL
 i. ‘Учитель не смог его поднять’.
 ii. [?]‘Учитель его не поднял [не предпринимал никаких действий]’.
 iii. [?]‘Учитель его не поднимал [он встал сам]’.

Каузируемое подсобытие отрицается в случаях (i) (ii), каузирующее в (ii) и в (iii). Прочтения вида (i) являются более предпочтительными, нежели (ii) и (iii). При этом прочтения (iii) возможны только при выраженном правом контексте (т. е. в предложениях типа ‘Учитель его не поднимал, но он встал сам’) что, как и (1), указывает на большую выделенность каузируемого подсобытия, поскольку только оно попадает под сферу действия отрицания.

В рамках исследования было установлено, что структура ситуации абазинского каузатива включает в себя два подсобытия:

каузируемое и каузирующее — и что каузируемое подсобытие является более выделенным и доступным для внешних модификаторов, нежели каузирующее. Кроме этого, показатель *-r(ə)* может выражать как дистантную, так и контактную каузацию.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ABS — абсолютив; CAUS — каузатив; DCL — показатель декларатива; DEF — определенный артикль; DIR — директивный преверб; DIST — указательное местоимение; EMP — эмфатический; ERG — эргатив; F — класс женщин; FUT — будущее время; H — класс людей; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; LOC — локатив; PST — прошедшее время; M — класс мужчин; NEG — отрицание; RFL — рефлексив; SG — единственное число; PL — множественное число; UNIT — счетный суффикс.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.
- Ломтатидзе 1967 — К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык // В. В. Виноградов (гл. ред.). Языки народов СССР. В 5 т. Т. 4: Е. А. Бокарев, К. В. Ломтатидзе (отв. ред.). Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. С. 123–144.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Сай 2009 — С. С. Сай. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН V, 2, 2009. С. 387–464.
- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1976.
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике: Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Shibatani (ed.) 2002 — M. Shibatani (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation [Typological Studies in Language 48]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002.

Т. А. Леонтьева

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

КОМИТАТИВНЫЕ И СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В малокарачкинском говоре чувашского языка значение комитатива выражается с помощью форм инструменталиса с показателями *-pa* и *-pala*¹; сочинительные значения выражаются с помощью клитики *ta*, союза *tada* и парного союза *X ta Y ta*.

Согласно М. Хаспельмату [Haspelmath 2007: 22], все средства оформления сочинительных конструкций возможны для связного фрагмента последовательности S–VP–AP–PP–NP². Таким образом, не существует, например, такого средства, которое бы употреблялось для оформления связи групп прилагательных и именных групп, но не предложных групп.

Вероятно, малокарачкинский говор можно отнести к языкам такого типа, в которых существуют разные способы выражения исследуемых конструкций в зависимости от типа синтаксической категории [Haspelmath 2007: 3]. Обобщенные особенности распределения средств оформления рассматриваемых конструкций в соответствии с иерархией, описанной М. Хаспельматом, изложены в Таблице 1 на следующей странице.

- (1) а. *vəl kil-tə-ë=de jер on-a*
он идти-PST-3SG=и я он-OBJ
kor-z=er-d-əm
видеть-CV_SIM=пустить-PST-1SG

¹ Несмотря на то, что инструменталис выражается суффиксами *-pa* и *-pala*, более длинный вариант хоть и встречается, но очень редко, и часто воспринимается как более близкий к литературному языку.

² Клауза — глагольная группа — группа прилагательного — предложная группа — именная группа.

- b. *vəl kil-tə-ë tada jep on-a kor-d-əm
 он идти-PST-3SG и я он-OBJ видеть-PST-1SG
 ‘Он пришел, и я его увидел’.

Таблица 1. Распределение средств выражения комитатива и сочинения

S	VP	AP	PP	NP
ta (1)	ta	ta	ta	ta
	ʔtada	tada	tada	tada
		X ta Y ta	X taY ta	X taY ta
				INS

Помимо части речи конъюнкта, использование различных средств маркирования дополнительно ограничено рядом семантических и синтаксических факторов.

Во-первых, парный союз *X ta Y ta*, который выражает усилительное значение и соответствует повторяющемуся союзу *и* в русском языке, используется для сочинения прилагательных в позиции предиката (2), но не атрибута (3).

- (2) olə xitre=de əslə=da
 Оля красивый=и умный=и
 ‘Оля красивая и умная’.

- (3) *olə xitre=de əslə=da xə̄r atea
 Оля красивый=и умный=и девушка ребенок
 ‘Оля — красивая и умная девочка’.

Во-вторых, инструменталис используется как средство оформления не только комитатива, но и того, что А. В. Архипов называет «сочинительной комитативной конструкцией» [Архипов 2005: 41]. Разница между ними выражается маркированием разных вершин и согласованием с глаголом, что является признаком грамматикализации комитативной конструкции в сторону сочинительной [Stassen 2000: 26]. Так, если при комитативе согласование — всегда по единственному числу, то при сочинительных комитативных конструкциях допускается согласование по множественному.

Несмотря на то, что инструменталис в обычном случае не сочетается с прилагательным, в ситуации эллипсиса вершины ИГ, атрибут сохраняет показатель инструменталиса (4). В других случаях, например, когда существует семантический запрет на эллипсис [Haspelmath 2007: 38–39] (5), используются другие средства связи.

- (4) ^{OK}*sedel ci-n-dze xärlä-be simës olma-zam*
 стол верх-P_3-LOC красный-INS зеленый яблоко-PL
vird-ateë
 лежать-NPST.3PL
 ‘На столе лежат красные и зеленые яблоки’.

- (5) **olä xitre-be äslä xër ateä*
 Оля красивый-INS умный девушка ребенок
 Ожид.: ‘Оля — красивая и умная девочка’.

Наконец, союз *ta* может употребляться в позиции _{NP}[AN]_{NP}[N] и в позиции предиката (7), однако в целом является не полностью допустимым при сочинении именных групп (6).

- (6) **vrate=ta uteitel kil-te-ëc*
 врач=и учитель идти-PST-3PL
 ‘Пришли врач и учитель’.

- (7) *olä vrate=ta uteitel*
 Оля врач=и учитель
 ‘Оля — врач и учитель’.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; CV_SIM — деепричастие одновременности; INS — инструментальный падеж; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; P — посессивность; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственно число.

Литература

Архипов 2005 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2005.

Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Coordination // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Stassen 2000 — L. Stassen. AND-languages and WITH-languages // Linguistic Typology 4, 1, 2000. P. 1–54.

С. К. Михайлов
НИУ ВШЭ, Москва

ПОЧЕМУ ХАНТЫЙСКИЕ ИМЕНА НУЖДАЮТСЯ В ОПРЕДЕЛЕННОМ АРТИКЛЕ?

В финно-угорских языках посессивы третьего лица единственного числа склонны грамматикализироваться в разного рода показатели специфичности (см. [Nikolaeva 2003; Simonenko 2014]), это подтверждается данными А. Симоненко и для шурьшкарского диалекта хантыйского языка. В наших данных¹ по казымскому диалекту в подобной функции выступает посессив второго лица единственного числа *-(j)en / -an*.

Примеры (1) и (2) иллюстрируют, что с именными группами, обладающими конкретной референцией, этот показатель обязателен, в противном случае посессив использовать нельзя.

(1) *šajput-[#](en) mi-je*
чайник-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG
{Мы с братом пришли к другу на чай. Прошу у брата:} ‘Передай чайник’.

(2) *šajput-[#](en) mi-je*
чайник-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG
{В магазине.} ‘Дайте чайник’.

Важно отметить, что в примере (1) чайник не вступает в посессивные отношения с адресатом (он принадлежит не брату, а другу говорящего), *-en* здесь маркирует определенность.

Согласно нашей гипотезе, этот показатель продвинулся достаточно далеко по пути грамматикализации в функции опреде-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Данные собраны в ходе совместной экспедиции ОТиПЛ МГУ и Школы лингвистики НИУ ВШЭ по изучению хантыйского языка в с. Казым Ханты-Мансийского АО.

ленного артикля. Это необычно на фоне остальных финно-угорских языков, в которых — вопреки более традиционным подходам (см., например, [Collinder 1960]) — такие показатели ассоциированы скорее с информационной структурой (см., например, [Сердобольская, Толдова 2012]).

Для проверки нашей гипотезы мы воспользовались тестами из [Gillon 2015: 183]. Если наша гипотеза верна, то ИГ, оформленные этим показателем, должны обозначать максимального референта с аналогичной именной дескрипцией, что подтверждается в (3).

- (3) *кыр-əŋ* *woj-λ-an* *pawət-sə-λam*
нога-PROP зверь-PL-POSS.2SG уронить-PST-1SG.PL
[#]*χəλ-mit-em* *χunt-əs*
три-ORD-POSS.1SG убежать-PST[3SG]
{Я вчера ходил на охоту и увидел трех лосей.} ‘Я застрелил лосей, но третий убежал’.

Кроме того, ИГ оформленные этим показателем должны блюсти закон противоречия (должны обладать типом *e* [Gillon 2015: 185]), что подтверждается данными в (4).

- (4) **ket'-en* *m'awk-əλ* *pa* *ket'-en*
кот-POSS.2SG мяукать-NPST[3SG]ADD кот-POSS.2SG
an *m'awk-əλ*
NEG мяукать-NPST[3SG]
Ожид.: ‘Одна кошка мяукает, а другая нет’.

В-третьих, этот показатель не должен употребляться с именами собственными: это верно для топонимов (5) и неверно для имен людей (6), что ставит под сомнение нашу гипотезу и нуждается в объяснении.

- (5) *vaša-jen* *amña* *šəpa* *wəś-əs*
В.-POSS.2SG Амня через плыть-PST[3SG]
‘Вася переплыл через Амню’.
- (6) *vaña-[#](jen)* *juχt-əs*
В.-POSS.2SG прийти-PST[3SG]
‘Ваня пришел’.

В-четвертых, первоначальная гипотеза предсказывает, что посессив будет оформлять глобально уникальные ИГ ([Simonenko 2014]). Это также не подтверждается данными (7).

- (7) *χatəl pɛla-n aɫ want-a*
 солнце на-LOC PRON смотреть-IMP[SG]
 ‘Не смотри на солнце!’

Мы предполагаем, что, как и название реки *Amña*, *χatəl* ‘солнце’ — имя собственное: употребление определенного артикля с ним избыточно, поскольку имя собственное уже обозначает индивида. С другой стороны, *Vaña*, как и *šajput* ‘чайник’, принадлежит классу нарицательных и не способно обозначать индивида без показателя определенности.

По свидетельству [Соколова 1980], традиционно имя, даваемое человеку при рождении, у ханты и манси отождествлялось с его душой, из-за чего считалось, что употребление этого имени вслух привлекает злых духов к его носителю. Поэтому использовались прозвища, например, *анга* ‘мать’, *ики* ‘мужчина, старик’ и т. д. Следует отметить, все эти прозвища — существительные. После крещения роль таких прозвищ стали играть христианские имена. Согласно нашей гипотезе вместе с тем они переняли и семантический тип прозвищ.

Тем самым, представленные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о грамматикализации показателей *-en / -an* по пути определенного артикля.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; ORD — порядковое числительное; PL — плюралис; POSS — посессив; PRON — прохибитив; PROP — проприетив; PST — претерит; SG — сингулярис.

Литература

Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в фин-

- но-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–142.
- Соколова 1980 — З. П. Соколова. Имя и прозвище у обских угров // Е. И. Убрятова (отв. ред.). Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 266–270.
- Collinder 1960 — В. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960.
- Gillon 2015 — С. Gillon. Investigating D in languages with and without articles // М. Ryan Bochnak, L. Matthewson (eds.). Methodologies in Semantic Fieldwork. Oxford — New York, NY: Oxford University Press, 2015. P. 175–204.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // P. Suihkonen, B. Comrie (eds.). International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of Papers. Izhevsk — Leipzig: Udmurt State University — Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2003. P. 130–145.
- Simonenko 2014 — А. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). NELS 43: Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society. Amherst, MA: University of Massachusetts, 2014. Vol. 2. P. 127–140.

А. А. Молчанова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА –SA В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В чувашском языке одним из средств оформления обстоятельственной зависимой клаузы является деепричастный аффикс *-sa*. Данная форма полисемична, в частности, она может использоваться в контекстах одновременности и предшествования действию главной клаузы [Левитская 1976]. Как будет показано ниже, в малокарачкинском говоре¹ возможность употребления деепричастия в конструкциях с временной семантикой зависит от ряда факторов.

В северо-западных диалектах, к числу которых принадлежит малокарачкинский говор, форма на *-sa* также способна выступать в качестве единственного предиката в независимой клаузе [Сергеев 1963]. Финитное употребление деепричастия в данном случае имеет значение, относящееся к зоне прошедшего времени.

- (1) *peŋ'ə kil-ze*
Петя приходить-CV_SIM
'Петя пришел'.

Деепричастная форма на *-sa*, как правило, употребляется односубъектно. Разносубъектность в отдельных случаях допускается при циклично повторяющихся действиях.

- (2) *εur irt-se gaj-za kērgon'a*
весна проходить-CV_SIM идти-CV_SIM осень
εid-et
наступать-NPST[3SG]
'Весна пройдет, наступит осень'.

¹ Материал собран в экспедиции НИУ ВШЭ (СПб.) в с. Малое Карачкино в июле–августе 2018 г.

Если форма на *-sa* оформляет зависимую клаузу, наиболее свободно она используется в тех контекстах, когда действие зависимой клаузы осуществляется одновременно с действием главной; в значении предшествования ее дистрибуция жестко ограничена. Здесь употребление конверба становится возможным только в том случае, если в главной клаузе описывается цель действия, представленного в зависимой. Так, употребление формы на *-sa* в примере (4) обусловлено тем, что деепричастная клауза выражает условие достижения цели, в то время как (3) не соответствует данному критерию.

- ЧУВАШСКИЙ (МАЛОКАРАЧКИНСКИЙ ГОВОР)
- (3) *obiteno pet'a kil-e gil-zen*
 обычно Петя дом-ОБВ приходит-СВ_АНТ
 / **gil-ze* *ε-et*
 приходит-СВ_СИМ кушать-NPST[3SG]
 'Обычно Петя приходит домой и сразу ужинает'.
- (4) *pet'a kil-ze ε-et*
 Петя приходит-СВ_СИМ кушать-NPST[3SG]
 'Придя, Петя поужинает' {придет куда-то, чтобы поужинать, но не к себе домой}.

- ЧУВАШСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)
- (5) *pet'a itla-rax teoxn'a kil-e*
 Петя слишком-СМРР во.время дом-ОБВ
kil-zen / kil-ze ε-et
 приходит-СВ_АНТ приходит-СВ_СИМ кушать-NPST[3SG]
 'Обычно Петя приходит домой и сразу ужинает'.

Таким образом, в исследуемом говоре целевое значение, как правило, обязательно для главной клаузы в составе полипредикативной структуры с зависимым деепричастием на *-sa* в значении предшествования. Согласно [Schmidtke-Bode 2009: 107], типологически преобладающий способ выражения целевого отношения такой, при котором цель оформляется зависимой клаузой. Значительно реже встречаются случаи, где целевое значение наблюдается во второй клаузе при сочинении, а также в конст-

рукциях с сериализацией. Форма на *-sa* в односубъектном употреблении образует строго подчинительные конструкции [Пазельская 2006], подобных случаев в работе [Schmidtke-Vode 2009] не упоминается.

Интересно, что при лексическом маркировании будущего времени наличие целевого отношения между клаузами перестает быть обязательным, ср. (6) и (7).

- (6) *van'ə pədə ɛi-ze urok tu-ma*
 Ваня каша кушать-CV_SIM урок делать-INF
gaj-at
 идти-NPST[3SG]
 i. 'Ваня съел кашу, пойдет делать уроки'².
 ii. *'Ваня, съев кашу, пойдет делать уроки'.
- (7) *iran van'a pədə ɛi-ze urok tu-ma*
 завтра Ваня каша кушать-CV_SIM урок делать-INF
gaj-at
 идти-NPST[3SG]
 'Завтра Ваня, съев кашу, пойдет делать уроки'.

Предположительно, жесткое ограничение дистрибуции в зоне предшествования связано с финитным употреблением деепричастия. Так, переосмысление формально зависимой клаузы со значением предшествования как независимой (*insubordination* в терминах [Evans 2009]) произошло для обозначения прошедшего времени, из-за чего финитные употребления формы на *-sa* закрепились за прошлым. Однако сложная конструкция со значением предшествования и сочинительная конструкция, описывающая последовательность действий, функционально близки, что могло способствовать исчезновению у «нефинитного» *-sa* значения предшествования.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; CMPR — компаратив; CV_ANT — деепричастие предшествования; CV_SIM — деепричастие одновременности; INF — инфини-

² Здесь форма на *-sa* выступает в своем «финитном» значении.

тив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объект; SG — единственное число.

Литература

- Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
- Пазельская 2006 — А. Г. Пазельская. Чувашский контекстный конверб на *-sa* / *-se* и сочинение // Доклад, прочитанный на конференции International Symposium on the Grammar and Pragmatics of Complex Sentences (Subordination and Coordination) in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA III). Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Region, Russia, on June 27–30, 2006. (<http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-3/information/abstract-files/Russian-abstracts/Pazelskaja.pdf>)
- Сергеев 1963 — Л. П. Сергеев. Некоторые материалы для диалектологического атласа чувашского языка // Г. Е. Корнилов (ред.). Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 2. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1963. С. 101–109.
- Evans 2009 — N. Evans. Insubordination and the grammaticalisation of interactive presuppositions // Paper presented at the conference Methodologies in Determining Morphosyntactic Change Conference, Museum of Ethnography, Osaka, 2009. (http://www.r.minpaku.ac.jp/ritsuko/english/symposium/pdf/symposium_0903/Evans_handout.pdf)
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses [Typological Studies in Language 88]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

Д. Д. Мордашова, А. Н. Закирова
МГУ / независимый исследователь, Москва

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМОЙ *LIEŠ* ‘СТАНЕТ’ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И НОСИТЕЛЬ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ¹

В горномарийском языке имеются перифрастические конструкции с формами вспомогательных глаголов *âlaš* ‘быть’ и *liäš* ‘стать’. Лексический глагол стоит в них в форме непрошедшего времени или претерита и согласуется с субъектом, а *âlaš* и *liäš* «застывают» в форме 3SG:

(1) а. *män' kej-et âl'-â / âl-ân*
я ходить-NPST.1SG быть-AOR.3SG быть-PRET.3SG
‘Я ходил’.

б. *män' kej-et li-eš*
я ходить-NPST.1SG стать-NPST.3SG
‘Я буду ходить / пойду’.

Конструкции $V + \hat{a}l'\hat{a} / \hat{a}l\hat{a}n$ выражают значения из зоны «сверхпрошлого», в том числе предшествование в прошедшем (PRET + $\hat{a}l'\hat{a} / \hat{a}l\hat{a}n$), и подробно рассматриваются в [Мордашова 2017], где трактуются как показатели ретроспективного сдвига (т. е. они «сдвигают» в прошлое уже охарактеризованную по времени ситуацию).

В докладе мы рассмотрим морфологически сходную конструкцию $V + lieš$, которая во многих контекстах сдвигает временную отнесенность ситуации в план будущего. Материал собран в ходе полевой работы в с. Кузнецово респ. Марий Эл и окрестных деревнях в 2018 г. Схожая конструкция в луговом марийском языке была описана в [Исанбаев 1982], однако мы представим це-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

лый ряд новых данных и сформулируем их обобщение, ранее не предлагавшееся.

Интерпретация конструкции V + *lieš* зависит от того, в какой форме стоит лексический глагол: непрошедшего времени или претерита.

С глаголами в **непрошедшем времени** *lieš* «сдвигает» ситуацию в будущее: так, в (2) форма стативного глагола *äläš* ‘жить’ сама по себе не может реферировать к будущему, а с *lieš* это становится возможным.

- (2) *män’-än ti puĵârêmaš-em, män’ tã-štã*
 я-GEN этот судьба-POSS.1SG я этот-IN
*äl-em *(li-eš)*
 жить-NPST.1SG стать-NPST.3SG
 ‘У меня такая судьба, я буду там жить’.

Впрочем, конструкция V + *lieš* — это не основной способ референции к будущему: чаще всего используются формы непрошедшего времени или (в случае стативов) вспомогательный глагол *tängäläš* ‘начинать’.

Так как конструкция PRET + *äl’ä / älän* используется в функции плюсквамперфекта, мы бы могли ожидать от сочетания *lieš* с формой **претерита** сходного функционирования — в качестве формы предбудущего (о данном типе форм см. [Пенькова 2018; Sitchinava 2018]). Однако в горномарийском языке это ожидание не оправдывается в полной мере: в контекстах предбудущего PRET + *lieš* даже менее допустимо, чем NPST + *lieš*.

- (3) *tän’ tol-mešk-et maša ke-n*
 ты прийти-CVB.LIM-POSS.2SG Маша идти-CVB
kolt-a li-eš
 послать-NPST.3SG стать-NPST.3SG
/^hke-n kolt-en li-eš
 идти-CVB послать-PRET.3SG стать-NPST.3SG
 ‘Маша уйдет до того, как ты к нам доберешься’.

Более уместна конструкция PRET + *lieš* в контекстах «узнавания в будущем»:

- (4) *a jesl'i jäl-vlä ti mârê-m ajâr-en-ät*
 а если другой-PL этот песня-ACC выбрать-PRET-3PL
li-eš?

статья-NPST.3SG

‘А если окажется, что другие уже выбрали эту песню?’

Кроме того, у V + *lieš* выделяется особый класс контекстов — контексты «притворства»:

- (5) *män' ke-n kolt-en-äm li-eš*
 я идти-CVB послать-PRET-1SG статья-NPST.3SG
 ‘Если что, я ушел’. {Говорящий просит адресата не выдавать его присутствие.}

- (6) *ajda kol-âm žär-enä li-eš*
 айда рыба-ACC жарить-NPST.1PL статья-NPST.3SG
 ‘Давай притворимся, что рыбу жарим’.

Примеры (5)–(6) являются ключевыми для нашего анализа. Пропозиция ‘я ушел’ в (5) является ложной: говорящий лишь притворился, что ушел. Однако существует субъект, который на основе каких-то внешних признаков в будущем (например, вещественных доказательств или с чужих слов) может посчитать ее истинной. Таким образом, *lieš* вводит еще одного носителя пропозициональной установки (см. [Падучева 2011] и приводимые там ссылки), отличного от говорящего и адресата.

Контексты узнавания в будущем (4) также предполагают введение еще одного носителя пропозициональной установки, который в будущем получит информацию об истинности пропозиции ‘другие уже выбрали эту песню’, причем носитель этой установки может не совпадать с говорящим и адресатом. Это объясняет уместность *lieš* в таких контекстах. В большинстве футуральных контекстов *lieš* оказывается менее употребительным, поскольку обычно в речевой ситуации при этом не присутствует носителей разных пропозициональных установок.

В докладе будут более подробно рассмотрены перечисленные выше типы контекстов и представлены некоторые другие ограничения на дистрибуцию *lieš*, которые тоже могут быть

объяснены через отсылку к носителю пропозициональной установки.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист (первое прошедшее время); CVB — конверб; GEN — генитив; IN — инессив; LIM — лимитатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Исанбаев 1982 — Н. И. Исанбаев. Аналитические формы модальности в марийском языке // Вопросы марийского языка 53, 1982. С. 7–56.
- Мордашова 2017 — Д. Д. Мордашова. Аналитические конструкции с формами глагола ‘быть’ в горномарийском языке // Урало-алтайские исследования 4, 2017. С. 59–76.
- Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические валентности и де-конструкция говорящего // Вопросы языкознания 3, 2011. С. 3–18.
- Пенькова 2018 — Я. А. Пенькова. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // Вопросы языкознания 2, 2018. С. 53–70.
- Sitchinava 2018 — D. Sitchinava. Towards a typology of non-compositional uses of future anterior in Europe // Paper presented at the conference 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Tallinn, 29 August — 1 September 2018).

Г. А. Мороз

НИУ ВШЭ, Москва

ВОЗМОЖЕН ЛИ ОТКАЗ ОТ ВЫБОРКИ?

Байесовский подход к типологическому исследованию

Классическое типологическое исследование можно сравнить со статистической проблемой оценки некоторого неизвестного параметра генеральной совокупности. Под параметром в данном случае понимается некоторая языковая переменная (как числовая, например, количество согласных сегментов в языке, так и категориальная, например, наличие противопоставления отторжимой / неотторжимой посессивности), а под генеральной совокупностью — все естественные языки, в которых выражение исследуемой переменной может быть обнаружено¹.

В статистических исследованиях существует несколько школ: наиболее популярны фреквентистский и байесовский подходы к исследованию (см. [Efron, Hastie 2016: 12–37]). В обоих подходах задача оценки параметра генеральной совокупности происходит на основе оценки соответствующего параметра некоторой выборки из генеральной совокупности. Глобальное различие между подходами проявляется в отношении к данным и к оцениваемому параметру генеральной совокупности. В рамках фреквентистского подхода оцениваемый параметр считается фиксированным, а оценка, которая была получена на основе выборки — результат независимого эксперимента. Таким образом, результаты разных экспериментов должны быть основаны на разных выборках, а различия, полученные в результате разных экспериментов, объясняются флуктуацией выборки и неоднородностью распределения параметра в генеральной совокупности. При байесовском подходе фиксированными считаются данные, а

¹ Некоторые переменные могут не иметь выражения в языке, например, количество согласных в жестовых языках или наличие категории отторжимости в языке без отдельного выражения посессивности.

применение формулы Байеса делает возможным включение в статистический вывод результатов, полученных другими исследователями и/или ожиданий исследователя.

Традиционное типологическое исследование, естественно, было подвержено фреквентистскому влиянию: предполагается, что исследователь сделает выборку языков и после этого произведет оценку исследуемого параметра. Результаты лингвистического сэмплирования, к сожалению, достаточно сильно смещены: невозможно в одном исследовании контролировать генетическое разнообразие, учесть ареальное распределение, не проигнорировать языковые контакты, взять в выборку языки разных типологических профилей, найти грамматическое описание всех выбранных языков и многое другое (см. [Bell 1978; Dryer 1989; Rijkhoff et al. 1993; Janssen et al. 2006] и др.).

Цель данной работы — показать, что типологическое исследование может быть:

1. проведено без составления типологической выборки при помощи анализа нескольких выбранных языковых семей;

2. построено не как законченное исследование, а как ограниченная по материалу и открытая для пополнения база данных.

В качестве языкового параметра исследовалось наличие фонологического правила элизии в 152 языках 30 языковых семей Северной и Центральной Америки, Евразии, Новой Гвинеи и Африки.

Полученные данные анализировались несколькими способами. Во-первых, сравнивались вероятности наличия элизии в каждой из языковых семей с вероятностью наличия элизии во всех исследованных языках. При помощи эмпирической байесовской оценки мы вывели меру, показывающую, какие семьи из анализируемых являются типологически необычными. Такой анализ показывает общетипологический тренд и позволяет сравнить с ним результаты, полученные для каждой из языковых семей. Во-вторых, мы сделали серию случайных выборок из исследованных языков и сравнили вероятность элизии в полученных выборках с общетипологическим трендом, полученным на предыдущем этапе.

В нашей работе мы показали, что можно получать интерпретируемые результаты, не используя языковую выборку. Любой исследователь может дополнить полученную базу данных, после пересчета всех значений получить новые оценки вероятностей для каждой из семей и изменить значение общетипологического тренда.

Литература

- Bell 1978 — A. Bell. Language samples // J. H. Greenberg, C. A. Ferguson, E. A. Moravcsik (eds.). *Universals of Human Language*. Vol. 1: *Method & Theory*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 123–156.
- Dryer 1989 — M. S. Dryer. Large linguistic areas and language sampling // *Studies in Language*. International Journal Sponsored by the Foundation “Foundations of Language” 13, 2, 1989. P. 257–292.
- Efron, Hastie 2016 — B. Efron, T. Hastie. *Computer Age Statistical Inference*. Vol. 5. S.l.: Cambridge University Press, 2016.
- Janssen et al. 2006 — D. P. Janssen, B. Bickel, F. Zúñiga. Randomization Tests in Language Typology // *Linguistic Typology* 10, 3, 2006. P. 419–440.
- Rijkhoff et al. 1993 — J. Rijkhoff, D. Bakker, K. Hengeveld, P. Kahrel. A method of language sampling // *Studies in Language*. International Journal Sponsored by the Foundation “Foundations of Language” 17, 1, 1993. P. 169–203.

В. А. Морозова
НИУ ВШЭ, Москва

КОНСТРУКЦИИ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В КИНИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Рутульский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанских языков. Он распространен в Рутульском р-не респ. Дагестан и в некоторых селах на сопредельной территории Азербайджана (число носителей на территории России — около 30000 человек). В рутульском языке существует ряд предикатов, принимающих в качестве комплемента клаузу. Задача данной работы — типологическое описание конструкций с сентенциальными актантами КСА в кининском диалекте рутульского языка на материале полевой работы в с. Кина 2018 г. в сравнительной перспективе с цахурским языком. Подобного описания КСА для рутульского языка ранее не производилось.

В результате работы было выявлено шесть стратегий оформления КСА в кининском рутульском. Одна из наиболее распространенных — «нулевая» стратегия [Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999], при которой зависимая клауза оформляется так же, как независимая. Клаузы могут соединяться как бессоюзно, так при помощи вопросительных слов или комплементаризера *xur*. Для глаголов речи характерно прямое цитирование.

Настолько же распространена инфинитивная стратегия, при которой недопустима разносубъектность, а зависимый предикат оформляется формой на *-s*. Также зафиксирована расширенная финитно-инфинитивная стратегия, при которой предикаты допускают разносубъектность при маркировании зависимого предиката футуральной формой на *-si* (производной от инфинитива). Существует и ряд периферийных стратегий: причастная (зависимый предикат представлен атрибутивной формой на *-d*), масдарная (зависимый предикат — отглагольное имя на *-n*). Отдельного внимания заслуживает конвербная стратегия: в связи с частотным

использованием в рутульском языке общего конверба на *-r* как финитного глагола, оформление зависимого предиката при данной стратегии схоже с «нулевой» стратегией. Однако в этом случае предикат будет нефинитным, в отличие от «нулевой» стратегии. Это следует из обязательности префиксального отрицания на *ǰ-*, допустимого при предикате в зависимой клаузе, использование которого зафиксировано только при нефинитных глаголах (для финитных глаголов характерно отрицание на *-diǰ-*).

Также были выявлены основные способы согласования матричного предиката. В рутульском представлено согласование по роду, которое по умолчанию контролирует абсолютивная именная группа. В КСА согласование может происходить: по субъекту матричной клаузы (в случае, если субъект абсолютивный), по всей зависимой клаузе (в случае, если валентность на абсолютивный аргумент занята клаузой — согласование происходит по 4 классу) и по именной части составного предиката (как правило, 3 или 4 класс). Отдельный интерес представляют случаи «прозрачного» согласования, аналогичные цахурскому [Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999], при которых предикат матричной клаузы согласуется с абсолютивом зависимой. Также зафиксированы случаи согласования с неабсолютивным аргументом (эргативом или дативом) в зависимой клаузе при наличии абсолютивного аргумента, но, как правило, в подобных ситуациях допустим выбор между абсолютивным и неабсолютивным аргументом. Феномен нестандартного согласования в дагестанских языках широко обсуждается в литературе на материалах даргинского ([Сумбатова 2014; Велуаев 2017]) и цезского [Polinsky, Potsdam 2002] языков, но на сегодняшний день не существует единой интерпретации данного явления.

Литература

- Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999 — А. А. Бонч-Осмоловская, Е. А. Лютикова. Актантные предложения // А. Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.

- Сумбатова 2014 — Н. Р. Сумбатова. В поисках подлежащего: контроль классного согласования и признаки грамматического приоритета в даргинском языке // О. В. Федорова, Е. А. Лютикова, М. А. Даниэль, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 499–517.
- Belyaev 2017 — O. Belyaev. Ergative gender agreement in Dargwa “backward control” or feature sharing? // D. Arnold, M. Butt, B. Crysmann, T. Holloway King, S. Müller (eds.). Proceedings of the Joint 2016 Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar and Lexical Functional Grammar. Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2017. P. 83–103.
- Polinsky, Potsdam 2002 — M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control // Linguistic Inquiry 33, 2, 2002. P. 245–282.

Н. А. Муравьев
НИУ ВШЭ, Москва

**ПОКА МЫ СЛУШАЛИ ДОКЛАД:
маркирование доступа к информации
в темпоральных конструкциях хантыйского языка**

Темпоральные отношения между событиями в дискурсе как предмет исследования находятся в двойственном положении. С одной стороны, в типологии сформировался относительно устойчивый взгляд на то, как устроены темпоральные конструкции в разных языках мира. С другой, подавляющее большинство предлагаемых классификаций темпоральных функций (ср. [Kortmann 1998; Dixon 2009; Храковский 2009]) не отражает всей семантической сложности описываемых отношений. Так, в казымском диалекте хантыйского языка¹ имеется конструкция *V-m-mär(ən)* с семантикой **интервальной одновременности** в терминах [Dixon 2009: 10] и конструкция *V-t-saxət* с семантикой **точечной одновременности**, которые имеют пересекающееся употребление в случае, когда, как в примерах (1) и (2) ниже, на фоне длительного события имеет место моментальное событие.

- (1) *ma ul-əm mär-əm-ən pet'a-jen ow-əm*
я спать-PTCP.PST время-1SG-LOC Петя-2SG дверь-1SG
seŋk-əm-əs
стучать-МОМ-PST[3SG]
'Пока я спал, Петя постучал ко мне в дверь'.
- (2) *ma ul-t-əm saxət pet'a-jen ow-əm*
я спать-PTCP.NPST-1SG момент Петя-2SG дверь-1SG
seŋk-əm-əs
стучать-МОМ-PST[3SG]
'Когда я спал, Петя постучал ко мне в дверь'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

Приведенные выше две конструкции, как и их русские эквиваленты с союзами *когда* и *пока*, кажутся синонимичными, но более подробный взгляд обнаруживает целый ряд других похожих случаев, в которых полностью приемлемой оказывается лишь одна из них. Тем самым, главной целью исследования было проанализировать употребление данных двух конструкций и установить мотивацию выбора каждой из них в заданном контексте. Материал исследования был собран методом эlicitации в с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа с дополнительным привлечением текстового материала.

Предлагаемое решение, найденное в ходе анализа, состоит в том, что семантика конструкции *V-t- saχət* в отличие от конструкции *V-m- mür(ən)* содержит имплицитную ситуацию наблюдения главного события и участника с ролью наблюдателя, в роли которого дефолтно выступает говорящий. Так, если в (1), (2) заменить форму простого прошедшего времени главного события 'стучать' на эвиденциальное прошедшее, сделав это событие недоступным для непосредственного наблюдения с позиции говорящего, как в (3), (4), допустимость конструкции с *V-t- saχət* резко снижается.

- (3) *ma ul-əm mür-əm-ən pet'a-jen ow-əm*
я спать-PTCP.PST время-1SG-LOC Петя-2SG дверь-1SG
seŋk-m-ał
стучать-EV.PST-3SG
'Пока я спал, Петя (оказывается) постучал ко мне в дверь'.

- (4) %*ma ul-t-əm saχət pet'a-jen ow-əm*
я спать-PTCP.NPST-1SG момент Петя-2SG дверь-1SG
seŋk-m-ał
стучать-EV.PST-3SG
Ожид.: 'Пока я спал, Петя постучал ко мне в дверь'.

Если же пример (2) или (4) дополнить эксплицитным указанием на отсутствие какого-либо, даже слухового восприятия, *ma äŋ χəłsem* 'я не слышал', предложение становится практически полностью неграмматичным. Аналогичный эффект достигается и для примера (1), если дополнить его выражением *pa ma nuχ wer-*

łasam ‘и я проснулся’, которое, напротив, косвенно эксплицирует ситуацию наблюдения, наличие которой идет вразрез с семантикой *V-m- mür(ən)*.

Вышеописанный контраст, как и некоторые другие противопоставления, о которых пойдет речь в докладе, свидетельствует о том, что хантыйские одновременные конструкции противопоставлены не только по характеру совпадения событий на оси времени, но и с точки зрения наблюдаемости главного события. В то же время, наблюдения над функционированием похожих конструкций в других языках (ср. *когда* vs. *пока* в русском, *when* vs. *while* в английском) позволяют предположить, что данная закономерность носит более общий характер, что, однако, требует проверки на материале более широкого круга языков.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; EV — эвиденциальность; LOC — локатив; MOM — моментатив; NPST — непрошедшее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11—113.
- Dixon 2009 — R. M. W. Dixon. The semantics of clause linking in typological perspective // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). The Semantics of Clause Linking. A Cross-Linguistic Typology. Explorations in Linguistic Typology [Explorations in Linguistic Typology 5]. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 1–55.
- Kortmann 1998 — B. Kortmann. Adverbial subordinators in the languages of Europe // J. van der Auwera, D. P. O. Baoill (eds.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe [Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 20–3]. Berlin — Boston: Mouton de Gruyter, 1998. P. 457–562.

П. Л. Наследкова

НИУ ВШЭ, Москва

СИСТЕМА ПРЕВЕРБОВ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Префиксальные глагольные пространственные показатели характерны для языков нахско-дагестанской семьи, в особенности лезгинских и даргинских. Рутульский язык, относящийся к лезгинской ветви, не является исключением. Целью данной работы было описать систему превербов рутульского языка, а также понять, как она соотносится с системами превербов других языков лезгинской ветви (агульского, лезгинского, цахурского).

Все рутульские данные были получены во время экспедиции в с. Кина Рутульского р-на Дагестана в июле 2018 г.

Сравнение систем превербов вышеперечисленных лезгинских языков происходило по следующим параметрам:

- степень «связанности» превербов с глагольными корнями;
- продуктивность употребления превербов;
- инвентарь значений превербов.

2. «Связанность» превербов с глагольными корнями

В системах превербов северокавказских языков сочетания приставок с глагольными основами могут быть полностью композиционными, идиоматизированы, или занимать промежуточное положение на этой шкале [Татевосов 2000]. Лезгинские языки неоднородны: в агульском значения превербов легко выводимы [Майсак, Мерданова 2002: 253], тогда как превербывы в цахурском и лезгинском выделяются лишь на формальных основаниях, а их сочетания с глагольными корнями лексикализованы ([Татевосов 2000] и [Haspelmath 1993: 167] соответственно). В то же время превербывы агульского языка далеки от идеала композиционности: «как сама возможность образования производного с конкретным превербом от данного корня, так и значение этого

производного являются в общем случае непредсказуемыми» [Майсак, Мерданова 2002: 262].

В рутульском языке значения большинства превербов все еще можно определить, но их пространственное значение проявляется только с глаголами движения. Сочетания превербов с глаголами других семантических классов идиоматизированы.

- РУТУЛЬСКИЙ
- (1) *l-eč'u-r=a*
UP-1.перемещаться.PFV-CVB=COP
'поднялся'
- (2) *l-at'u-r=a*
UP-1.резать.PFV-CVB=COP
'закончил'

В общем же случае, как и в агульском языке, значение префиксального глагола не выводимо из значения преверба и корня.

3. Продуктивность употребления превербов

Количество глагольных корней, сочетающихся с большим количеством превербов, примерно одинаково в рассматриваемых языках. Т. А. Майсак и С. Р. Мерданова приводят 9 агульских глагольных корней, имеющих большое количество превербных производных [Майсак, Мерданова 2002: 292]. В [Haspelmath 1993: 167] указано, что таких глагольных корней в лезгинском языке шесть. С. Г. Татевосов не указывает точное количество цахурских глагольных корней, употребляющихся с большим количеством превербов, но указывает, что их очень мало [Татевосов 2000].

В рутульском языке около пяти глагольных корней, употребляющихся более чем с четырьмя превербами.

4. Инвентарь значений превербов

Превербами называют в первую очередь такие глагольные префиксы, которые выражают пространственное значение. Однако в лезгинских языках встречаются глагольные префиксы и с другими значениями.

В их число входит преверб со значением обратного или повторного действия. В агульском и лезгинском он очень продуктивен: почти от любого глагола можно образовать производную форму с этим превербом ([Майсак, Мерданова 2002: 260] и [Haspelmath 1993: 174] соответственно). В цахурском есть преверб *q-*, который, помимо прочего, имеет значения «возврата» и «повторения» [Ибрагимов 1990: 124], однако о продуктивности его употребления в доступных источниках информации нет.

В рутульском также есть преверб *q-* со значением обратного и повторного действия, его употребление, как и в агульском и лезгинском, очень продуктивно.

Помимо этого, в рутульском языке есть преверб *č'*- с экспрессивным значением, не упоминающийся в описаниях других рассматриваемых языков.

Тем самым, рутульский язык не сильно выделяется среди родственных ему агульского, лезгинского и цахурского в отношении системы превербов. Однако в этой системе встречаются особенности, характерные только для рутульского языка.

Список условных сокращений

1 — 1 класс; COP — копула; CVB — общий конверб; PFV — перфективная основа; UP — 'вверх'.

Литература

- Ибрагимов 1990 — Г. Х. Ибрагимов. Цахурский язык. М.: Наука, 1990.
- Майсак, Мерданова 2002 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В. А. Плуноян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 251–294.
- Татевосов 2000 — С. Г. Татевосов. Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северо-кавказских языках // Вестник МГУ. Филология 6, 2000. С. 35–47.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A Grammar of Lezgian. Berlin — New York, NY: Mouton de Gruyter, 1993.

В. А. Наумова

НИУ ВШЭ, Москва

ИМПЛИЦИТНОЕ ОТРИЦАНИЕ С ХӨН В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Средства выражения негативной полярности в уральских и обско-угорских языках достаточно подробно изучены и представлены в обзоре [Miestamo et al. (eds.) 2015]. Наряду с широко распространенным в обско-угорских языках общим показателем отрицания [Wagner-Nagy 2011], в казымском диалекте хантыйского существует еще один способ выражения отрицания: имплицитный при помощи специальной частицы *хөп*.

Упоминание об этой частице можно найти в различных грамматиках [Nikolaeva 1999; Каксин 2010]. Согласно работам [Wagner-Nagy 2011; Фильченко 2013], *хөп* имеет статус эмфатической частицы. Однако ее функционирование описано не достаточно полно, в частности, ее способность выражать имплицитное отрицание. Задача данной работы — рассмотреть более подробно контексты употребления частицы *хөп* (ее дистрибуцию и ограничения на ее использование) и то, каким образом отрицательная полярность выражается при помощи этой частицы. Данные были собраны методом устного анкетирования в июле 2018 г. в с. Казым², которое входит в состав Белоярского р-на Ханты-Мансийского автономного округа.

В рамках настоящего исследования было установлено, что хантыйская частица *хөп* выражает имплицитное отрицание в некоторых коммуникативных ситуациях. Так, например, в предложении (1) нет явно выраженного отрицания, отсутствует частица *än / änt*.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

² Сбор материала финансировался по программе «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ.

- (1) *Mäsen hawrem-ηən χən täj-əl*
 Маша ребенок-DU PART иметь-NPST.3SG
 ‘Неужели у Маши есть дети’.

Частица *χən* в этом предложении имеет следующую функцию. Говорящий подвергает сомнению истинность пропозиции, содержащийся в (1). Более того, в соответствии с интерпретацией носителей языка следует, что импликация ‘у Маши есть дети’ — ложное высказывание.

Аналогичные частицы встречаются и в других языках. Подобным образом ведут себя немецкие ударные частицы *doch* и *etwa* [Добровольский, Левонтина 2014], русские ‘разве’ и ‘неужели’ [Булыгина, Шмелев 1997]. В частности, в своей статье [Gast 2008] Ф. Гаст со ссылкой на работу [König 1977] указывает, что частицы такого плана относятся к классу ‘particles identifying contradictions’ и обозначают наличие противоречия между знаниями говорящего о мире и тем что, как он предполагает, знает о мире слушающего.

Стоит отметить, что наличие частицы *χən* не просто подвергает сомнению истинность пропозиции, как с частицами ‘разве’ и ‘неужели’ для русского, а сигнализирует о том, что данная пропозиция ложна. Рассмотрим следующий пример (2).

- (2) *λuw χop χən λəts-əs*
 он лодка PART купить-PST.3SG
 ‘Разве он лодку купил’.

В предложении (2) говорящий выражает некоторое удивление, поскольку сообщение противоречит его предшествующему мнению. Носитель уверен, что ‘товарищ купил не лодку, а, например, машину’.

В отличие от упомянутых выше частиц, хантыйское *χən* не встречается в контекстах с явно выраженным отрицанием (3), (4).

- (3) а. *λuw neməłti än təs-əs*
 он NEG.PRO NEG нести-PST.3SG
 б. **λuw neməłti χən təs-əs*
 он NEG.PRO PART нести-PST.3SG
 ‘Он ничего не принес’.

- (4) a. *Nemχujat äñ juxt-əs*
 NEG.PRO NEG прийти-PST.3SG
 b. **Nemχujat χөн juxt-əs*
 NEG.PRO PART прийти-PST.3SG
 ‘Никто не пришел’.

В сложных предложениях с оценочными суждениями *χөн* тоже не употребляется (5).

- (5) a. *Mašen want-əl-əm äñ män-m-əl*
 Маша смотреть-NPST-1SG NEG уезжать-MIR-NPST.3SG
 b. **Mašen want-əl-əm χөн män-m-əl*
 Маша смотреть-NPST-1SG PART уезжать-MIR-NPST.3SG
 ‘По-моему, Маша не уехала’.

Таким образом, хантыйское *χөн* можно поставить в один ряд с субъективно-модальными частицами (например, с немецкими модальными частицами: *doch, etwa* и дискурсивными частицами ‘разве’, ‘неужели’) в силу следующих характеристик: 1) они могут создавать контраст между позицией говорящего и собеседника; 2) не выступают в качестве самостоятельно ответа на вопрос; 3) могут быть эмфатическими. Однако частица *χөн* отличается еще и тем, что ее наличие обязательно предполагает отрицание пропозиции, выражаемой в высказывании с данной частицей.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DU — двойственное число; MIR — миратив; NEG — отрицание; NEG.PRO — отрицательное местоимение; NPST — не-прошедшее время; PART — частица; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
 Добровольский, Левонтина 2014 — Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина. Дискурсивные слова в общепросительных предложениях: русско-немецкие соответствия // В. П. Селегей (гл. ред.). Компью-

- терная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13(20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 131–140.
- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Фильченко 2013 — А. Фильченко. Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах // Урало-Алтайские исследования 1(8), 2013. С. 55–99.
- Gast 2008 — V. Gast. Modal particles and context updating — the functions of German *ja*, *doch*, *wohl* and *etwa* // H. Vater, O. Letnes (Hrsg.). Modalverben und Grammaticalisierung. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2008. P. 153–177.
- König 1977 — E. König. Modalpartikeln in Fragesätzen // H. Weydt (Hrsg.). Aspekte der Modalpartikeln. Studien zur deutschen Abtönung. Tübingen: Niemeyer, 1977. S. 115–130.
- Miestamo et al. (eds.). 2015 — M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Wagner-Nagy 2011 — B. Wagner-Nagy. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2011.

В. С. Олишевская
СПбГУ, Санкт-Петербург

ОТАДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ С КАУЗАТИВНЫМ И РЕФЛЕКСИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО

Доклад посвящен проблеме функционирования вербализаторов в малокарачкинском диалекте чувашского языка. В литературном чувашском наиболее продуктивным аффиксом глагольного словообразования является аффикс *-ла*¹: у существительных — *тылă* ‘мялка’ > *тылла* ‘мять’, *анас* ‘зевота’ > *анасла* ‘зевать’; у прилагательных — *вăтам* ‘средний’ > *вăтамла* ‘достигать середины чего-то’; у заимствованных — *контроль* ‘контроль’ > *контролле* ‘контролировать’². В малокарачкинском диалекте сохраняется эта тенденция: носители последовательно используют этот вербализатор. Гипотеза исследования состоит в том, что в зависимости от типа актантной деривации образуемого глагола (каузативной или рефлексивной) с вербализатором должны взаимодействовать соответствующие показатели каузатива *-t-* и рефлексива *-n-*, к примеру: *simës* ‘зеленый’ — *simëslen-* ‘зеленеть’ — *simëslet-* ‘делать зеленым’. В процессе данного исследования я анализировала функционирование этих показателей при образовании отадъективных глаголов.

Первые данные, полученные в процессе опроса информантов, показали, что существует два способа передачи значений ‘стать X’ и ‘сделать так, чтобы У приобрел признак X’: аффиксальный (при помощи присоединения к основе со значением X либо только вербализатора *-ла-*, либо вышеупомянутых соответствующих показателей, либо и того, и другого) и аналитический

¹ См. [Орлова 1975, 1976а, 1976б], где автор выделяет четыре разных аффикса *-ла-*, *-лан-*, *-лат-* и *-лаш-*, но говорит об их наибольшей продуктивности.

² Примеры из [Орлова 1975].

(при помощи конструкций типа «*X pol*» (‘быть *X*’) и «*X tu*» (‘делать *X*’) соответственно). Например: *məndər-la-n* (толстый-VBZ-REFL) ‘толстеть’ = *məndər pol* ‘становиться (быть) толстым’; *məndər-la-t* (толстый-VBZ-CAUS) ‘откармливать’ = *məndər tu* ‘делать толстым’.

В том, как распределяются данные модели вербализации, были выявлены следующие тенденции:

1) глаголы с каузативным значением могут образовываться как аналитическим, так и аффиксальным способом без отличий в значении или дистрибуции:

- (1) *vəl stəna-zənʲ-e sur-at-r-ë*
 он(а) стена-PL-OBJ белый-VBZ-PST-3SG
 / *surə du-r-ë*.
 белый делать-PST-3SG
 ‘Он побелил стены’.

2) модели образования глаголов с рефлексивным значением имеют аспектуальные ограничения: когда в предложении используются обстоятельства, указывающие на протяженный характер действия, синтетическая модель становится более предпочтительной. Например:

- (2) *ëərbe əzə-n-tə-ə* / *əzə*
 суп горячий-CAUS-PST-3SG горячий
pol-za lar-tə-ə
 быть-CV_SIM пускать-PST-3SG
 ‘Суп нагрелся’.

- (3) *ëərbe iga seget xoşin-dze*
 суп два час промежуток.P_3-LOC
əzə-n-tə-ə / **əzə*
 горячий-CAUS-PST-3SG горячий
pol-za lar-tə-ə
 быть-CV_SIM пускать-PST-3SG
 ‘Суп нагрелся за два часа’.

Зачастую основы не требуют присоединения вербализатора перед показателями рефлексива и каузатива, например: *rozən-*

‘пустеть’, *pozat-* ‘опустошить’ от *pozə* ‘пустой’. Корреляции между невозможностью присоединения *-ла-* и значением образующей основы мною не было выявлено. Подобная модель не является продуктивной; ее использование невозможно с заимствованиями. По-видимому, существуют вербализаторы, которые могут образовывать глаголы с рефлексивным или каузативным значением без присоединения соответствующих аффиксов: например, *sur-al* (белый-VBZ) ‘белить’ от *surə* ‘белый’.

Как видно, например, из последних двух примеров (с прилагательными *surə* и *pozə*), возможно чередование в основе при присоединении вербализатора, однако описание закономерностей этого явления требует дальнейшего изучения.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; CAUS — каузатив; CV_SIM — деепричастие одновременности действия; LOC — местный падеж; OBJ — объектный падеж; PL — множественное число; PST — прошедшее категорическое время; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

- Орлова 1975 — А. П. Орлова. Образование глаголов с помощью аффикса *-ла(-ле)* в чувашском языке // Чувашский язык и литература: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР: Труды 59, 1975. С. 123–139.
- Орлова 1976а — А. П. Орлова. Глаголы с аффиксом *-лан-/-лен-* в чувашском языке // Чувашский язык и литература: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР: Труды 66, 1976. С. 149–158.
- Орлова 1976б — А. П. Орлова. Образование глаголов с помощью аффиксов *-лаш-/-леш-* и *-лат-/-лет-* в чувашском языке // Чувашский язык и литература: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР: Труды 67, 1976. С. 73–81.

А. В. Орлов

НИУ ВШЭ, Москва

ДИСТРИБУЦИЯ РЕЛЯТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЧАСТИЕМ И С *КОТОРЫЙ* В СРЯ

В русском языке релятивизация может осуществляться с помощью союзного слова *который* и с помощью причастного оборота. Несмотря на то, что релятивные конструкции, которые соотносятся с одним и тем же простым предложением, как правило, не демонстрируют разницы в значении, в дискурсе выбор между двумя стратегиями релятивизации не является свободным.

Доказательством могут послужить примеры из Russian Learner Corpus (RLC), в которых выбранная носителями языка стратегия релятивизации оценивалась носителями, как менее естественная в заданном контексте по сравнению с конкурирующей. Так, (2) оценивалось как более ожидаемое, чем (1).

- (1) *В 1987 году он получил Нобелевскую премию в области русской литературы и стал пятым русским писателем, который получил её.* [RLC]
- (2) *В 1987 году он получил Нобелевскую премию в области русской литературы и стал пятым получившим её русским писателем.* (альтернативный вариант)

Цель исследования:

- 1) Выявить факторы, влияющие на выбор между стратегиями релятивизации посредством союзного слова *который* и причастного оборота;
- 2) Описать взаимодействие этих факторов;
- 3) Создать модель, позволяющую предсказать выбор той или иной стратегии с наибольшей вероятностью.

В работе М. А. Холодиловой [Холодилова 2014] на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) было показано, что в русском языке существуют факторы, при наличии кото-

рых в предложении процент использования одной из двух стратегий релятивизации в корпусе возрастает по сравнению с предложением без фактора.

Однако, основываясь только на представленном в [Холодилова 2014] статистическом материале, не всегда можно сказать, какая из двух стратегий будет более вероятна в заданном контексте: в работе не было учтено, что в высказывании одновременно могут присутствовать факторы, благоприятствующие разным стратегиям. Собранный нами в RLC отрицательный материал показал, что в такой ситуации выбор между причастием и *который* не будет свободным, а разные факторы будут иметь при выборе «различный» вес.

В ходе эксперимента, в котором моделировалось речевое поведение носителей языка, нами были собраны данные о частотности релятивизации с помощью *который* и причастного оборота в предложениях, содержащих пары «противоположных по полярности» факторов. В эксперименте различные сочетания факторов выступали в качестве контролируемых (независимых) переменных, а выбираемая стратегия релятивизации — зависимой переменной. Участникам эксперимента было предложено задание: прочитав предложение с пропуском, посмотреть на находящуюся под ним картинку (пример см. на Рис. 1 на следующей странице) и вписать в пропуск те слова, которыми бы они описали группу людей / предметов, одновременно обладающих двумя представленными на картинке свойствами. Контексты с пропусками были составлены так, что содержали различные комбинации факторов и контрольную группу контекстов без факторов.

Сравнив частотность конкурирующих стратегий в разных группах контекстов¹, мы составили следующую иерархию факторов²: *Усложненный синтаксис* > *Нахождение вершины в инструменталисе* > **Рестриктивность** > *Рематичность / финальное по-*

¹ Подробнее о методах сравнения см. [Орлов 2018].

² Жирным выделен фактор, способствующий употреблению причастной стратегии; курсивом — факторы, предполагающие употребление придаточного с *который*.

ложение ИГ с относительной клаузой > Наличие вершины в структурном падеже³. Если в высказывании присутствует несколько факторов, то с наибольшей долей вероятности будет выбрана та стратегия, которая соответствует самому левому из них.

Рисунок 1. Пример задания

Предложение: Завтра здесь будет проходить очень интересная встреча, но на нее приглашаются только <...>

Соответствие предложенной иерархии реальным языковым данным было продемонстрировано на материале НКРЯ: из 800 проанализированных предложений с релятивизацией в двух третях случаев выбор стратегии совпадал с предсказанным иерархией.

Литература

- Гращенков, Лютикова 2008 — П. В. Гращенков, Е. А. Лютикова. Номинализации и семантико-синтаксический интерфейс // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 171–231.
- Орлов 2018 — А. В. Орлов. Дистрибуция релятивных конструкций с причастием, релятивных конструкций с *который* и синонимичных им нерелятивных выражений в СРЯ. Курсовая работа бакалавра

³ Под структурными падежами вслед за [Гращенков, Лютикова 2008] понимались Nom, Acc, Gen.

программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика». НИУ ВШЭ, М., 2018.

Холодилова 2014 — М. А. Холодилова. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН X, 2, 2014. С. 478–509.

А. А. Пальмова

РГГУ, Москва

ФУНКЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В ИДИОМЕ СЕТО¹

Основными задачами настоящей работы являлись выявление и анализ значений, передаваемых при помощи пространственных падежей в идиоме сето.

Сето — малый прибалтийско-финский народ, после распада СССР разделенный русско-эстонской границей. Большая часть носителей языка проживает на территории Эстонии, однако небольшое их количество сохраняется на западе Псковской обл. в районе города Печоры.

Сето относится к прибалтийско-финской подгруппе финской группы финно-угорской ветви уральских языков. Долгое время сето считался говором вырусского диалекта эстонского языка — это одна из основных причин того, что в настоящее время язык не описан и некодифицирован.

Так как на территории России народ сето крайне малочислен, он не получает должной поддержки. Большинство носителей — люди старшего поколения, их количество сокращается, а детям язык уже давно не передается. В связи с этим, изучение и документирование идиома является неотложной задачей.

В 2017 г. нами было проведено предварительное исследование системы пространственных падежей в идиоме. В качестве материала использовались записанные тексты сето, собранные еще до разделения идиома границей. В ходе этого исследования мы, опираясь на информацию о близкородственных языках, выделили значения, которые выражались данными падежами 80 лет назад.

Впоследствии, летом 2017 г., была организована экспедиция в Печорский р-н Псковской обл. На основании предыдущей работы нами была составлена анкета, при помощи которой был

¹ Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 18-012-00802.

собран представленный в данном исследовании материал. Всего было опрошено пять носителей идиома возрастом 50–70 лет.

В настоящем исследовании рассматриваются пространственные падежи идиома и эволюция выражаемых ими значений с 1940-х гг.

В результате предыдущего исследования был составлен примерный перечень, включающий 12 пространственных и 16 непространственных значений. Данное же исследование обнаруживает 15 пространственных и 27 непространственных значений, выражаемых при помощи пространственных падежей.

Внешнеместные падежи — серия из трех падежей, указывающих на локализацию объекта относительно плоскости и пространства. Внешнеместными падежами выражаются 4 пространственных и 13 непространственных значений (1 и 4 у аллатива, 1 и 4 у адессива и 2 и 5 у аблатива).

Внешнеместные падежи — трехпадежная серия, указывающая на локализацию внутри объекта или пространства. Выражают 11 пространственных и 14 непространственных значений (1 у иллатива, 6 и 4 у инессива и 4 и 10 у элатива).

В предварительном исследовании были выдвинуты следующие гипотезы, нашедшие подтверждение на полевом материале:

1. Внешнеместные падежи постепенно утрачивают собственно пространственные значения. В контекстах, где прочим родственным языкам свойственно употребление внешнеместных падежей, в сето используются конструкции с серийными послелогоми или аналогичные внутреннеместные падежи.

2. Иллатив уверенно вытесняется инессивом. В анкете присутствовало десять предложений, в которых для других прибалтийско-финских языков был бы характерен иллатив. Но в сето ожидаемый падеж встретился лишь в одном предложении у одного информанта. Во всех остальных случаях использовался либо инессив, либо послелоги.

Были также замечена особенность, отличающая изучаемый идиом от близкородственных языков: нетипичный показатель инессива. В большинстве прибалтийско-финских языков показатель инессива имеет в своем составе альвеолярный фрикатив (-s/-z). В данном же идиоме его показателем является придыхание.

Д. О. Петелин

МГУ, Москва

ВРЕМЕННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НАРЕЧИЯ ИЛИ ИГ¹

Работа посвящена синтаксическому статусу некоторых временных выражений в горномарийском языке. Вопрос, представляют они собой именные группы (ИГ) или наречия, нетривиален. С одной стороны, выражающие время единицы являются существительными, выступая в качестве аргументов в некоторых контекстах (1), с другой — временные выражения имеют ряд особенностей, отличающих их от прочих ИГ.

- (1) *mән' šošəm-əm jažo-n ertär-en-äm*
я весна-ACC хорошо-ADV проводить-PRET-1SG
'Я хорошо провел весну'.

Выражение времени обсуждалось в ряде типологических работ (см., например, [Haspelmath 1997; Эршлер 2009], но морфосинтаксические свойства таких конструкций подробно не изучались. Для горномарийского языка данный вопрос специально не обсуждался. Существует работа [Rozhanskiy, Markus 2018], выполненная на материале малых прибалтийско-финских языков. Мы рассмотрим морфосинтаксические свойства временных выражений, обозначающих время суток и сезон в контексте темпоральной локализации (simultaneous location по [Haspelmath 1997]), в их сопоставлении со свойствами аргументных ИГ [Плешак 2017]. Данные собраны в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Горномарийский р-н, респ. Марий Эл) методом анкетирования, и путем анализа экспедиционного корпуса текстов суммарным объемом около 45000 словоупотреблений.

В качестве диагностик были рассмотрены различные возможности падежного маркирования (немаркированная форма, ак-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

кузатив, генитив), а также способность к модификации именными зависимым. Были получены следующие результаты:

1. Временное выражение может стоять в немаркированной форме.

- (2) *irok(*-ə̃n / *-ə̃m) mən' püšängä-m ro-en-äm*
 утро-GEN / -ACC я дерево-ACC рубить-PRET-1SG
 'Утром я срубил дерево'.

2. Временное выражение может стоять в аккумулятиве и генитиве. При этом посессивный маркер 3 л. ед. ч., использующийся в дискурсивной функции [Khomchenkova 2017], в таких контекстах следует за этими падежами, тогда как в прочих случаях предшествует им, ср. (3)–(4). Это позволяет думать о более «застывшей» форме падежей во временных контекстах.

- (3) *šəžə-m-žə vara-žə veremä*
 осень-ACC-POSS.3SG потом-POSS.3SG время
šo-eš rokolma lākt-aš tared-äš
 достигать-NPST.3SG картошка извлекать-INF жать-INF
 'Осенью потом время наступит картошку копать, жать'.
 (Корпус)

- (4) *lašəš-əžə-m kid dono nüštəl-ət*
 мука-POSS.3SG-ACC рука с месить-NPST.3PL
 'Муку размешивают рукой'. (Корпус)

3. Разные выражения ведут себя по-разному в отношении маркирования. Кроме того, на выбор падежа влияет наличие зависимых.

Единственным возможным вариантом для лексем *tel* 'зима', *šəžə* 'осень' и *kängəž* 'лето' без зависимых является аккумулятив.

- (5) *tel-*(ə̃m) mən' jasə li-n-äm*
 зима-ACC я больной стать-PRET-1SG
 'Зимой я заболел'.

Лексемы *šoə̃m* 'весна' и *irok* 'утро' в тех же контекстах употребляются исключительно в немаркированной форме (см. (2)).

В присутствии зависимых возможным становится употребление генитива, невозможного без зависимых, причем верно это как для выражений, стандартно оформляемых аккузативом, так и для базово немаркированных.

- (6) *(*tä*) *tel-än mən' jasâ li-n-äm*
tom зима-GEN я большой стать-PRET-1SG
 'Той зимой я заболел'.

В некоторых случаях возникают ограничения на тип зависимого. Так, лексему *irok*, в отличие от прочих выражений, невозможно модифицировать рестриктивным причастным оборотом.

- (7) а. **kok kol kâčâ-mâ / kâčâ-m-em*
 два рыба ловить-PTCP.PASS ловить-PTCP.PASS-POSS.1SG
irok / irok-än jur tängül-än
 утро утро-GEN дождь начинаться-PRET
 'Утром, когда я поймал двух рыб, пошел дождь'.

- б. *ädär-äm näl-m-em šošâm-²(än)*
 девушка-ACC брат-PTCP.PASS-POSS.1SG весна-GEN
män'-än âškal-em šäl-än
 я-GEN корова-POSS.1SG прятаться-PRET
 'Весной, когда я женился, у меня сбежала корова'.

Таким образом, в горномарийском языке возможно различное падежное оформление временных выражений. Некоторые из них проявляют свойства более «застывших» наречных выражений. При наличии зависимых список доступных падежей расширяется. Для ряда выражений имеются ограничения в инвентаре возможных зависимых. В докладе эти данные будут обсуждены подробнее и сопоставлены с данными родственных языков, доступными в [Rozhanskiy, Markus 2018].

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; GEN — генитив; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PRET — претерит; PTCP.PASS — страдательное причастие; SG — единственное число.

Литература

- Плешак 2017 — П. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Эршлер 2009 — Д. А. Эршлер. К типологии непациентивных значений аккумулятива // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 32–49.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages [LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 3]. München: LINCOS Europa, 1997.
- Khomchenkova 2017 — I. Khomchenkova. Discourse use of the possessive affix 3sg in Hill Mari // 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 10–13 September 2017. Book of abstracts. University of Zurich, Zurich, Switzerland, 2017. P. 381–383. (<http://www.sle2017.eu/downloads/BOOK%20OF%20ABSTRACTS%205-7-2017.pdf>)
- Rozhanskiy, Markus 2018 — F. Rozhanskiy, E. Markus. Nominal forms with temporal meaning in minor Finnic languages of Ingria // 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 29 August — 1 September 2018. Book of Abstracts. Tallinn University, Estonia, 2018. P. 344–345. (<http://www.sle2017.eu/downloads/BOOK%20OF%20ABSTRACTS%205-7-2017.pdf>)

А. Ч. Пиперски

РГГУ — НИУ ВШЭ, Москва

-РАСТ-¹

- (1) *Не-- только многодетные матери или участковые милиционеры — все взрослые, не знавшие в молодости ни свободы, ни воли, напряженно замерли, наблюдая за парадом всех этих металлистов, хайрастов, рокеров, люберов, пацифистов, бог знает кого* [Александр Файн, Дмитрий Губин. О племени младом и незнакомом // «Огонек». № 8, 1991]

Этот текст 1991 г. — первый в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], где фиксируется пейоративный неологизм на *-раст-*: слово *хайраст* ‘человек со слишком длинными волосами’, образованное от слова *хайр*. Вероятно, эта словообразовательная модель существовала и раньше, но не проникала в письменные тексты. В дальнейшем же она становится все популярнее. В (2) дается полный список таких слов, встретившихся в НКРЯ, с указанием времени первой фиксации (запрос «*раст –возраст траст –контраст –эраст –педераст –теофраст –раст» в лексикограмматическом поиске с последующей ручной фильтрацией результатов):

- (2) *восьмидераст* (2002), *либераст* (2003), *флудераст* (2005–2007), *толераст* (2006), *антитолераст* (2006), *демократолибераст* (2012), *дерьмолибераст* (2012), *гитарст* (2012), *пиараст* (2012), *твитераст* (2014)

Происхождение суффикса *-раст-*, с помощью которого образованы все эти слова, очевидно: он восходит к слову *педераст*.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-04-00444-ОГН и № 18-012-00712. Автор благодарит А. В. Кухто за ценные комментарии.

Однако особенный интерес представляет то, с какими основами этот суффикс сочетается.

Материал НКРЯ недостаточно богат, чтобы отграничить окказионализмы на *-раст-* от закрепившихся слов. Поэтому в Таблице 1 приводится перечень существительных, которые встречаются в веб-корпусе *Aganeum Russicum Maximum* [Benko 2014], содержащем около 14 млрд словоупотреблений, более 20 раз в формах именительного падежа любого числа (запрос [lc="*.расты?"] с последующей ручной фильтрацией частотного списка):

Таблица 1. Существительные, встречающиеся в веб-корпусе *Aganeum Russicum Maximum* более 20 раз в формах именительного падежа

Слово	ИМ.ЕД	ИМ.МН	Всего
<i>либераст</i>	892	2619	3511
<i>толераст</i>	129	351	480
<i>копираст</i>	57	368	425
<i>флудераст</i>	74	57	131
<i>гитараст</i>	93	17	110
<i>пиараст</i>	42	62	104
<i>модераст</i>	41	24	65
<i>едираст</i>	9	36	45
<i>федераст</i>	14	22	36
<i>импераст</i>	3	24	27
<i>едераст</i>	6	18	24
<i>корпораст</i>	0	24	24
<i>лебераст</i>	5	16	21

Этот список из 13 слов (или из 11, если объединить ОРФОграфические варианты *либераст* и *лебераст*, а также *едираст* и *едераст*) показывает, что суффикс *-раст-* обладает нетривиальной морфонологической селективностью: он присоединяется к основам, которые содержат *p* после второго гласного, причем накладывается на это *p* с усечением всей дальнейшей основы. Более того, в случае слова *едераст* / *едираст* суффикс заставляет основу преобразоваться до нужного ему вида: от названия партии «Единая Россия» в нормальном случае образуется сокращение *Едро*, а не **Едиро*.

Разумеется, есть и исключения: если продолжить список из Таблицы 1 на две строчки, их займут слова *единораст* (взята основа слова *единоросс* до третьего, а не до второго гласного) и *путираст* (в производящей основе вовсе нет *p*), да и слово *восьмидераст*, приведенное в (2), не соответствует сформулированному выше правилу. Но, как бы то ни было, показательно, как устроены именно наиболее частотные и закрепившиеся слова.

Такие свойства суффикса *-раст-* делают его уникальным с точки зрения морфонологии, русской и не только. Действительно, гораздо чаще словообразовательные суффиксы предпочитают избегать основ, которые содержат общие с ними звуки; это даже позволило И. Б. Иткину обозначить эту закономерность («если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена» [Иткин 2005: 50]) звучным названием «Правило 1». В данном же случае мы имеем дело с противоположным явлением.

Конечно, можно было бы говорить про суффикс *-аст-*, который присоединяется к основам с *p* после второго гласного, однако этому противоречат маргинальные примеры типа *путираст* и *восьмидераст*, что заставляет вернуться к постулированию формы *-раст-*. Можно было бы и вовсе отказать элементу *-раст-* в статусе суффикса, сказав, что мы имеем дело просто с языковой игрой вокруг слова *педераст*. Но даже если смотреть на вещи таким образом, эта языковая игра — первая стадия рождения нового суффикса, которое мы можем наблюдать в реальном времени.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. (<http://www.ruscorpora.ru>)

Литература

Иткин 2005 — И. Б. Иткин. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение 4, 2005. С. 50–57.

Benko 2014 — V. Benko. Yet another family of (comparable) web corpora // P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala (eds.). Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 247–256.

П. С. Плешак

МГУ — ИЯз РАН, Москва

КОДИРОВАНИЕ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ КАКЧИКЕЛЬ

Данное исследование посвящено двум типам посессивных конструкций в какчикеле (группа киче < майя). В типологических работах о кодировании посессивных отношений в основном представлены данные языков Северной и Южной Америки [Nichols 1988; Krasnoukhova 2012] и Европы [Кортъевская-Тамм 2002, 2003], тогда как языки Центральной Америки (в т. ч. майя) остаются в тени. Это обусловлено недостатком данных о структуре ИГ в языках майя в целом [Bennett et al. 2016].

Анализ данных, собранных в городе Пацун (Чимальтенанго, Гватемала) в июне 2018 г., показал, что эти языки оказываются гораздо богаче, чем ожидается. В [Nichols 1986: 82–83] языки киче представлены как языки с исключительно вершинным маркированием (посессивный префикс на обладаемом), атрибутивная конструкция с зависимостным маркированием в близкородственном какчикелю цутухиле отмечается как маргинальная. В описательных грамматиках языка какчикель [Matzar et al. 1997; Brown et al. 2010] данные об альтернативных способах кодирования посессивных отношений также отсутствуют.

Однако, как оказалось, помимо известной конструкции с обязательным вершинным маркированием (1a), есть конструкция, где именно зависимое маркировано как посессор своего обладаемого при помощи реляционного имени *chin* (1b) (ср. генитивное маркирование в европейских языках). В этом случае посессивное маркирование на вершине не грамматично. Само реляционное имя согласуется с посессором (факультативно в случае 3SG).

- (1) a. *ri tz'i' x-ø-u-tij ri*
DEF пес CMP-A.3SG-E.3SG-есть DEF

*(*ru*)-*jiq'ob'äl Jimena*
 POSS.3SG-фрукт Химена

- b. *ri tz'i' x-ø-u-tij ri (*ru)-jiq'ob'äl*
 DEF пес CMP-A.3SG-E.3SG-есть DEF POSS.3SG-фрукт
(r-i)chin Jimena
 POSS.3SG-POS Химена
 ‘Пес съел **фрукт Химены**’.

При наличии в языке нескольких возможностей важно описать границы сферы их употребления. Для какчикеля факторами, влияющими на выбор конструкции, оказались отчуждаемость и позиция в иерархии одушевленности. Так, неотчуждаемая принадлежность выражается только вершинным маркированием (2a–b).

- (2) a. *rïn x-ø-in-kach'uj ri r-aqän*
 я CMP-A.3SG-E.1SG-ступать DEF POSS.3SG-нога
jun ti xtän
 один DIM девушка
- b. **rïn x-ø-in-kach'uj ri aqan-aj chin*
 я CMP-A.3SG-E.1SG-ступать DEF нога-NPSD POS
jun ti xtän
 один DIM девушка
 ‘Я наступил **на ногу девочки**’.

Посессоры — личные местоимения вне зависимости от отношения также употребляются только в конструкции с вершинным маркированием (3a) (ср. с посессором-существительным в том же контексте (3b)).

- (3) a. *ri nu-te' x-ø-u-ch'äj*
 DEF POSS.1SG-мать CMP-A.3SG-E.3SG-мыть
*ri nu-camisa / *ri camisa w-ichin (rïn)*
 DEF POSS.1SG-кофта DEF кофта POSS.1SG-POS я
 ‘Мама постирала **мою кофту**’.
- b. *ri nu-te' x-ø-u-ch'äj*
 DEF POSS.1SG-мать CMP-A.3SG-E.3SG-мыть

<i>ri</i>	<i>ru-camisa</i>		<i>Fátima</i>
DEF	POSS.3SG-кофта		Фатима
/ <i>ri</i>	<i>camisa</i>	<i>r-ichin</i>	<i>Fátima</i>
DEF	кофта	POSS.3SG-POS	Фатима

‘Мама постирала **кофту Фатимы**’.

Поскольку сам маркер посессора был известен из грамматик как маркер предидирования посессора (4), интересен вопрос о внутреннем / внешнем статусе *chin*-посессора.

(4)

<i>re</i>	<i>jun</i>	<i>pantalón</i>	<i>re'</i>	<i>w-ichin</i>	<i>rïn</i>
DEF	один	штаны	этот	POSS.1SG-POS	я

‘Эти штаны мои’.

В докладе, помимо вышеуказанных, более подробно будут рассмотрены другие синтаксические свойства, различающие конструкции. Для полноты картины будут добавлены и свойства конструкций, кодирующих периферийные отношения в ИГ [Kortjevskaja-Tamm 2004]. Ранее эти конструкции не описывались вообще, тогда как, используя тот же набор возможностей, они обладают рядом особенностей, отличающих их от конструкций, кодирующих ядерные посессивные отношения. Также, в стремлении понять статус маркированного посессора, будет рассмотрено распределение двух посессивных конструкций согласно критериям, предложенным в [König, Haspelmath 1997] и показано, что оно сильно отличается от ожидаемой разницы между внутренним и ним посессором в европейских языках.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; А — абсолютив; СМР — комплетив; DEF — определенность; DIM — диминутив; Е — эргатив; NPSD — необладаемая форма, POS — посессивное реляционное имя; POSS — посессор; SG — единственное число.

Литература

Bennett et al. 2016 — R. Bennett, J. Coon, R. Henderson. Introduction to Mayan linguistics // *Language and Linguistics Compass* 10, 10, 2016. P. 455–468.

- Brown et al. 2010 — R. M. Brown, J. M. Maxwell, W. E. Little. ¿La ütza awäch?: Introduction to Kaqchikel Maya Language. Austin, TX: University of Texas Press, 2010.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: Form and function // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 55, 2002. P. 141–172.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621–722.
- Koptjevskaja-Tamm 2004 — M. Koptjevskaja-Tamm. Maria's ring of gold: Adnominal possession and non-anchoring relations in European languages // J.-Y. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (eds.). *Possessives and beyond: Semantics and syntax [UMOP 29]*. Amherst, MA: Graduate Linguistics Students' Assoc., University of Massachusetts, 2004. P. 155–181.
- König, Haspelmath 1997 — E. König, M. Haspelmath. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // J. Feuillet (éd.). *Actance et valence dans les langues de l'Europe [Empirical Approaches to Language Typology / EURO TYP 202]*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 525–606.
- Krasnoukhova 2012 — O. Krasnoukhova. The noun phrase in the languages of South America. PhD Thesis. Netherlands Graduate School of Linguistics, Utrecht, 2012.
- Matzar et al. 1997 — P. G. Matzar, J. O. R. Guaján, O. K. Maya' Ajtz'iib. *Rukemik ri Kaqchikel chi'*. Guatemala, Guatemala CA: Editorial Cholsamaj, 1997.
- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language* 62, 1, 1986. P. 56–119.
- Nichols 1988 — J. Nichols. On alienable and inalienable possession // W. Shipley, M. Rosamond Haas (eds.). *In Honor of Mary Haas: From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1988. P. 557–609.

Н. В. Подписнов

СПбГУ, Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ ПАДЕЖНЫМ И ПОСЛЕЛОЖНЫМ КОДИРОВАНИЕМ ЛОКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В бурятском языке локативные отношения могут кодироваться как с помощью падежей, так и с помощью послелогов:

- (1) *Морин-до-мни* *дүтэл-бэ.*
лошадь-LOC-1SG.POSS приблизиться-PAST
'Приблизился к моему коню'.
- (2) *Морин тээшэ-мни* *дүтэл-бэ.*
лошадь к-1SG.POSS приблизиться-PAST
'Приблизился к моему коню'. [Шагдаров 2013: 172]

Целью исследования было выявление факторов, влияющих на выбор между послеложной и падежной конструкциями при выражении локативных отношений в бурятском языке.

Летом 2016 г. было проведено анкетирование четырех носителей бурятского языка. Использовалась анкета [Bowerman, Pederson 1992], состоящая из 71 картинки. К анкете были добавлены еще четыре локативные ситуации. На каждой картинке был трактор (предмет, местоположение которого надо было описать; на него указывала стрелка) и ориентир (то, относительно чего надо было описать местоположение трактора).

В ходе работы с информантами проверялась гипотеза о том, что на кодирование локативных отношений влияют следующие семантические факторы:

1) Фиксированность: требуются усилия для того, чтобы прервать / изменить контакт между трактором и ориентиром, или невозможно прервать / изменить этот контакт.

2) СУПЕР: трактор находится выше ориентира или на верхней поверхности ориентира.

3) ИН: траектор находится внутри ориентира (полностью или частично заключен в ориентир).

Однако однозначно приписать локативным ситуациям то или иное значение этих признаков сложно, поэтому был проведен дополнительный эксперимент, целью которого было снизить субъективность суждений о семантических характеристиках ситуаций. В эксперименте принимали участие восемь информантов (носителей русского языка), которым предъявлялись картинки из анкеты. Информанты должны были разметить локативные ситуации, изображенные на картинках, по трем вышеперечисленным параметрам.

Результаты эксперимента показали довольно высокий уровень единодушия среди информантов, что позволило приписать каждой локативной ситуации определенный набор семантических признаков и перейти к интерпретации данных, полученных при работе с носителями бурятского языка.

Анализа этих данных показал, что в бурятском языке для кодирования статичных локативных отношений из падежей используется только дательно-местный падеж. Из послелогов самыми частотными были *дээрэ* и *соо*. Один информант использовал только послелоги.

Послелоги выражают более конкретные, специфичные значения. Хотя дательно-местный падеж в основном конкурирует с *дээрэ*, список локализаций, которые он может кодировать, шире, чем у послелогов. Дательно-местный употребляется в значениях СУПЕР, АД, ИН, ЦИРКУМ, АПУД, тогда как большинство послелогов употребляются только в одном из этих значений. Послелог *соо* кодирует локализацию ИН, а *дээрэ* — локализации СУПЕР, СУПРА и АД.

Использование дательно-местного падежа предпочтительно тогда, когда контакт между траектором и ориентиром фиксированный.

В 2018 г. было проведено еще одно анкетирование, целью которого было проверить гипотезы, для подтверждения или опровержения которых не хватило материала, полученного в 2016 г. Анкета состояла из 42 локативных ситуаций, которые имели

локализации либо СУПЕР (верхняя поверхность ориентира), либо АД (боковая поверхность ориентира).

Каждой локативной ситуации соответствовало определенное сочетание значений следующих признаков: 1) фиксированность; 2) часть тела как ориентир; 3) неканоничность; 4) место как ориентир. Например, ситуации, которую на русском языке можно описать как «почтовая марка наклеена на стол» приписывалось положительное значение первого и третьего признаков и отрицательное значение второго и четвертого признаков.

Выводы, основанные на материале этого анкетирования, еще предстоит сделать.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; LOC — локатив; POSS — посессив; PAST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Шагдаров 2013 — Л. Д. Шагдаров. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во бурятского научного центра СО РАН, 2013.
- Bowerman, Pederson 1992 — M. Bowerman, E. Pederson. Topological relations picture series // S. C. Levinson (ed.). Space Stimuli Kit 1.2: November 1992, 51. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. (<http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/1992/bowped/>)

Д. М. Рахман
НИУ ВШЭ, Москва

СИНТАКСИС НЕФИНИТНЫХ ЦЕЛЕВЫХ КЛАУЗ В СЕВЕРНОМ ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящее исследование посвящено синтаксису целевых клауз (далее ЦК), образуемых глаголом с суффиксом *-ti* в казымском диалекте северного хантыйского языка. Цель данной работы — привести теоретическое объяснение наблюдаемых ограничений на поверхностное выражение субъекта и посессивное мааркирование глагола в ЦК и сентенциальных актантах при глаголах контроля.

В казымском хантыйском основным способом присоединения ЦК к матричной клаузе является послелог *päta* — ‘для’. Такие ЦК могут как выражать, так и не выражать свой субъект на поверхности (1). Кроме того, глагол может согласоваться с подлежащим и маркироваться соответствующим посессивным показателем:

- (1) (*ləxs-əm*) *lət-ti* / *lət-t-aλ* *pät-a*
друг-POSS.1SG есть-INF есть-INF-POSS.3SG для-DAT
ma wuonśemutən náń wɛr-s-əm
я ягода хлеб сделать-PST-1SG
‘Я сделал ватрушки, чтобы мой друг поел’.

Если же подлежащее выражено личным местоимением, согласование обязательно:

- (2) *λuw* **lət-ti* / ^{OK}*lət-t-aλ* *pät-a*
он есть-INF есть-INF-POSS.3SG для-DAT
ma wuonśemutən náń wɛr-s-əm
я ягода хлеб сделать-PST-1SG
‘Я сделал ватрушки, чтобы мой друг поел’.

При этом между клаузами с согласованием и без такового наблюдается некоторое семантическое различие. Конструкции без посессивного согласования не могут относиться к конкретному событию, локализованному в пространстве и времени:

- (3) *vasa-en* *xaləwət* *jew-a* **mant-ti*
 Вася-POSS.2SG завтра окунь-DAT ловить-INF
 /^{OK}*mant-t-aλ* *pät-a* *holəp* *sevə-λ*
 ловить-INF-POSS.3SG для-DAT сеть вязать-NPST[3SG]
 ‘Вася делает сеть, чтобы завтра ловить окуня’.

Этот факт может быть объяснен с помощью предположения о том, что *ti*-клаузы, присоединяемые с помощью послелогов, являются номинализациями (подобные идеи уже высказывались ранее, например, см. [Муравьев 2011]). В таком случае субъект номинализации поднимается в позицию посессора SpecPossP (см. Рис. 1). На этапе PossP деривация зависимой клаузы может завершиться. Зависимая клауза в таком случае образует неполную именную группу (подробнее см., например, [Лютикова, Перельцайг 2015]). Деривация также может продолжиться присоединением к PossP нулевого определенного артикля и образованием DP. D, будучи вершиной фазы согласно некоторым подходам (см., например, [Despić 2015]), обладает неинтерпретируемыми признаками числа и лица и запускает зонд (probe, см. [Chomsky 2000]) для согласования с посессором, который в данном случае является поднятым подлежащим. Глагол, соответственно, маркируется посессивным показателем. ЦК же является группой уровня DP и, следовательно, обладает семантическим типом *e* (индивид), т. е. обозначает собой определенную сущность, в данном случае — конкретное событие. Неполная же именная группа, которой является ЦК без согласования, семантически соответствует неопределенному имени. Именно это семантическое различие мы и наблюдаем в примере (3).

Дополнительным аргументом в пользу такого подхода является тот факт, что в обычной именной группе (не номинализации) наблюдается ограничение, аналогичное проиллюстрированному нами в примере (3): если посессор при имени выражен

личным местоимением, то посессивное маркирование вершины обязательно (Плешак, л. с.). Природа этого ограничения требует отдельного исследования; тем не менее, оно свидетельствует о совпадении некоторых синтаксических свойств именной группы и ЦК.

Такой подход также объясняет, почему сентенциальные актанты при глаголах контроля, образуемые глаголом в *ti*-форме, не допускают ни поверхностного выражения субъекта, ни посессивного согласования глагола (4). В таких конструкциях деривация зависимой клаузы не образует именных проекций DP или PossP. Нефинитная вершина T не может приписать именительный падеж подлежащему и, соответственно, не допускает его поверхностного выражения. Согласование также невозможно, т. к. отсутствует вершина D, способная запустить эту операцию.

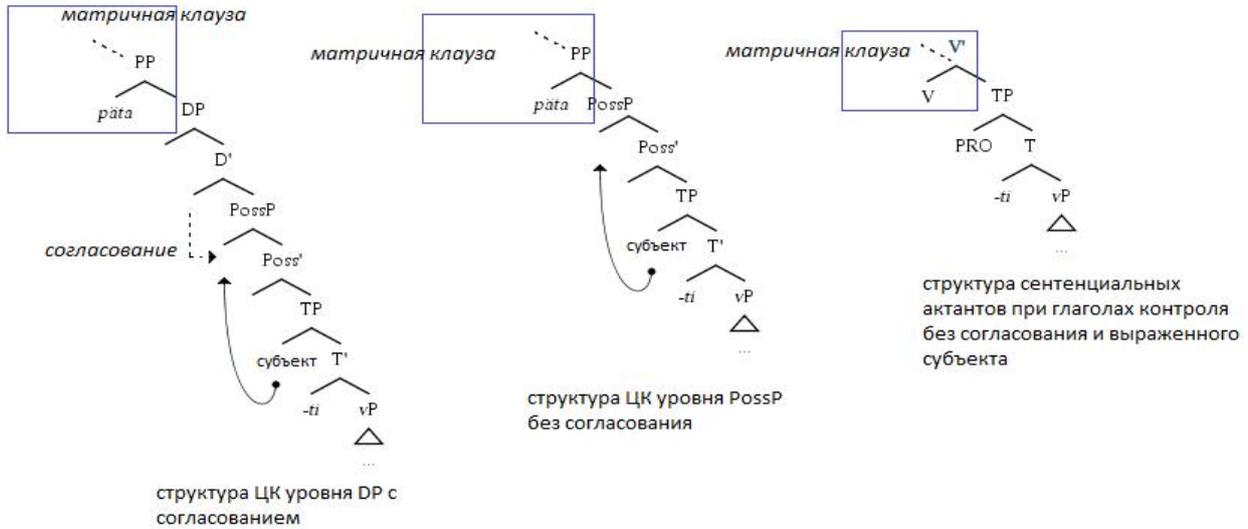
- (4) *ta aš-em par-s-em* (**λnw*) *ratxar*
 я отец-POSS.1SG попросить-PST-1SG (он) костер
aλ-ti / **aλ-t-aλ*
 разжечь-INF разжечь-INF-POSS.3SG
 ‘Я попросил отца развести костер’.

Предлагаемый нами анализ, таким образом, объясняет наблюдаемое многообразие возможных конструкций так:

- Глагол в *ti*-форме может образовывать структуры трех различных уровней: инфинитивную клаузу TP, номинализацию PossP, представляющую собой неполную именную группу и DP, представляющую собой полную определенную именную группу.
- Структура уровня TP выполняет роль сентенциального актанта при глаголах контроля.
- Номинализации, присоединяемые послелогом *pāta*, выполняют роль ЦК.

Структуры, соответствующие различным типам *ti*-клауз, изображены на Рис. 1.

Рисунок 1

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ЦК — целевая конструкция; DAT — дательный падеж; INF — инфинитив, условное обозначение для показателя *-ti*; NPST — непрошедшее время; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Е. А. Лютикова, А. М. Перельцвайг. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания 3, 2015. С. 52–69.
- Муравьев 2011 — Н. А. Муравьев. Нефинитные формы в хантыйском языке. Неопубликованные экспедиционные материалы. 2011.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist Inquiries: The Framework // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Despić 2015 — M. Despić. Phases, reflexives, and definiteness // Syntax 18, 3, 2015. P. 201–234.

Е. А. Рыжкова

Независимый исследователь, Красноярск

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ В КЭЛДЭРАРСКОМ И СЕВЕРНОРУССКОМ ДИАЛЕКТАХ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

Единицы, соответствующие «общецыганскому» определенному артиклю в кэлдэрарском и северно-русском (далее СРД) диалектах цыганского языка, имеют разную историю развития и на синхронном этапе выполняют разные функции.

Исследование проводилось на материале текстов разных лет (всего 864 ИГ), собранных от разных информантов, поэтому в большинстве случаев они анализировались отдельно, общие выводы «по диалектам» при этом носят условный характер. Кэлдэрарский диалект представлен следующими источниками: [Gjerdman, Ljungberg 1963; Деметер, Деметер 1981]. Для исследования синтаксиса также в 2018 г. в пос. Пери (Ленинградская обл.) была собрана анкета. Материалом для исследования единиц, соответствующих «общецыганскому» артиклю в СРД, послужили тексты из сборников [Добровольский 1908; Абраменко 2006], а также текст и анкета, записанные в пос. Кикерино (Ленинградская обл.) в 2016 г.

Артикли в обоих диалектах анализировались с точки зрения морфонологии, семантики и синтаксиса.

Для обоих диалектов были найдены «базовые» парадигмы склонения определенного артикля:

Таблица 1. Артикль без предлогов (кэлд.)

	м. р. ед. ч	ж. р. ед. ч	мн. ч.
прямой падеж	<i>o</i>	<i>e</i>	<i>le, el</i>
косвенный падеж	<i>le (el)</i>	<i>la</i>	<i>le</i>

Таблица 2. Артикль без предлогов (СРД)

	м. р. ед. ч	ж. р. ед. ч	мн. ч.
прямой падеж	<i>о</i>	<i>е</i>	<i>о, е</i>
косвенный падеж	<i>е</i>		

Склонение кэлдэрарского артикля можно охарактеризовать как регулярное, какие-либо отклонения от «базовой» парадигмы в рассмотренных текстах отсутствуют. В текстах на СРД, напротив, с различной частотой встречаются отклонения от «базовой» парадигмы, при этом артиклем оформляется меньшее количество ИГ в тексте. В Таблице 3 данные по СРД расположены в порядке от текстов конца XIX в. к текстам, порожденным самыми молодыми носительницами.

Таблица 3. Оформление артиклем и отклонения от базовых парадигм

	кэлд. 1	кэлд. 2	СРД 1	СРД 2	СРД 3 ¹	СРД 4
ИГ с опр. арт., %	81	50	49,15	65,5	34,7	21
«ошибки», %	0	0	4,5	2,6	0	50

В результате исследования был составлен список семантических контекстов, в которых ИГ в рассматриваемых диалектах оформляются определенным артиклем. В кэлдэрарском артикль обязателен в разнообразных контекстах от анафорических употреблений до ИГ, включающих имена собственные. В текстах на СРД, записанных в начале XX в., еще наблюдается тенденция к употреблению артикля в анафорических контекстах, в текстах же более молодых носителей ни один из контекстов, типичных для маркеров определенности в языках мира, не вызывает появления артикля. В этих текстах соответствующая единица тяготеет к прагматически выделенным контекстам: оба примера в (3) можно отнести к анафорическим употреблением, однако артиклем оформляется только ИГ в (3b).

¹ Возможно, на носительницу повлияли влашские диалекты, на которых говорили ее родственники.

(1) a. *áke tók'i otker-d-é tyknor'-í*
 вот только открыть-PRF-3PL сундук-NOM
 'Вот только открыли сундук'.

b. *áke jów av-él kheré kaná*
 вот он приходит-3SG домой сейчас
o ě'av-ó
 ART.M мальчик-NOM
 'Вот он приходит домой теперь, парень'.

С точки зрения синтаксиса кэлдэрарский определенный артикль очень близок к артиклю в греческом языке: артикль сформировался в раннецыганский период при сильном греческом влиянии [Boretzky 2000: 31; Matras 2004: 96]. В первую очередь, обращают на себя внимание конструкции с дублирующимся артиклем (2), (3). Для СРД же подобные конструкции не характерны.

(2) *o ávtraç o wpaíoç*
 'красивый мужчина' [Holton et al. 2012: 365]

(3) *vázdi o vas*
 поднимать.IMP ART.DEF.M рука.NOM
o stíng-o
 ART.DEF.M левый-M.SG.NOM
 'Подними левую руку!'

Другими синтаксические особенности артиклей в кэлдэрарском диалекте и в СРД связаны с экспансией артиклей практически на все предложные группы:

(4) КЭЛДЭРАРСКИЙ
*pa=j / *pa kriša kon-to phir-đ-á*
 по=ART.DEF.F по крыша.NOM кто-то ходить-PRF-3SG
 'По крыше кто-то ходил'.

(5) СРД
jov priphan-di-á e grés
 он привязать-PRF-3SG ART.OBL конь.OBL/ACC

k=o / **ke* *bár*
к=ART.М к огород.NOM
'Он привязал коня к забору'.

Артикль в кэлдэрарском диалекте хорошо сохранился, несмотря на контакты с безартиклевыми языками. Как в семантическом, так и в синтаксическом плане он во многом напоминает греческий определенный артикль. В СРД артиклевая система практически разрушена, однако соответствующие единицы не исчезли, а перешли в разряд прагматических маркеров.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; СРД — северно-русский диалект цыганского языка; ACC — винительный падеж; ART — артикль; DEF — определенность; F — женский род; IMP — повелительное наклонение; M — мужской род; NOM — именительный падеж; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRF — перфект; SG — единственное число.

Литература

- Абраменко 2006 — О. А. Абраменко. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома). СПб.: Анима, 2006.
- Деметер, Деметер 1981 — Р. С. Деметр, П. С. Деметр. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект). М.: Русский язык, 1990.
- Добровольский 1908 — В. Н. Добровольский. Киселевские цыгане. Вып. 1: Цыганские тексты. СПб.: Типография Императорской Академии Наук 1908.
- Boretzky 2000 — N. Boretzky. The definite article in Romani dialects // V. Elšík, Ya. Matras (eds.). Grammatical Relations in Romani: The Noun Phrase. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 31–65.
- Gjerdman, Ljungberg 1963 — O. Gjerdman, O. Ljungberg. The Language of The Swedish Coppersmith Gipsy Johan Dimitri Taikon. Grammar, Texts, Vocabulary and English Word-Index. Stockholm: Gummesons Boktryckeri AB, 1963.

Holton et al. 2012 — D. Holton, P. Mackridge, I. Philippaki-Warburton, V. Spyropoulos. Greek. A Comprehensive Grammar. New York: Routledge, 2012.

Matras 2004 — Ya. Matras. Romani: A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Д. С. Сатанова

*ИЛИ РАН — Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПТАТИВНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ТАЛЫШСКОМ

В докладе будут рассмотрены два семантических типа оптатива, существующие в талышском и выражаемые различными грамматическими средствами — т. н. перформативный оптатив (ПО), а также «чистый», или дезидеративный оптатив (ДО).

Термин «оптатив» семантически относится к «пожеланию или надежде говорящего, выраженным в главном предложении» (“optative: the wish or hope of the speaker expressed in a main clause” [Bybee et al. 1994: 179]). Под дезидеративным оптативом мы понимаем тот тип оптатива, который служит для выражения желания и мечты говорящего, в то время как перформативный оптатив воспринимается говорящим как «попытка воплотить желание в жизнь», например, с помощью высших сил (в частности, в разнообразных формулах проклятий и пожеланий) (см. [Добрушина 2009]). Для языков Кавказа довольно характерно использование различных грамматических средств для выражения ПО и ДО.

Единственное крупное описание языка, составленное Б. В. Миллером [Миллер 1953], не дает четкого представления о распределении косвенных наклонений и семантической зоне оптатива в азербайджанском талышском. Наличие морфологического оптатива — одна из примечательных черт талышского языка, выделяющая его из ряда большинства новоиранских языков. В результате проведенного исследования установлено, что сфера распространения морфологического оптатива ограничена лишь некоторыми говорами северного диалекта талышского.

Материал для исследования был получен в ходе работы с носителями азербайджанского талышского в Санкт-Петербурге (2017–2018 гг.).

В талышском оптатив имеет формы настоящего и прошедшего времени. Для образования форм настоящего времени оптатива используются префикс *bi-*, основа настоящего времени глагола, а также тематическая гласная *-o / -u*, к которой прибавляется набор личных окончаний.

В грамматике [Миллер 1953] отмечается, что морфологический оптатив настоящего времени используется в том числе для выражения желания, однако настоящее исследование показывает, что с помощью форм морфологического оптатива выражается именно перформативный оптатив (в проклятиях и пожеланиях) (1). Кроме того, морфологический оптатив используется в протазисе условных предложений с реальным условием (2).

- (1) *Ĝəssəm bi-b-u bə Lenin-i kəllə!*
 проклятье IRR-быть-ОПТ.3SG к Ленин-ОБЪ голова
Ĝəssəm bi-b-u bə Stalin-i qur-i!
 проклятье IRR-быть-ОПТ.3SG к Сталин-ОБЪ могила-ОБЪ
 ‘Будь проклята голова Ленина! Будь проклята могила Сталина!’ (Дж. Лалазоа, «Tolişə lətifon», 2011: 63)

- (2) *Ehanə bi-sut-o çəmə fabrik,*
 если IRR-гореть-ОПТ.3SG POSS.1PL фабрика
çanə bə-st-em?
 сколько FUT-брат-1SG
 ‘Если наша фабрика сгорит, сколько я получу?’ (Там же: 85)

Морфологический оптатив прошедшего времени используется только в придаточных условия, так же, как и в настоящем времени обозначая только реальное условие:

- (3) *Əgəm əvon hardə-şon-e-b-o,*
 если они есть.PTC-3PL-TR-быть-ОПТ.3SG
by-də by-ş-in.
 IRR-дать.IMP IRR-идти-CNJ.3PL
 ‘Если они поели, пусть уходят’.

В талышском языке нет специальных грамматических средств для выражения дезидеративного оптатива. В этой функции используются формы имперфекта изъявительного наклоне-

ния, которые также встречаются в протазисе и аподозисе условных предложений (выражая условие ирреальное) (пример (5)). Основное значение имперфекта изъявительного наклонения — длительное или регулярное действие в прошлом в главном предложении.

- (4) *Nəhojət gilə ko pəydo ə-kə-iş.*
 наконец CLF работа находка IMPF-делать-2SG
 ‘Нашел бы ты работу наконец’.
- (5) *Rə gilə ko pəydo ə-kə-im*
 рано CLF работа находка IMPF-делать-1SG
çoki ə-b-i, i mang-e bo ko
 хорошо IMPF-быть-3SG один месяц-COP.3SG для работа
nave-də-m hiççi ni.
 искать-PROG-1SG ничего COP.NEG.3SG
 ‘Нашел бы я работу пораньше, было бы хорошо, уже месяц ищу и ничего’.

Имперфект, имеющий оптативную семантику, близкую к ДО, отмечен также в древнегреческом [Smyth 1920: 402]. Связь форм имперфекта с зоной ирреалиса при этом считается достаточно распространенным явлением, в то время как различные ирреальные наклонения действительно часто используются для выражения дезидеративного оптатива, в частности, в европейских языках. Вероятно, что имперфектив в талышском, унаследованный из древнеиранской системы, сначала стал использоваться в различных придаточных условия, относящихся к ирреальной зоне, а затем приобрел и оптативную семантику (а именно семантику ДО). Подробный обзор потенциального семантического сдвига имперфекта и краткое описание особенностей оптативной зоны в талышском и географически близких к нему языках будут сделаны в докладе.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CLF — классификатор; CNJ — конъюнктив; COP — копула; FUT — будущее время; IMP — императив; IMPF — импер-

фект; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; OBJ — косвенный падеж; OPT — оптатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PROG — прогрессив; SG — единственное число; TR — переходность.

Литература

- Добрушина 2009 — Н. Р. Добрушина. Семантическая зона оптатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания 5, 2009. С. 48–75.
- Миллер 1953 — Б. В. Миллер. Талышский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1994.
- Smyth 1920 — H. W. Smyth. A Greek Grammar for Colleges. New York — Cincinnati — Chicago — Boston — Atlanta: American Book Company, 1920.

А. Н. Сидорова
НИУ ВШЭ, Москва

ИМЕННОЕ ЧИСЛО В АМГУЭМСКОМ ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Основная задача нашего исследования — описание выражения категории числа в именах существительных в исследуемом диалекте чукотского языка. Это поставило перед нами следующие вопросы:

- распределение имен существительных по типам склонения;
- условия возникновения ассоциативного прочтения множественного числа;
- число у *mass nouns*;
- согласование глагола по числу с собирательными именами;
- употребление суффикса собирательной множественности *-mk*.

Данные были собраны в с. Амгуэма Иульгинского р-на Чукотского автономного округа.

В чукотском именное число выражается суффиксом *-t* в номинативе основного склонения и суффиксами *-nti* и *-rə* в номинативе и косвенных падежах личного склонения. В косвенных падежах основного склонения противопоставления по числу нет.

По нашим данным, существительные распределены по склонениям согласно такой шкале:

имена людей и клички животных, ласковые названия близких родственников (только личное склонение) → обычные названия родственников, профессии, собаки (личное и основное) → другие животные и неодушевленные предметы, а также природные явления и города (только основное).

Для некоторых существительных из второй группы основное склонение возможно только во множественном числе (например, *ətla-rə-k* (мать-PL-INS), но **ətla-na* (мать-AN.INS)).

Множественное число на именах существительных, изменяющихся только по личному склонению, может иметь ассоциативную интерпретацию, причем это верно и для заимствований, русских имен. Неодушевленные предметы со множественным числом всегда понимаются только аддитивно: *tinʔur-ti* (лук-PL) ОК: 'луки', **'лук и стрелы'*.

В отличие от русского языка, имена, обозначающие жидкости и смеси (*mass nouns*), могут принимать суффиксы множественного числа. В таком случае они будут обозначать множество контейнеров — пакеты молока, коробки с сахаром и т. д. Кроме того, *mass nouns* могут присоединять суффикс собирательной множественности *-mk*, и в этом случае полученная форма будет означать часть от *mass noun*:

- (1) *puwtə-səku qore-təweerʔə-mkə-n*
 банка-IN олень-молоко-COLL-NOM.SG
 'В банке остаток оленьего молока'.

О значении суффикса *-mk* следует сказать подробнее. Вероятно, он развился из инкорпорированной формы кванторного слова *nə-mkə-qin* ('много'). В отличие от нее, суффикс *-mk* может и не иметь значения «большое количество предметов»: примеры сочетаний слов с *-mk* и кванторного наречия *tʔerqin* ('мало') грамматичны:

- (2) *tʔer-qin* *kojŋə-mkə-n* *stole-tkənə-k*
 сколько-ST.3SG чашка-COLL-NOM.SG стол-TOP-LOC
 'На столе мало чашек'.

Значение 'кучка, группа предметов' тоже неспособно описать семантику *-mk* полностью: предметы, обозначаемые словом с *-mk*, могут находиться далеко друг от друга в пространстве. В переводах консультантов встречался вариант 'часть целого' — *qora-mkə-n* (олень-COLL-NOM.SG) 'кусок стада'.

Суффикс *-mk* может сочетаться с другими суффиксами, например, с другим, более лексикализированным, суффиксом множественности *jara-mkə-ŋko-t* (дом-COLL-NUMBER-NOM.PL), ‘много домов’ или суффиксом множественного числа номинатива *qora-mkə-t* (олень-COLL-NOM.PL) ‘много кусков оленьего стада’.

Часть информантов последовательно запрещает сочетание количественного числительного и слова на *-mk*, утверждая, что это должно быть неопределенное множество, другие считают такие примеры вполне грамматичными, что может быть свидетельством происходящих в чукотском языке изменений в отношении значения этого суффикса.

Глагол при существительном на *-mkən* может согласовываться как по множественному числу, так и по единственному, на *-mkət* — только по множественному, и это очень похоже на конструкции с сочетанием «числительное + существительное», согласование с которыми происходит по этой же модели.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AN — показатель одушевленности; COLL — показатель собирательной множественности; IN — внутри предмета; INS — инструменталис; LOC — локатив; NOM — номинатив; NUMBER — один из показателей множественности, ‘множество предметов, большое количество предметов’; PL — показатель множественного числа; SG — показатель единственного числа; ST — стативный показатель; TOP — верхняя часть предмета.

М. А. Сидорова, Ю. В. Сеницына

МГУ — ИЯз РАН, Москва

**КОНСТРУКЦИИ С АППРОКСИМАТИВНЫМ
МАРКЕРОМ *närə* И С МАРКЕРОМ СТАНДАРТА
СРАВНЕНИЯ *gan'* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
PP или NP?**

Объектом исследования, выполненного на материале горномарийского языка, является морфосинтаксис маркера стандарта сравнения в эквативных и симилятивных конструкциях (*gan'*) и аппроксимативного маркера в количественных конструкциях (*närə*). Материал собран в 2016–2018 гг. в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (респ. Марий Эл) методом анкетирования¹.

Синтаксис количественных конструкций с аппроксимативными адлогами является предметом дискуссий, поскольку их внутренняя структура может быть такой же, как у предложной / послеложной группы, а внешняя дистрибуция — как у именной группы [Plank 2004: 165]. Так, для германских языков в [Corver, Zwarts 2006] предлагается рассматривать такие группы как PP, а в [Pan-kau 2018] — как Adv + NP. Далее будет показано, что подобная неоднозначность может возникать не только для единиц с аппроксимативным значением.

В марийских грамматиках исследуемые единицы описаны скудно. Так, согласно [Саваткова 2002: 260], *gan'* — это первичный послелог, тогда как о морфосинтаксическом статусе *närə* ничего не сказано. Семантически обе единицы в [Там же: 263] отнесены к сравнительным послелогам. Наши полевые данные позволяют усомниться в правильности такого решения, поскольку *gan'* и *närə* проявляют ряд свойств, отличающих их от послелогов.

В [Бирюк 2005] на материале лугового марийского языка были классифицированы группы единиц, традиционно относимых к послелогам. Только две из них, *gaj* и *nare* (когнаты горно-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

марийских *gan'* и *närä*), попали в группу, обозначенную как «постпозитивные модификаторы», поскольку по ряду свойств они отличаются от типичных послелогов. Однако некоторые тесты [Бирюк 2005] дают разные результаты для горномарийского и лугового марийского. Мы рассматриваем и целый ряд новых по сравнению [Там же] критериев.

Мы основывались на морфосинтаксических критериях, доступных в [Plank 2004: 187], и дополнили их новыми критериями, релевантными для горномарийского языка. Рассмотрим несколько использованных нами критериев, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Свойства «постпозитивных модификаторов»
vs. свойства прототипических NP и PP

Свойство конструкции	<i>närä</i>	<i>gan'</i>	NP	PP
(1) может быть аргументом глагола	OK	OK	OK	*
(2) может быть вложена в PP				
<i>gäc</i> 'из, по'	OK	OK	OK	*
(3) сочинение с NP в прямых падежах	OK	OK	OK	*
(4) может контролировать согласование				
SG	OK	OK	OK	*
PL	OK	OK	OK	*
(5) падеж, приписанный извне, может маркировать... ²				
существительное перед <i>gan'</i> / <i>närä</i>	*	#	—	*
всю группу целиком	OK	OK	OK	*

Группу с *närä* / *gan'* можно вложить в послеложную группу (1a–b), что уже свидетельствует о разном синтаксическом статусе прототипических послелогов и изучаемых нами единиц. Имя,

² Только «старые» локативные падежи могут маркировать послелоги; *gan'* и *närä*, как и NP, присоединяют «новые» падежи, которые и рассматриваются в этом случае.

оформленные данными единицами, может быть аргументом глагола (2a–b), и падеж в таком случае присоединяется к *närə* / *gan'*, а не к самому имени. Тем не менее, в отношении падежного маркирования существует разница между *gan'* и *närə*. Так, в конструкциях с *gan'* (в отличие от конструкций с *närə*) большинство падежных маркеров могут маркировать либо *gan'*, либо предшествующее имя, при этом структуры N+*gan'*-CASE и N-CASE+*gan'* имеют принципиально разную интерпретацию (3).

В докладе мы рассмотрим большее количество параметров и представим возможные варианты анализа в рамках функционального и формального подходов, чего не делалось в [Бирюк 2005] (некоторые из важных теоретических работ упомянуты выше, см. также [Saab, Lipták 2016]). Мы покажем, что в рамках любого из подходов изучаемые единицы отличаются от типичных послелогов, и попробуем объяснить, почему они, будучи похожими на РР, имеют внешнюю дистрибуцию NP.

- (1) a. *kot'i igə-m* [[*gitarə gan'*] *gəc*] *lākt-ən-am*.
кот детеныш-ACC гитара как EL извлекать-PRET-1SG
'Я достал котенка из чего-то, похожего на гитару'.
- b. *nənə koklā* [[*kilometər närə*] *gəc*] *ašked-ən-ət*.
те двадцать километр APPR EL идти-PRET-3PL
'Они прошли примерно по пять километров'.
- (2) a. *mən' lu kn'igä närə-m* / **knigä-m närə*
я десять книга APPR-ACC книга-ACC APPR
lād-ən-am.
читать-PRET-1SG
'Я прочитал примерно десять книг'.
- b. *mən' gitarə gan'-əm* / **gitarə-m gan'* *už-ən-am*.
я гитара как-ACC гитара-ACC как видеть-PRET-1SG
'Я увидел нечто, похожее не гитару'.
- (3) *pet'a maša-lan ärvezäš-lan gan'* *kn'igä-m*
Петя Маша-DAT мальчик-DAT как книга-ACC

podar-en.

дарить-PRET

‘Петя подарил книгу Маше, как (подарил книгу) мальчику’.

b. *pet'a maša-lan ärvezäš gan'-lan kn'igä-m*

Петя Маша-DAT мальчик как-DAT книга-ACC

podar-en.

дарить-PRET

‘Петя подарил книгу Маше, похожей на мальчика’.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; ACC — аккузатив; APPR — приблизительность; DAT — датив; EL — элатив; PL — множественное число; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Бирюк 2005 — О. Л. Бирюк. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2005.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Corver, Zwarts 2006 — N. Corver, J. Zwarts. Prepositional numerals // *Lingua* 116, 6, 2006. P. 811–835.
- Pankau 2018 — A. Pankau. The structure of approximative numerals in German // *Glossa: A Journal of General Linguistics* 3, 1(21), 2018. P. 1–48.
- Plank 2004 — F. Plank. Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative adnumerals in German and wherever // *Studies in Language* 28, 2004. P. 165–201.
- Saab, Lipták 2016 — A. Saab, A. Lipták. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered // *Studia Linguistica* 70, 2016. P. 66–108.

А. А. Смирнова
НИУ ВШЭ, Москва

ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В языках мира посессивные конструкции могут выражать как отношения принадлежности: родство (*John's mother*), часть тела (*John's hand*) и законную принадлежность (*John's car*), — так и другие генетивные отношения: отношения автор-произведение (*John's poem*), ситуация-агенса (*John's singing*), временные отношения (*yesterday's fish*). Для выражения этих значений могут использоваться вершинное и/или зависимостное маркирование, соположение или специальные адлоги [Koptjevskaja-Tamm 2002].

В данной работе мы рассмотрели стратегии маркирования посессивных конструкций в казымском диалекте хантыйского языка и изучили факторы, влияющие на их употребление. Наше исследование основано на данных, собранных в экспедициях в с. Казым Белоярского р-на Ханты-Мансийского автономного округа в июле 2018 г.

В тегинском говоре хантыйского языка возможность опущения посессивного показателя зависит от отношения, выражаемого посессивной конструкцией [Привознов 2010]. Кроме того, из [Pleshak 2016] мы знаем, что на выбор стратегии посессивного маркирования может влиять также иерархия одушевленности. Мы исследовали генетивные отношения, перечисленные в [Привознов 2010], и проверили связь выбора стратегии маркирования с одушевленностью на материале казымского диалекта. Доступны две стратегии: вершинное маркирование и соположение.

С местоименным посессором обязательно вершинное маркирование:

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 16-06-00536 А.

- (1) *myj n̄awrɛm-λ-aw* / **n̄awrɛm-ət wɛra numɕəŋ-ət*
 мы ребенок-PL-POSS.1PL ребенок-PL очень умный-PL
 ‘Наши дети очень умные’.
- (2) *lyw wɛnʂ-əλ* / **wɛnʂ wɛrta ji-s*
 он лицо-POSS.3SG лицо красный стать-PST[3SG]
 ‘Его лицо покраснело’.

Если посессор выражен не местоимением, то возможны обе стратегии. Для ядерных посессивных отношений, таких как родство, часть тела, как правило, используется вершинное маркирование, хотя соположение допустимо:

- (3) *ewij-en jaj-əλ*
 девочка-POSS.2SG старший.брат-POSS.3SG
 / ^{OK}*jaj m̄ən-əs*
 старший.брат уехать-PST[3SG]
 ‘Брат девочки уехал’.
- (4) *marjaj-en joʂ-əλ* / ^{OK}*joʂ iʂkij-ən*
 Маша-POSS.2SG рука-POSS.3SG рука мороз-LOC
pot-s-a
 мерзнуть-PST-PASS[3SG]
 ‘Машин нос замерз’.

Когда контекст неоднозначен, выбор стратегии помогает разрешить эту неоднозначность:

- (5) a. [*waʂaj-en joʂ-əλ*] *käʂi*
 Вася-POSS.2SG рука-POSS.3SG больной
 ‘У Васи болит рука’.
- b. *waʂaj-en* [*joʂ käʂi*]
 Вася-POSS.2SG рука больной
 ‘У Васи болезнь руки’.

Для непосессивных генетивных отношений: отношения времени, количества, группа-состав, атрибутивных отношений — допустимо только соположение:

- (6) *jɨŋk an / *an-əλ päsən-ən oməs-əλ*
 вода чашка чашка-POSS.3SG стол-LOC сидеть-NPST[3SG]
 ‘На столе стоит чашка воды’.
- (7) *towi lipt-ət / *lipt-λ-aλ met χuraməŋ-ət*
 весна цветок-PL цветок-PL-POSS.3SG очень красивый-PL
 ‘Весенние цветы самые красивые’.

Для промежуточных случаев, например, отчуждаемой принадлежности, обе стратегии равноупотребимы:

- (8) *mašaj-en kukla / kuklaj-əλ päsən ilpijən*
 Маша-POSS.2SG кукла кукла-POSS.3SG стол под
räkn-əs
 упасть-PST[3SG]
 ‘Машина кукла упала под стол’.

Как показывают примеры выше, в казымском диалекте хантыйского языка собственно посессивные отношения отличаются стратегией маркирования от других генетивных отношений. Они образуют шкалу с двумя полюсами: ядерными посессивными отношениями и атрибутивными отношениями. Первые выражаются с помощью вершинного маркирования, а вторые — с помощью соположения. Маркирование же других случаев зависит от близости к тому или иному полюсу.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассивный залог; PL — множественное число; POSS — посес-
 сор; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Привознов 2010 — Д. К. Привознов. Посессивные именные группы в тегинском говоре хантыйского языка. Экспедиционный отчет. М., 2010.
- Коптјевскаја-Тамм 2002 — М. Коптјевскаја-Тамм. Adnominal possession in the European languages: Form and function // Sprachtypologie und Universalienforschung 55, 2002. P. 141–172.

Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari, and Permic // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016. University of Naples Federico II, Naples. Book of abstracts. Naples, 2016. P. 877–879.

И. С. Соколова

НИУ ВШЭ, Москва

АССОЦИАТИВЫ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В исследовании рассматриваются ассоциативные формы в казымском диалекте хантыйского языка (уральские > финно-угорские > угорские): их виды и факторы, определяющие предпочтительность одних по сравнению с другими в речи носителей языка. Данные для исследования были собраны в ходе экспедиции в с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа в июле 2018 г.

Ассоциативные формы имеют значение ‘X и связанные с ним’ и состоят из именной группы (чаще имени собственного или термина родства) и какого-либо показателя — специального маркера ассоциативности или обычного показателя аддитивной множественности (второй способ наиболее часто встречается в ках мира — [Даниэль 2000]). Существуют и более редкие способы образования ассоциатива: среди них конструкция с ИГ в единственном числе, контролирующей глагол во множественном² числе [Там же; Daniel, Moravcsik 2013] — далее NP-SG + VP-PL. В такой конструкции именно глагол во множественном числе лицензирует ассоциативную интерпретацию имени в единственном числе. Посессивный показатель на именной группе может взаимодействовать с показателем множественного числа при образовании ассоциатива [Görgülü 2011].

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Сбор материала финансировался по программе «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ.

² Здесь и далее говорится о множественном числе в широком смысле, включая двойственное число.

В хантыйском языке ассоциативные формы засвидетельствованы не во всех диалектах. В [Николаева 1995] приводится пример с ассоциативом, образованным с помощью суффикса аддитивной множественности, в обдорском диалекте. В тегинском говоре, согласно материалам экспедиций 2010–2012 гг., ассоциативов нет, как и в западных диалектах [Сидорова 2018]. Описание казымского диалекта в [Каксин 2010] не содержит информации об ассоциативах.

При анализе собранных в экспедиции данных в казымском диалекте хантыйского языка обнаружено несколько ассоциативных форм, однако не все они в равной степени признаются допустимыми носителями. Наибольшим количеством носителей признается типологически редкая конструкция NP-SG + VP-PL:

- (1) *Vaśa-en woš-a kasλ-λ-əŋən*
 Вася-POSS.2SG город-DAT переезжать-NPST-3DU
 ‘Вася вдвоем переезжают в город’.

Ассоциативная интерпретация форм с показателем аддитивной множественности считается возможной меньшим количеством носителей, причем на допустимость формы влияют наличие / отсутствие посессивного показателя, а также лицо посессора.

- (2) *Vaśa-ŋal-am woš-a kasλ-λ-əŋən*
 Вася-DU-POSS.1SG город-DAT переезжать-NPST-3DU
 ‘Мой Вася вдвоем переезжают в город’.

- (3) *Vaśa-ŋən woš-a kasλ-λ-əŋən*
 Вася-DU город-DAT переезжать-NPST-3DU
 ‘Вася вдвоем переезжают в город’.

- (4) *Vaśa-ŋal woš-a kasλ-λ-əŋən*
 Вася-DU[POSS.3SG] город-DAT переезжать-NPST-3DU
 ‘Его / ее Вася вдвоем переезжают в город’.

Многие носители допускают ассоциатив с посессивным показателем 1 или 2 лица (2), меньше допускают ассоциативную интерпретацию формы множественного числа без посессивного показателя (3), и еще меньше носителей считают возможной ас-

социативную интерпретацию формы с посессивным показателем 3 лица (4). Можно заметить, что ассоциативы выстраиваются в иерархию, где форма не бывает признана носителем возможной, если этот носитель не признает возможными все формы ва от нее:

(5) NP-SG + VP-PL > NP-PL-POSS.1,2 > NP-PL > NP-PL-POSS.3

Таким образом, наиболее предпочтительной и почти универсально признанной ассоциативной конструкцией в казымском диалекте хантыйского языка является весьма редкая в языках мира конструкция, где ассоциативная интерпретация рождается благодаря множественному числу глагола, тогда как типологически более распространенные формы признаются не всеми носителями и зависят от дополнительных факторов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; DU — двойственное число; LOC — локатив; NPST — непростое время; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; SG — единственное число.

Литература

- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ, М., 2000.
- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Николаева 1995 — И. А. Николаева. Обдорский диалект хантыйского языка [Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 15]. М. — Гамбург: Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Сидорова 2018 — М. А. Сидорова. Аппроксимативные количественные конструкции в финно-угорских языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2018.
- Daniel, Moravcsik 2013 — M. Daniel, E. Moravcsik. The associative plural // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (<http://wals.info/chapter/36>)
- Görgülü 2011 — E. Görgülü. Plural marking in Turkish: Additive or associative? // Working Papers of the Linguistics Circle 21, 1, 2011. P. 70–80.

А. В. Соловьева

МГУ, Москва

КВАНТОРНАЯ ЕДИНИЦА *ISA* В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В большом количестве работ, посвященных разным аспектам квантификации, таких как [Jelinek 1995; Partee 1995; Татевосов 2002] и др., упоминаются синтаксическая и семантическая оппозиции кванторных слов. Первая включает в себя различие в типах составляющих, которые допускают кванторные слова (D-квантификация в именных группах, A-квантификация в клаузах). Вторая же различает квантификацию индивидов и квантификацию событий.

Как и следовало ожидать, наиболее распространены в естественных языках случаи, когда именные группы вводят индивидов, а клаузы — события. Однако в некоторых языках, встречаются также кванторные наречия, в сфере действия которых могут находиться, как предикат, так и его аргументы. В [Lewis 1975] они названы *неизбирательными*. Не зафиксированным остается один случай, когда кванторное слово внутри именной группы квантифицирует множество событий.

Задача настоящей работы, основанной на полевых данных, собранных в июне 2018 г. в ходе экспедиции МГУ в с. Казым Белоярского р-на Ханты-Мансийского автономного округа, рассмотреть единицу *isa*, способную осуществлять квантификацию, как над индивидами, так и над событиями, в зависимости от поверхностной позиции.

Согласно словарю [Соловар 2014], *isa* может иметь несколько значений: *всегда*, *совсем*, *все* и *всё*. Если верить этим данным, можно предположить два варианта ее анализа. Первый за-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

ключается в том, что рассматриваемая единица соответствует теории Д. Льюиса о неизбирательных кванторных наречиях. Тогда *isa*, осуществляя квантификацию над случаями, относится к индивидам и обозначает *все* или *всё*, тогда и только тогда, когда в предложении, говоря математическим языком, имеются несвязанные переменные, соответствующие некоторым индивидам, иначе же эта единица квантифицирует множество событий, имея значение *совсем* или *всегда*. Второй возможный анализ: *isa* является не только кванторным наречием, но также и приименным кванторным словом, входящим в состав именной группы, и в зависимости от занимаемой позиции оно может иметь разные значения.

В пользу второго анализа говорит наличие случаев, когда в одном и том же контексте *isa*, находясь в разных позициях в предложении, осуществляет квантификацию то над событиями, то над индивидами:

(1) а. *mulχatəλ isa aj ik-ət*
 вчера все маленький мужчина-PL
i χot-ən äktəs'-s-ət
 один дом-IN собираться-PST-3PL
 ‘Вчера **все мальчики** собрались в одном доме’.

б. *mulχatəλ aj ik-ət*
 вчера маленький мужчина-PL
isa i χot-ən äktəs'-s-ət
 все один дом-IN собираться-PST-3PL
 ‘Вчера мальчики **опять собрались** в одном доме’.

Находясь в приименной позиции (1a) *isa* кодирует квантификацию над индивидами. В примере (1b) рассматриваемая единица осуществляет квантификацию над множеством событий и имеет значение, не указанное ранее в словаре: *опять*.

Несмотря на привлекательность анализа, при котором кванторное слово входит в состав разных составляющих в зависимости от того, квантифицирует ли оно множество событий или индивидов, стоит признать его несостоятельность.

Наша работа ставит перед собой цель показать, что *isa* в отличие от других имеющихся в хантыйском языке приименных

кванторов, во-первых, не может занимать с ними одну и ту же структурную позицию в именной группе, а во-вторых, в отличие от них не входит в сферу действия глагольного отрицания, ср. (2)–(4):

- (2) *χιλ mis-ət in änt ιλ-ət*
 все корова-PL сейчас NEG спать.NPST-PL
 ‘**Не все** коровы сейчас спят’. (NEG < ∇)
- (3) *каšəŋ mis in änt ιλ*
 каждый корова сейчас NEG спать.NPST[3SG]
 ‘**Не каждая** корова сейчас спит’. (NEG < ∇)
- (4) *isa mis-ət in änt ιλ-ət*
 все корова-PL сейчас NEG спать.NPST-PL
 ‘**Все** коровы сейчас **не** спят’. (∇ < NEG)

Таким образом, мы предполагаем, что в любых случаях рассматриваемая единица является обстоятельственной, однако, в зависимости от структурной позиции в поверхностной репрезентации предложения, может осуществлять квантификацию над разными типами множеств.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; IN — инессив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2014.
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Jelinek 1995 — E. Jelinek. Quantification in Straits Salish // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). Quantification in Natural Languages [Studies in Linguistics and Philosophy 54]. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 487–540.

- Lewis 1975 — D. Lewis. Adverbs of quantification // E. L. Keenan (ed.). Formal Semantics of Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 178–188.
- Partee 1995 — B. Partee. Quantificational structures and compositionality // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). Quantification in Natural Languages [Studies in Linguistics and Philosophy 54]. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 541–601.

А. М. Старченко
НИУ ВШЭ, Москва

АНАЛИТИЧЕСКАЯ НОМИНАЛИЗАЦИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящем докладе будут описаны морфологические и синтаксические свойства хантыйской номинализации.

Ее особенность заключается в том, что она образуется аналитически. Структура номинализации такова: слово *wer* ‘дело’, показатели которого выражают именные категории номинализации, и глагол в форме причастия, на котором выражаются глагольные категории. Такие конструкции типологически не уникальны, хотя и редки. Так, в ненецком есть схожая конструкция со словом *s'er* ‘вещь, дело’ и подчиненным глаголом с показателем генитива [Nikolaeva 2017: 157].

Свойства аналитических номинализаций изучены мало: внимание исследователей сосредоточено на морфологически образованных отглагольных именах. Интересно, однако, насколько отличаются свойства номинализации, в которой прямо выражены имя и глагол, от свойств обычной номинализации, где носителем именных и глагольных свойств является одно слово.

Цель этого исследования — описать именные и глагольные свойства хантыйской аналитической номинализации и вписать их в типологическую перспективу.

Именная часть хантыйской аналитической номинализации изменяется по числу (1a–b), падежу (2) и посессивности (1a–b), т. е. имеет всю парадигму имени.

- (1) а. *λw* *χoŋksa* *taλ-ti* *wer-λ* *ma*
он сигарета тянуть-PTCP.NPST дело-POSS.3SG я
wø-λ-εm
знать-NPST-1SG.SG
‘Я знаю о том, что он курит’.

b. *лшw хoηkca тaλ-ti wεr-λ-aλ тa*
 он сигарета тянуть-PTCP.NPST дело-PL-POSS.3SG я
wθ-λ-εт
 знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю о том, что он (регулярно) курит’.

(2) *хoηkca тaλ-ti wεr-εn-εп*
 сигарета тянуть-PTCP.NPST дело-POSS.2SG-LOC
si хθλλ'-ελ-εп
 тот кашлять-NPST-2SG

‘Ты кашляешь из-за того, что ты куришь’.

Конструкция может модифицироваться прилагательным (3).

(3) *лшw хoηkca тaλ-ti aη wεr-λ*
 он сигарета тянуть-PTCP.NPST небольшой дело-POSS.3SG
mānεт āп тuрас
 я.DAT NEG неудобство

‘То, что он немного курит, мне не мешает’.

Синтаксическое дистрибуция у конструкции именная: она подчиняется глаголу или послелогу.

Глагольная часть номинализации имеет все глагольные свойства, которые есть у причастий: она таксисно выражает время (1a’), может подчинять актанты и модифицироваться наречиями (4).

(1a’) *лшw хoηkca тaλ-εт wεr-λ тa*
 он сигарета тянуть-PTCP.PST дело-POSS.3SG я
wθ-λ-εт
 знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю о том, что он курил’.

(4) *лшw тuλхaтaλ хoт лoсaт-εт wεr-λa-λ*
 он вчера дом разбирать-PTCP.PST дело-PL-POSS.3SG
тa wθ-λ-εт
 я знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю о том, что он вчера разбирал дом’.

Как можно видеть, конструкция имеет полный набор именных свойств и большой набор глагольных, близкий к полному для нефинитных форм типа номинализаций (о наборе возможных признаков см. главу 1 в [Сердобольская 2005]). Синтетическая номинализация может обладать одним из этих наборов целиком, однако нам не известно о том, чтобы у нее могли быть оба набора полностью. Обычно развитый набор глагольных признаков «блокирует» именные и наоборот. Так, у хантыйской синтетической номинализации ограничены глагольные свойства. Известный пример такого «блокирования» — деление английских номинализаций на *event* и *result* [Grimshaw 1990]. Первые при слабо развитых именных свойствах имеют широкий набор глагольных, вторые — наоборот. В аналитической же номинализации мы можем наблюдать именные и глагольные свойства одновременно, например, изменение по числу и одновременно наречный модификатор (5a–b).

- (5) *ewi-en* *isa* *ńawrem* *łəmtət-ti*
 девушка-POSS.2SG часто ребенок одевать-PTCP.NPST
wer-λ-ał *ma* *wə-λ-em*
 дело-PL-POSS.3SG я знать-NPST-1SG.SG
 ‘Я знаю о том, что эта девушка часто одевает ребенка’.

Мы видим причину такого большого набора признаков в том, что план выражения аналитической номинализации содержит отдельно и глагольную, и именную часть в виде отдельных словоформ.

Кроме сравнения свойств аналитической номинализации с обычными, в докладе планируется представить некоторые доказательства того, что конструкция проходит грамматикализацию: найдено несколько отличий аналитической номинализации от аналогичного композиционного сочетания *wer* с причастным оборотом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непростое время; PL — множественное число; POSS —

посессивность; PST — прошедшее время; PTCР — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Сердобольская 2005 — Н. В. Сердобольская. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2005.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Nikolaeva 2017 — I. Nikolaeva. The general noun-modifying clause construction in Tundra Nenets and its possible origin // Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells (eds.). *Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia: Rethinking Theoretical and Geographical Boundaries*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 147–178.

Д. Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

К ОБОБЩЕНИЮ СЕМАНТИКИ РУССКОГО НИ... НИ

В современном русском языке *ни* употребляется как словообразовательный префикс (*ни-кто*), как компонент кванторных групп со значением несуществования (*ни (одного) звука*) и как парный союз *ни... ни* (1). В отличие от первых двух типов, ограниченных отрицательными контекстами (не считая эллиптических употреблений), последний не допускает отрицания при сочинении финитных ГГ (2), но только если *ни* линейно примыкает к глаголу (3) [Tiskin 2017]; при сочинении клауз *не* присутствует (4).

- (1) *Ни Вася, ни Петя *(не) пришел.*
- (2) *Уж «эти» *(не) ни продаются, ни покупаются — так о нас говорили.*
- (3) а. ... операция в Первомайском ни **успехом** не стала, ни была отыграна как таковая.
б. *Ни пообщались, ни адреса не объявили, ничего.*
- (4) *Ни Вася *(не) пришел, ни Петя *(не) написал.*

Мы предлагаем частично унифицированное описание семантики *ни... ни*, учитывающее как отрицательность (2)–(3), так и отсутствие двойного отрицания при наличии *не*. Более ранние описания, в т. ч. наше, не учитывают всего спектра употреблений. Так, [Rapepno 2014] трактует *ни... ни* как оператор, формирующий множество альтернатив ($ALT = \{Вася не пришел, Петя не пришел\}$ для (1)), замыкаемое затем нулевым оператором выше в структуре ($\forall p \in ALT: p \equiv T$). Это не объясняет случаев типа (2)–(3) и требует отдельного объяснения обязательности отрицания в (1) и (4).

Одной из предпосылок анализа является неэксплетивность *не* в присутствии *ни... ни*, устанавливаемая из (3), где *не* имеет **только** узкую сферу действия (СД) относительно *и*.

- (5) *Никто не пришел и не позвонил.* ($\& > \neg$, $*\neg > \&$, т. е. \neq ‘никто не сделал оба дела сразу’)

Ввиду случаев типа (4) в [Paregno 2014] утверждается, что СД *ни... ни* как минимум иногда шире, чем у отрицания; этим *ни... ни* отличается от *апу*, который имеет узкую СД [Chierchia 2013]. Префикс *ни-* описан как РР1 в [Abels 2002].

Другая предпосылка — то, что сочиняемые *ни... ни* составляющие обязательно несут фокус, причем в (4) фокус ограничен ИГ *Вася* и *Петя*.

Мы трактуем *ни... ни* как оператор, ассоциированный с фокусом [Roos 1992]. В (1)–(2) размер фокуса совпадает с размером конъюнктов, в (4) фокус более узкий.

Естественное отличие ГГ от ИГ-подлежащего — т. н. «монотонность» [van Benthem 2007]: в *А есть В* можно без потери истинности заменить *А* на гипоним (монотонность вниз), а *В* на гипероним (вверх; ср. аномальность (6), где последнее неверно в силу свойств *никто*).

- (6) [?]*Никто ни пришел, ни позвонил.*

Это различие вместе со спецификой гипо- / гиперонимии (\sqsubseteq) для разных типов составляющих и объясняет дистрибуцию *не*. *Ни* во всех позициях (включая те, где это и без того так) делает контекст монотонным вниз; $\llbracket A \rrbracket^F$ — фокусное значение *А* (множество альтернатив):

- (7) $\llbracket \text{ни } A_{(\sigma,t)}, \text{ ни } B_{(\sigma,t)} \rrbracket = \lambda\gamma_{\sigma}. (\llbracket A \rrbracket(\gamma) \leftrightarrow \forall \alpha \sqsubseteq \llbracket A \rrbracket, \alpha(\gamma) \in \llbracket A \rrbracket^F(\gamma) : \alpha(\gamma))$
 $\& (\llbracket B \rrbracket(\gamma) \leftrightarrow \forall \beta \sqsubseteq \llbracket B \rrbracket, \beta(\gamma) \in \llbracket B \rrbracket^F(\gamma) : \beta(\gamma))$

В (2) получается значение ‘«Эти» продаются, е. т. е. для них верно и все, что является гипонимом *продаваться*’ (аналогично для *покупаются*). Поскольку $\emptyset \sqsubseteq \llbracket \text{продаваться} \rrbracket$, если «эти» продаются, то они должны входить и в пустое множество, что невозможно; отсюда значение ‘«Эти» **не** продаются’.

В случае (2) семантика в (7) является частью ассерции; в (1) и (4) мы считаем ее «**постсуппозицией**» — неассертивным компонентом значения, при ложности которого предложение аномально (ср. постсуппозиции *и... и* в [Brasoveanu, Szabolcsi 2013]). Упоминание фокуса в (7) важно для (4), где благодаря этому \forall перебирает только такие альтернативы *Вася не пришел*, которые имеют форму «*x* не пришел». Ассерция в (1) и (4) — ‘Вася и Петя не пришли’.

Постсуппозиция исключает варианты (1), (4) без *не*: они требовали бы, чтобы каждый существующий индивид пришел, поскольку, в частности, *все P \sqsubseteq P (Вася)*.

Наше описание может быть использовано для интерпретации исторических изменений в дистрибуции *ни... ни*. Так, в ранних текстах НКРЯ *не* при вставке типа (3) менее обязательно: вероятно, тогда даже при вставке был возможен широкий фокус (на всем конъюнкте), а теперь обязателен узкий (на вставке). «Ассертивный» тип (2) также становится более редок.

Литература

- Abels 2002 — K. Abels. Expletive (?) negation // FASL 10, 2002. P. 1–20.
- van Benthem 2007 — J. van Benthem. A Brief History of Natural Logic. 2007. (<http://www.illc.uva.nl/Research/Publications/Reports/PP-2008-05.text.pdf>)
- Brasoveanu, Szabolcsi 2013 — A. Brasoveanu, A. Szabolcsi. Presuppositional *too*, postsuppositional *too* // M. Aloni, M. Franke, F. Roelofsen (eds.). The Dynamic, Inquisitive, and Visionary Life of ϕ , $?\phi$, and $\diamond\phi$: A Festschrift for Jeroen Groenendijk, Martin Stokhof, and Frank Veltman. Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation (ILLC), 2013. P. 55–64.
- Chierchia 2006 — G. Chierchia. Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Paperno 2014 — D. Paperno. An alternative semantics for negative conjunction in Russian // M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). Proceedings of FASL 23 (Formal Approaches to Slavic Linguistics). Ann Arbor, MI : Michigan Slavic Publications, 2014. P. 418–435.
- Rooth 1993 — M. Rooth. A theory of focus interpretation // Natural Language Semantics 1, 1, 1992. P. 75–116.

Tiskin 2017 — D. Tiskin. Expletive-free, concord-free semantics for Russian *ni*-words // A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen (eds). Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium. 2017. P. 484–491.

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

РУССКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ПЕРФЕКТА И ЧАСТИЦА *УЖЕ*

1. Настоящий теоретический этюд посвящен способам выражения в русском языке семантики, эквивалентной т. н. «инклюзивному» перфекту.

Инклюзивное, или «универсальное», употребление перфектных форм типа англ. *I have lived here for three years* описывает ситуацию в прошлом, длящуюся вплоть до момента речи (точнее, точки отсчета) и включающую его.

На русский язык такие употребления могут быть переведены двумя основными способами: а) при помощи формы настоящего времени глагола несовершенного вида (НСВ) и б) при помощи формы прошедшего времени от глагола совершенного вида (СВ) «пердуративного» способа действия:

(1) а. *Я живу здесь уже три года.*

б. *Я прожил здесь уже три года.*

(2) а. *I've been out here for hours, I couldn't remember the new password to get in to bed.*

Я уже не знаю сколько здесь сижу, я забыл новый пароль и не смог попасть в спальню.¹

б. *I wish I could have continued quite alone as I have been for the last year or so...*

Хотелось бы мне всегда жить одной, как прожила я уже больше года...²

¹ [J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)] / [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)].

² [T. Hardy. Far from the Madding Crowd (1874)] / [Т. Гарди. Вдали от обезумевшей толпы (М. Богословская, Н. Высоцкая, 1970)].

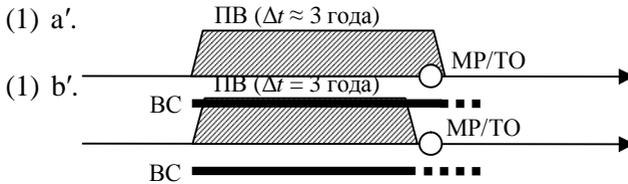
Различаются ли эти два способа оформления с точки зрения семантики? Какую роль в них играет частица *уже*?

2. В докладе аргументируется анализ, предполагающий отсутствие полной синонимии между первым и вторым способами оформления:

В примерах типа (1а) предикат асsertирует существование ситуации в течение указанного времени до момента речи включительно, тогда как в примерах типа (1б) предикат асsertирует только существование ситуации в течение указанного времени непосредственно до момента речи, не захватывая сам момент речи.

Иными словами, в первом случае мы имеем предиктируемое время («окно наблюдения») определенной длины, в основном погруженное в прошлое, но пересекающееся на своей правой границе с моментом речи, а во втором случае — предиктируемое время определенной длины, полностью погруженное в прошлое (хотя и расположенное непосредственно перед моментом речи).

Ср. схематическое представление:

В поддержку такого анализа можно привести в том числе следующие факты (не считая чисто формального — в одном случае мы имеем форму настоящего времени, а в другом — прошедшего):

а) разное поведение с точки зрения возможности продолжить высказывание дополнительной характеристикой прошедшего отрезка времени:

(3) а. *Я сижу здесь уже два часа.* ??*Это было очень тяжело*
/ ?*Мне было очень скучно.*

(3) в. *Я просидел здесь уже два часа.* ^{ОК}*Это было* очень тяжело
/^{ОК}*Мне было* очень скучно.

б) разница в степени приемлемости использования с обстоятельством *к настоящему моменту*:

(4) а. [?]*К настоящему моменту я работаю здесь уже десять лет.*

б. ^{ОК}*К настоящему моменту я проработал здесь уже десять лет.*

в) разница в степени приемлемости использования с обстоятельствами с «незамкнутым временным интервалом» типа *с трех часов* или *давно*₂ (они предполагают включение момента речи в предцизируемое время):

(5) а. *Я сижу здесь с трех часов.*

б. ^{???}*Я просидел здесь с трех часов.*

(6) а. *Я давно (уже) живу здесь.*

б. **Я давно (уже) прожил здесь.*

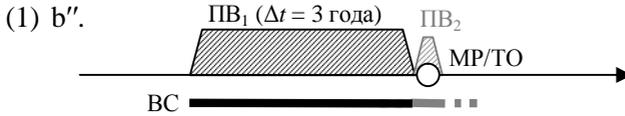
3. И так, в ассерции высказываний типа *Я прожил здесь уже три года* нет указания на существование ситуации в момент речи (в точке отсчета). Но такое указание, по всей видимости, содержится в их пресуппозиции (в пользу этого говорит неотъемлемость этого компонента при отрицании) — и связано с присутствием частицы *уже*.

Семантический вклад частицы *уже* будет подробно рассмотрен во второй части доклада. Его можно установить путем сравнения с близкими, но невременными употреблением *уже* — типа *Иван доехал уже до Твери*. Указание на существование ситуации в точке отсчета появляется за счет наличия в семантике частицы *уже* (в ее «трехактантной» разновидности) указания на **шкалу** ожидаемых событий, с которой сверяется реальная ситуация.

4. В итоге делается вывод, что в примерах типа *Я прожил здесь уже три года* необходимо постулировать два предцизируемых времени: ПВ₁ в ассерции, захватывающее только указанную

часть времени ситуации в прошлом, а также $ПВ_2$ в пресуппозиции, захватывающее только фрагмент, пересекающийся с моментом речи.

Ср. обновленную вторую схему:

Источники

НКРЯ — основной подкорпус. (ruscorpora.ru/search-main.html)

НКРЯ — параллельный подкорпус. (ruscorpora.ru/search-para.html)

InterCorp — субтитры к фильмам, художественная проза, политические комментарии — версия 2016 г., доступ через интерфейс “Kontext” (kontext.korpus.cz). [A. Klégr, M. Kubánek, M. Malá, N. Rajnochová, L. Rohrauer, N. Runšuková, P. Šaldová, M. Vavřín. InterCorp corpus — English and Russian, version 9 of 9 September 2016. Prague: Institute of the Czech National Corpus, 2016].

И. А. Хомченкова

МГУ — ИРЯ РАН, Москва

КАРИТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ *-DE* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В горномарийском языке² одним из способов выражения семантики отрицания является аффикс *-de*, который может присоединяться как к существительным (1), так и к глаголам (2), образуя соответственно каритивные формы и отрицательные деепричастия³.

(1) *maša pet'a-de tol-ân*

М. П.-CAR приходить-PRET

‘Маша пришла без Пети’.

(2) *mân' lem-âm kač-de mad-aš ke-n-âm*

я суп-ACC есть-CAR играть-INF идти-PRET-1SG

‘Я пошла гулять, не съев суп’.

Составляющие с показателем *-de* являются адъюнктами к глагольной группе. Единицы в атрибутивной позиции оформляются другим показателем (*-dâmə*), см. (3). Такое распределение двух показателей по синтаксическим функциям типично для уральских языков, см. [Наматі 2011].

(3) *šur-dâmə pičə šärgə mäs kâdal-eš*

рог-NEG.ATTR олень лес по бежать-NPST.3SG

‘Безрогий олень бежит по лесу’.

На данный момент существует мало описаний функций каритивных показателей — как конкретноязыковых, так и типоло-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 а.

² Данные собраны в 2018 г. в с. Кузнецово Горномарийского р-на респ. Марий Эл и в окрестных деревнях методом анкетирования информантов.

³ На базе последней формы образуются также отрицательные формы претерита, см. [Галкин 1964: 134–135; Alhoniemi 1993: 106].

гических (наиболее подробные сведения собраны в [Stolz et al. 2007]). Материал различных уральских языков описан в [Kiparsky 2005; Namari 2011]. Некоторые сведения об уральских каритивных маркерах доступны и в [Miestamo et al. (eds.) 2015], но в чительно меньшем объеме, чем информация о центральных отрицательных маркерах. Для горномарийского языка употребление каритивных маркеров детально не анализировалось.

В докладе мы опишем морфосинтаксические свойства показателя *-de*, а также более подробно остановимся на следующих вопросах: в какой степени каритив является отрицательным соответствием комитатива / инструменталиса? Какие ограничения каритив накладывает на второго участника ситуации?

Для сравнения мы рассмотрим комитативно-инструментальный послелог *dono* (о горномарийском комитативе см. [Хомченкова, в печати]). Рассмотрим комитативно-инструментальные контексты по [Stolz et al. 2006]:

Таблица 1. Комитативно-инструментальные контексты по [Stolz et al. 2006] и их отрицательные корреляты: данные горномарийского языка

Тип	Пример (комитативный)	<i>dono</i>	<i>-de</i>
CO-OPERATIVE	пить кофе вместе с	ОК	ОК
RECIPROCAL	ссориться с	ОК	*
HUMAN COMPANION	гулять с ребенком	ОК	ОК
ANIMATE COMPANION	гулять с собакой	ОК	ОК
CONFECTIVE	уйти с зонтиком	ОК	ОК
ORNATIVE	прийти со сломанной рукой	ОК	*
COMBINATION	кофе с молоком	ОК	ОК
PART-WHOLE/ PERMANENT PROPERTY	голубоглазая блондинка	*	*
POSSESSION	человек с топором пугает	ОК	*
HUMAN INSTRUMENT	передать письмо с	ОК	ОК
BODY PART INSTRUMENT	писать левой рукой	ОК	*
MEANS OF TRANSPORTATION	ездить на велосипеде	ОК	ОК
MATERIAL	строить дом из кирпичей	ОК	ОК
TOOL	рубить дерево топором	ОК	ОК

В контекстах PART-WHOLE / PERMANENT PROPERTY и POSSESSION показатель *-de* не употребляется по синтаксическим причинам, когда соответствующие ИГ занимают атрибутивную позицию, но может использоваться в контексте PART-WHOLE, если является адьюнктом к глаголу:

- (9) *maša paj-dâmâ / *paj-de kagâl'-âm kačk-ân*
 М. мясо-NEG.ATTR мясо-CAR пирог-ACC есть-PRET
 ‘Маша съела пирог, не содержащий мяса’.
- (10) *maša kagâl'-âm paj-dâmâ / paj-de kačk-ân*
 М. пирог-ACC мясо-NEG.ATTR мясо-CAR есть-PRET
 ‘Маша съела пирог без мяса (тесто съела, мясо есть не стала)’.

Из Таблицы 1 также видно, что показатель *-de* не во всех случаях семантически соответствует *dono* в отрицательных конструкциях. Например, *-de* нельзя употребить в реципрокальной конструкции:

- (11) *maša kat'a dono / *kat'a-de söredäl-eš*
 М. К. с К.-CAR ссориться-NPST.3SG
 ‘Маша ссорится с Катей / не с Катей’.

В контексте ORNATIVE (9) и BODY PART INSTRUMENT показатель *-de* тоже недопустим.

- (12) *ivan kär-šä kid dono / *kid-de tol-ân*
 И. рвать-PTCP.ACT рука с рука-CAR прийти-PRET
 ‘Иван пришел (в школу) со сломанной рукой / не со сломанной рукой’.

Мы предполагаем, что запрет на употребление *-de* в данных контекстах объясняется тем, что в них невозможно удалить участника из ситуации, т. е. второй участник ситуации должен быть отчуждаемым. В докладе мы обсудим эти и некоторые другие свойства каритивного показателя *-de*, что дополнит имеющиеся данные по уральским языкам и по типологии каритивов.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NPST — не прошедшее время; PRET — претерит; РТСР.АСТ — активное причастие; SG — единственное число.

Литература

- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Йошкар Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
- Хомченкова, в печати — И. А. Хомченкова. Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке // Проблемы языка: взгляд молодых ученых. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯЗ РАН (в печати).
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
- Hamari 2011 — A. Hamari. The abessive in the Permic languages // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 93, 2011. P. 37–84.
- Kiparsky 2005 — P. Kiparsky. Grammaticalization as optimization // A. Garrett, D. Jonas (eds.). DIGS VIII Proceedings. Oxford: Oxford University Press 2005. (<https://web.stanford.edu/~kiparsky/Papers/yalegrammaticalization.pdf>)
- Miestamo et al. (eds.) 2015 — M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages [Typological Studies in Language (TSL) 108]. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe [Empirical Approaches to Language Typology]. Berlin: Walter de Gruyter, 2006.
- Stolz et al. 2007 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. WITH(OUT): On the markedness relation between comitatives / instrumentals and abessives // WORD: Journal of the International Linguistic Associatio 58, 2, 2007. P. 63–122.

М. О. Черемисинова

НИУ ВШЭ, Москва

АТРИБУТИВИЗАТОРЫ -ӘН И -ӘР В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Настоящий доклад посвящен синтаксису именной группы с атрибутивизаторами *-ән* и *-әр* в казымском диалекте хантыйского языка. Казымский диалект принадлежит к северной группе диалектов хантыйского языка. Данные для этой работы были собраны в с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа в 2018 г.

В хантыйском языке есть несколько продуктивных атрибутивизаторов с проприетивной семантикой [Nikolaeva 1999], набор и морфосинтаксические свойства которых варьируются по диалектам.

В казымском диалекте хантыйского языка имеется два продуктивных атрибутивизатора с проприетивной семантикой: *-ән*, *-әр*. В [Каксин 2007] утверждается, что показатель *-ән* присоединяется к именным основам, в то время как *-әр* — к «словосочетаниям». Однако атрибутивизатор *-ән*, так же как и атрибутивизатор *-әр*, может присоединяться к группам большего размера, чем имя существительное (1), а атрибутивизатор *-әр* не может присоединяться к существительным без модификатора. Данная проблема не затрагивалась в [Ладыгина 2011] и [Плешак 2015].

- (1) [χiw əpt]-ән / [χiw əpt]-әр
длинный волосы-ATTR длинный волосы-ATTR
ewie luŋ-əs χot lipi
девушка войти-PST[3SG] дом в
'Длинноволосая девушка вошла в дом'.

В качестве зависимого группы с атрибутивизатором *-ән* или *-әр* могут быть несколько прилагательных (которые могут быть модифицированы наречием) (2), существительные (3), а также числительные (4).

- (2) [wera aj wurti jernas]-əŋ
 очень маленький красный платье-АТТР
 / [wera aj wurti jernas]-əp
 очень маленький красный платье-АТТР
 ewi náx-λ
 девочка смеяться-NPST[3SG]
 ‘Девочка в очень маленьком красном платье смеется’.
- (3) [χø háwɾem putinkaj]-əŋ
 мужчина ребенок ботинок-АТТР
 / [χø háwɾem putinkaj]-əp ewi
 мужчина ребенок ботинок-АТТР девочка
 χəχəl-λ juxi
 бежать-NPST[3SG] домой
 ‘Девочка в мальчишеских ботинках бежит домой’.
- (4) [χələm lajəm]-əŋ / [χələm lajəm]-əp iki
 три топор-АТТР три топор-АТТР мужчина
 wənt-ən wəl-λ
 лес-LOC жить-NPST[3SG]
 ‘Мужик с тремя топорами живет в лесу’.

Однако ИГ с атрибутивизатором в качестве зависимого не может иметь указательные, неопределенные и притяжательные местоимения. В (5) неопределенное местоимение относится к вершине ИГ, а не к имени под атрибутивизатором *-əŋ*, в то время как атрибутивизатор *-əp* не возможен.

- (5) #mulsər juntut-əŋ / *mulsər juntut-əp
 какой.то игрушка-АТТР какой.то игрушка-АТТР
 aj iki kim et-əs
 маленький мужчина наружу выйти-PST[3SG]
 #‘Мальчик с какими-то игрушками вышел из дома’.
 ‘Какой-то мальчик с игрушками вышел из дома’.

Имя, к которому присоединяется атрибутивизатор, не может быть маркировано никаким образом: ни падежом, ни посесивом, ни числом. По-видимому, оно должно быть нереферент-

ным. Кроме того, к имени с атрибутивизатором *-əŋ* или *-əp* нельзя построить анафорическую отсылку при помощи местоимения.

Согласно нашим данным разницы в объеме ИГ, которую могут оформлять атрибутивизаторы *-əŋ* и *-əp* нет. Тем не менее, (5) показывает, что атрибутивизаторы *-əŋ* и *-əp* не являются взаимозаменяемыми. Основное различие атрибутивизаторов *-əŋ* и *-əp* заключается в том, что какой-либо признак имени, оформленного атрибутивизатором *-əp*, должен быть выражен (6)–(7), в то время как для атрибутивизатора *-əŋ* наличие признака не важно.

- (6) *puw-əŋ* / **puw-əp* *an* *omäs-λ*
 ручка-ATTR ручка-ATTR чашка стоять-NPST[3SG]
päsən *əxti-n*
 стол на-LOC
 ‘Чашка с ручкой стоит на столе’.

- (7) *wurti* *puw-əp* / *puw-əŋ* *an*
 красный ручка-ATTR ручка-ATTR чашка
omäs-λ *päsən* *əxti-n*
 стоять-NPST[3SG] стол на-LOC
 ‘Чашка с красной ручкой стоит на столе’.

Таким образом, различие между атрибутивизаторами *-əŋ* и *-əp* заключается не в том, что атрибутивизатор *-əp* умеет оформлять группу большего размера, чем имя существительное, а *-əŋ* — нет. Атрибутивизатор *-əŋ* умеет присоединять нереферентные ИГ с зависимыми, в то время как атрибутивизатор *-əp* их требует.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Каксин 2007 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.

Ладыгина 2011 — А. Ладыгина. Атрибутивизаторы. Экспедиционный отчет, 2011.

Плешак 2015 — П. С. Плешак. Дистрибуция атрибутивных показателей *-əʎ*, *-əp*, *-pi* в хантыйском языке. Хендаут, 2015.

Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCUM Europa, 1999.

С. С. Шарыгина

СПбГУ, Санкт-Петербург

**К ВОПРОСУ О ФУТУРАЛЬНО-ПРОСПЕКТИВНОЙ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ
В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ:
модификация обстоятельствами времени**

Целью представляемого в докладе исследования является выявление закономерностей (не)сочетаемости футурума и проспектива с различными временными обстоятельствами, а также описание синтаксических особенностей их употребления в одной клаузе.

Исследование проводилось на материале данных, полученных методом устного анкетирования в ходе полевой работы в Гатчинском, Всеволожском, Ломоносовском и Волосовском р-нах Ленинградской обл. в июле–январе 2017 г.

Языковой материал, относящийся к граммеме проспектива, рассматривался с точки зрения предлагаемого в [Козлов 2016] противопоставления «сильного проспектива» и «слабого проспектива», где «сильный проспектив» характеризуется полной неспособностью сочетаться с временными обстоятельствами, отсылающими к плану будущего, а «слабый проспектив», напротив, свободно сочетается с ними [Федотов 2016: 14; Fleishman 1982: 89–90].

На основании собранного материала были сделаны следующие наблюдения:

- I. Показатели футурума свободно сочетаются с любыми обстоятельствами, реферирующими к плану будущего, причем обстоятельство может обладать как топикальной, так и рематической позицией. Информантами этот фактор оценивался как не влияющий на смысловое содержание высказывания, а лексически идентичные предложения с разными позициями обстоятельства — как полностью эквивалентные друг другу.

- (1) *yl' päivä-n kiv(i) putovaa*
через день-GEN камень падать.3SG
'Через день камень упадет'.
- (2) *tähän tekköö-t suure-n talo-n kohta*
это.ILL делать-3PL большой-GEN дом-GEN скоро
'Здесь скоро построят большой дом'.

II. Показатели перспектива делятся по обсуждаемому признаку на две группы. Так, конструкции *lähtii* 'идти, отправляться' + 3INF+ILL и *tahtoo* 'хотеть' + 3INF+ILL демонстрируют относительно свободную сочетаемость с обстоятельствами плана будущего. Однако предложенные стимулы такого рода часто переводились информантами с помощью изначального лексического значения глаголов *lähtii / tahtoo*, а не собственно перспективного, приобретенного ими в процессе грамматикализации:

- (3) *mie lähe-n osta-maa auto-n*
я отправляться-1SG покупать-3INF.ILL машина-GEN
'Я собираюсь купить машину'.
- (4) *huomen mie lähe-n osta-maa*
завтра я отправляться-1SG покупать-3INF.ILL
auto-n
машина-GEN
'Завтра я собираюсь купить машину / **пойду** покупать машину'.

III. Конструкции *olla* + 5INF-PL-ADESS и *olla* + *käyvä* 'ходить', 'идти' 3 INF-INESS + 3INF.ILL демонстрируют затрудненную сочетаемость с обстоятельствами плана будущего:

- (5) *kohta laps on itke-mäis-i-llä*
скоро ребенок быть.3SG плакать-5INF-PL-ADESS
?'Ребенок вот-вот, очень скоро заплачет' (не запрещалось полностью, но и не одобрялось информантами).
- (6) *laps on käy-mä-ssä*
ребенок быть.3SG идти-3INF-INESS

itke-mään huomen

плакать-3INF.ILL завтра

*‘Ребенок близок к тому, чтобы заплакать завтра’.

Таким образом, можно, очевидно, говорить о реализации противопоставления «сильного проспектива» и «слабого проспектива» на материале ингерманландского финского.

IV. Единственным обстоятельством с фиксированной позицией в предложении является, по всей видимости, *jo* ‘уже’, способное сочетаться только со следующими двумя способами выражения значения футурально-проспективной семантической зоны *olla* + 5INF-PL-ADESS и *olla* + *käyvä*.3INF-INESS + 3 INF.ILL:

(7) *mie ole-n jo käy-mä-ssä*
я быть-1SG уже идти-3INF-INESS

osta-maa auto-n
покупать-3INF.ILL автомобиль-GEN

‘Я уже вот-вот куплю машину’.

(8) *kiv(i) on jo puttoo-mais-i-lla*
камень быть.3SG уже падать-5INF-PL-ADESS
‘Камень уже вот-вот упадет’.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ADESS — адессив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INESS — инессив; INF — инфинитив; 3INF — третий инфинитив; 5INF — пятый инфинитив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Козлов 2016 — А. А. Козлов. Проспектив: некоторые наблюдения. Презентация доклада, прочитанного на Рабочем совещании по семантике футурально-проспективной зоны (Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2016 г., ИЛИ РАН).
- Федотов 2016 — М. Л. Федотов. Выражение значений футурально-проспективной зоны в языке гбан, а также некоторые теоретические спекуляции на тему. Доклад на Рабочем совещании по семантике

футурально-перспективной зоны (Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2016 г., ИЛИ РАН).

Fleischman 1982 — S. Fleischman. *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

B. Brosig

Academia Sinica, Institute of Linguistics, Taipei

**SPEAKING ONE’S SURPRISE:
Stance-conveying sentence-final uses
of the quotative index verb *ge-* in Khalkha Mongolian**

In Khalkha Mongolian, the verb *ge-* functions as the sole “quotative index” [Güldemann 2008], either on its own as a quotative / hearsay marker as in (1) or as a complementizer in combination with other verbs of speech and cognition as in (2) (see esp. [Narmandax 2004; Hashimoto 2004]). Apart from these uses, *ge-* also plays a major role in purpose constructions [Song 2002; Hashimoto 2004] and topicalization (derived from its naming function) and forms the basis for a number of conjunctions such as *gexdee* < *ge-x-d=ee* QI-FUT.PTCP-DAT=RPOSS ‘but’ (cf. [Matić, Pakendorf 2013]).

- (1) *eegii naim-(a)ŋ sar-d ire-n ge-sii=šd*
NAME eight-AT month-DAT come-POT QI-EST.PST=DP
‘Hasaa said s/he will come in August’.
- (2) *yag zaa ge-ž xel-ee=güi*
precisely yes QI-CVB say-RES.PTCP=NEG
‘I haven’t precisely said “yes”’.

The quotative/hearsay function, in turn, has developed a number of uses that are not strictly, or not at all, related to reporting discourse. For instance, the imploring imperative form *ge-eč* can still express a literal request to utter a certain utterance as in (3), but it is more commonly found in exhortations to revise one’s misguided understanding of some issue as in (4) and in unfulfillable requests to answer information questions on issues known to the speaker, understood as exhortations to expect something unusual and noteworthy, as in (5). In the final stage, *ge-eč* can even express the speaker’s own surprise when taking a declarative clause into its scope as in (6).

- (3) *taa xür-eed ir-Ø ge-eč*
 2SG.HON reach-CVB come-IMP QI-IMP(IMPLORING)
 ‘Tell her: Come here!’
- (4) *tAvin neg xür-(e)n ge-eč*
 fifty one reach-POT QI-IMP(IMPLORING)
xür-ee=güü=šd
 reach-RES.PTCL=NEG=DP
 [A: ‘Dorj is 51.’]
 B: ‘Say he is reaching 51! He hasn’t turned [51] yet’.
- (5) *man-uus yamar evgüü öröö-(n)d*
 1PL-PL what unpleasant room-DAT
suu-žii-saj ge-eč
 sit-PROG-EST.PST QI-IMP(IMPLORING)
 ‘Imagine what an unpleasant room we were sitting in! [We were sitting in a frightful room.]’
- (6) *ene xog-iij šuudai bod-son-oos=min’*
 this garbage-GEN sack think-PRF.PTCP-ABL=1POSS
ilüü zal'-tai yum ge-eč
 more trick-COM ASS QI-IMP(IMPLORING)
 ‘[That was close! Luckily, I didn’t kneel down.] This bag of garbage is more cunning than I thought!’

Similar constructions are found with the forms *ge-n=ee* ‘she is saying / would say’ with disapproving reference to the addressee’s outrageous behavior and *ge-ž=üü* ‘is she [really] saying (as I infer)’ in challenges to the addressee’s interpretative authority. On the basis of 18 hours of synchronic materials of spoken Khalkha Mongolian combined with native speaker intuition (on average 5 informants per example), I will try to provide an analysis in terms of speaker- or addressee-centred newsworthiness, unexpectedness and surprise [Hengeveld, Olbertz 2012] which is partially related to time of acquisition [Sun 2018], but distinct from evidentiality proper [Brosig, Skribnik 2018]. On the basis of a network of different synchronically attested uses, I will also try to work out the probable order of intersubjectification (cf. [Traugott 2010]).

Abbreviations

1, 2 — 1, 2 person; ABL — ablative; ASS — assertive; AT — attributive; COM — comitative; CVB — converb; DAT — dative; DP — discourse particle; EST — established; GEN — genitive; HON — honorific; IMP — imperative; NEG — negation; PL — plural; POSS — possessive; POT — potential; PRF — perfect; PROG — progressive; PST — past; PTCP — participle; QI — quotative index; RES — resultative; SG — singular.

References

- Brosig, Skribnik 2018 — B. Brosig, E. Skribnik. Evidentiality in Mongolic // A. Aikhenvald (ed.). *Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 554–579.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Hashimoto 2004 — K. Hashimoto. Metarepresentational motivations — the grammaticalization of the verb of saying *ge-* in Mongolian // *Tsukuba English Studies* 22, 2004. P. 35–49.
- Hengeveld, Olbertz 2012 — K. Hengeveld, H. Olbertz. Didn't you know? Mirativity does exist! // *Linguistic Typology* 16, 2012. P. 487–503.
- Matić, Pakendorf 2013 — D. Matić, B. Pakendorf. Non-canonical SAY in Siberia // *Studies in Language* 37, 2, 2013. P. 356–412.
- Narmandax 2004 — T.-O. Narmandax. *Mongol xelnii xöndlönghiin oruulbar ögüülberteи niimel ögüülber* [Complex sentences containing an inserted external clause]. PhD Thesis. MUBIS, Ulaanbaatar, 2004.
- Song 2002 — J.-m. Song. Grammaticalization of the verb *ge-* 'to say' in Khalkha Mongolian // *Ōsaka keizai hōka daigaku sōgō kagaku kenkyūsho nenpō* 3, 2002. P. 29–38.
- Sun 2018 — J. Sun. Evidentiality and person // A. Aikhenvald (ed.). *Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 47–64.
- Traugott 2010 — E. Traugott. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment // H. Cuyckens, K. Davidse, L. Vandelotte (eds.). *Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 29–71.

Yang Huang

Southwest Jiaotong University, Chengdu

INTERROGATIVE STRUCTURES IN nDRAPA

nDrapa (Qiangic, Tibeto-Burman; ISO 639-3: zhb) is an endangered language spoken by approximately 11,230 Tibetan people in Daofu and Yajiang county in western Sichuan province of China. The nDrapa people are the indigenous residence living along the Yalong River, who are thought to be connected with the culture of ‘East Female Country’ (approx. 6th–7th century AD) in ancient times. According to the UNESCO statistics, this language is severely in danger since the 1950s.

This paper is concerned with the syntactical and semantic properties of question constructions in the nDrapa language. Like many languages in China, nDrapa uses various question types (i.e., content questions, polar questions, yes-no questions, exclaimed questions, surprise questions, and echo questions) to constitute the interrogative categories.

Syntactically, content questions stands in a *wh-in-situ* position [Cheng 1991] to seek information with regard to the distinct scopes of a sentence. Content questions and polar questions are marked with sentence-final question particles which must agree with aspectuality and person. *Yes-no* questions show a behavior of ‘doubling’ question particles, whose model results from a contact with the adjacent Sinitic languages. Moreover, exclaimed questions use a question mark with rising tones after a point of fact; surprise questions are associated with intonation and modal markers; and echo questions are formed on a basis of particular question particles as well as modality markers to seek answers from the addressee. We will now see the question types in turn:

– Standard polar question

- (1) *ndza55pi33 shue55-ze55 va55ko55ne33mi53 kaʔ55-tʂɿ55*
 nDrapa people-PL smelly.meat DIR-eat
la33ga55-ndu55 me33?
 like-MOD Q:PFV
 ‘Did the nDrapa people like eating smelly meat?’
- (2) *le33me55 ne33ne55 to55to55-chu55-tʂə55 me33?*
 monk everyday pray-AUX-DUR Q:INPFV
 ‘Does the monk need to pray (for the soul) every day?’

– Standard content question

- (3) *to33za55 tsu55ku55 sha55-tha55 ʔə55-ntehi33-ʂti55 a33?*
 DIST just.now INTROG-LOC DIR-blame-PFT.VIS Q
 ‘Who did he blame just now?’
- (4) *a33me33 sha55-teu55 ke33mə55 ka55-tʂu33-ʂti33 a33?*
 mother INTROG-BEN clothes DIR-sew-PFT.VIS Q
 ‘Who did mother sew the clothes for?’

– Yes-no question

- (5) *ŋa55 nu55 ga55=mbə33rə33 shue55 tei33=ze55*
 1SG 2SG love=DEM.ATTR man COP=EMPH
me33 ma33-ji55 za33?
 Q NEG-COP Q
 ‘Am I the man you loved or not?’

a. *tei33=ze55*

COP=EMPH

‘Yes, (you) are!’

b. *ma33-ji55=ze33*

NEG-COP=EMPH

‘No, (you) are not!’

– Exclaimed question

- (6) *pui55pa33 shue55-ze53 dzye24 tʂɿ24-ndu24=tʂe33?*
 Tibetan people-PL fish eat-AUX=DUR:EMPH
 ‘The Tibetan people (like) eating fish?’

– Surprise question

- (7) *ŋe53 ji55ze55-ŋi33 kə55εhə33-a33 mbo33?*
 1PL last.year-ABL know-AFFIRM Q.SUR
 ‘We knew (each other) last year? (So surprised!)’

a. *tei33=zε53, εhə24*
 COP=EMPH know
 ‘(Sure) we already knew (each other)’.

b. *ma33-ji55, ma55-εhə33*
 NEG-COP NEG-know
 ‘No, we did not know (each other)’.

– Echo question

- (8) *ji33nə55 ?te55gtse33ndu33 vʒi24 aʔ55-ti55 ve33?*
 yesterday place.name snow DIR.PFV-have.PFV Q.ECH
 ‘Did Kangding really snowed yesterday? (I am not quite sure)’

a. *aʔ55-ti53*
 DIR-have
 ‘Snowed’

b. *a55-məʔ33-ti53*
 DIR-NEG-have
 ‘Not snowed’

In an even broader view, when we look at the patterns of surprise question and echo question, it is noticed that only two default particles (*mbo*³³ and *ve*³³) are used in these two types. Unlike the polar question or content question particles, both *mbo*³³ and *ve*³³ are not in agreement with aspectuality and person. There are free pragmatic particles to enforce the subjective mood / consideration of the addresser. To conclude my discussion, a tentative summary for the related functions of the question particles is given in Table 1 on the next page.

There are a fair number of grammatical properties that can distinguish between nDrapa and the adjacent Qiangic languages [Huang, forthcoming]. An interesting case in point is that the syntactic and semantic characteristics of question particles in nDrapa show a typical

language-specific trait that is rare in most Qiangic languages and Sinitic languages [Chisholm et al. (eds.) 1984]. I conjecture that this specific patter of properties may be a retainment of the Proto-Tibeto-Burman languages.

Table 1

Question particles	Interrogatives		Aspectuality			Person		
	<i>Polar</i>	<i>Content</i>	<i>Perfective</i>	<i>Durative</i>	<i>Prospective</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
= <i>tʂa</i> ³³		+		+	+	+	+	+
= <i>a</i> ³³		+	+	+	+	+	+	+
= <i>zɑ</i> ³³		+	+					+
= <i>gia</i> ³³		+	+				+	
= <i>me</i> ³³	+		+			+	+	+
= <i>mɛ</i> ³³	+			+	+	+	+	+
= <i>mbo</i> ³³	+		+	+	+			

Abbreviations

1, 2 — 1, 2 person; ABL — ablative; AFFIRM — affirmative; ATR — attributive; AUX — auxiliary; BEN — benefactive; COP — copular; DEM — demonstrative; DIR — directional marker; DIST — distal; DUR — durative; ECH — echo; EMPH — emphatic; INPFV — imperfective; INTROG — interrogative; LOC — locative; MOD — modality; NEG — negative; PL — plural; PFT — perfect; PFV — perfective; Q — question; SG — singular; SUR — surprise question; VIS — visual.

References

- Cheng 1991 — L. Cheng. On the Typology of Wh-questions. PhD Thesis. MIT, Cambridge, MA, 1991.
- Chisholm et al. (eds.) 1984 — W. Chisholm, L. T. Milic, J. A. C. Greppin (eds.). Interrogativity [Typological Studies in Language 4]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984.
- Huang, forthcoming — Y. Huang. A Short Grammar of nDrapa. London: Routledge, forthcoming.

M. Knyazev

SPBU — NRU HSE, St. Petersburg — MSPU, Moscow

**THE TRANSITIVE ‘NEED’ CONSTRUCTION IN RUSSIAN:
A null BE analysis**

In Russian, the so-called intensional transitive *need* (see [Harves 2008; Harves, Kayne 2012]) corresponds to two distinct constructions: (i) with the agreeing adjectival predicate *nužno* and a nominative theme (**agreeing ‘need’ construction, ANC**), as in (1); and (ii) with *nužno* with default (N.SG) agreement or impersonal nonverbal predicate *nado* and an accusative (sometimes genitive) theme (**transitive ‘need’ construction, TNC**), as in (1b).

- (1) a. *Mne nužna lopata*
me_{DAT} need_{F.SG} spade_{NOM}
‘I need a spade’.
- b. *Mne nužno / nado lopatu.*
me_{DAT} need_{N.SG} need spade_{ACC}
‘I need a spade’.

Although TNC has a strong colloquial flavor and is relatively rare compared to ANC, it has a non-negligible presence in both written (57 / 229 for *nužno / nado*) and spoken (68 / 223) parts of the Russian National Corpus (RNC) (texts written after 1950). The aim of this paper is to characterize the properties of TNC and to provide a theoretically-informed analysis.

Properties of TNC. TNC has the following properties. First, it is restricted to *nado / nužno* and does not appear with a semantically similar predicate *neobxodimo* ‘necessary’, as in (2).

- (2) a. ^{??}*Nam neobxodimo kuklu.*
us_{DAT} necessary_{N.SG} doll_{ACC}
Intended: ‘We need a doll’.

- b. *Nam neobxodima kukla.*
 us_{DAT} necessary_{F.SG} doll_{NOM}
 ‘We need a doll’.

Second, TNC strongly prefers concrete themes, as shown in (3a), cf. ANC in (3b). This cannot be explained by an *independent* dispreference of abstract themes for accusative case (see [Kagan 2013]), as genitive is also blocked, as shown in (4).

- (3) a. **Im nužno / nado pomošč’.*
 them_{DAT} need_{N.SG} need help_{ACC}
 Intended: ‘They need help’.
- b. *Im nužna pomošč’.*
 them_{DAT} need_{F.SG} help_{NOM}
 ‘They need help’.
- (4) **Im nužno / nado pomošči.*
 them_{DAT} need_{N.SG} need help_{GEN}
 Intended: ‘They need help’.

Third, the dative argument of TNC shows an animacy restriction. Although inanimate dative arguments sound slightly unnatural in ANC, as in (5b), they seem to be considerably worse in TNC, as in (5a).

- (5) a. *Im / *karte nužno stol.*
 them_{DAT} map_{DAT} need_{N.SG} table_{ACC}
 ‘They / the map need(s) a table’.
- b. ^(?)*Karte nužen stol.*
 map_{DAT} need_{M.SG} table_{ACC}
 ‘The map needs a table’. (RNC)

Harves’s (and Kayne’s) analysis. Harves [Harveys 2008] discusses ANC in Russian and argues, based on the ambiguity of the temporal modifier in (6), that it should contain an abstract possessive verb, i.e. BE or GET, see (7), assuming HAVE is not present in Russian for independent reasons.

- (6) *Ivanu byli nužny den’gi*
 Ivan_{DAT} were_{3PL} necessary_{·ADJ.PL} money_{NOM.PL}

do sobraniija.
 before meeting
 ‘Ivan needed some money before the meeting’.

(7) NP_{DATi} *nužen* [PRO_i **BE** / **GET** NP_{NOM}]

Given that [Harves 2008] does not discuss TNC, the question is what would be the analysis for TNC, assuming the analysis in (7) for ANC is correct. One option is that TNC contains an abstract predicate GET, which is able to assign accusative / genitive and is presumably associated with the selectional restrictions above, while ANC contains ‘unaccusative’ BE, which is not so restricted, as in (8).

(8) a. NP_{DATi} *nužen* [PRO_i **BE** NP_{NOM}]
 b. NP_{DATi} *nužno / nado* [PRO_i **GET** NP_{ACC}]

The problem with the analysis in (8) is that there is no independent evidence for two separate null possessive verbs in Russian (GET and BE) with two different selectional restrictions and case properties. Moreover, assuming that GET is inchoative variant of HAVE (see [Harley 2002]), the lack of HAVE in Russian, assumed by Harves [Harveys 2008] would entail the lack of GET.

Proposal. Assuming that there is just *one* abstract possessive verb in Russian (BE), I wish to argue that only TNC contains an abstract possessive head, as in (9b), whereas ANC is monoclausal, contra [Harves 2008], as in (9a).

(9) a. NP_{DAT} *nužen* NP_{NOM}
 b. NP_{DATi} *nužno / nado* [PRO_i **BE** NP_{ACC}]

The analysis in (9) accounts for the selectional restrictions in TNC, which follow from the presence of BE, cf. the infelicity of the possessive construction **U karty est’ stol* ‘#The map has a table’ and **U nix est’ pomošč’* ‘#They have help’. Note that the possessive meaning in ANC could arise without null BE, e.g. via a special composition rule, as was proposed by [Fodor, Lepore 1998] for *want*. The analysis could also account for the accusative case in TNC under the configurational case assignment theory in [Baker 2015], as the pre-

sence of the PRO c-commanding the theme in (9b) would create the configuration for dependent (ACC) case marking. Finally, the adverbial ambiguity in (6) is not an argument for biclausality as there is independent evidence for the semantic nature of this phenomenon [Horvath, Siloni 2016]. The paper will present further arguments (restriction on *neobxodimo* ‘necessary’, etc.) and potential problems for the analysis in (9).

Abbreviations

3 — 3 person; ACC — accusative; ADJ — adjective; ANC — agreeing ‘need’ construction; DAT — dative; GEN — genitive; M — masculine; N — neuter; NOM — nominative; PL — plural; SG — singular; TNC — transitive ‘need’ construction.

Sources

RNC — Russian National Corpus. (<http://www.ruscorpora.ru/>)

References

- Baker 2015 — M. Baker. *Case*. Cambridge — New York: Cambridge University Press, 2015.
- Fodor, Lepore 1998 — J. A. Fodor, E. Lepore. The emptiness of the lexicon: Reflections on James Pustejovsky’s the generative lexicon // *Linguistic Inquiry* 29, 1998. P. 269–288.
- Harley 2002 — H. Harley. Possession and the double object construction // P. Pica, J. Rooryck (eds.). *The Linguistic Variation Yearbook*. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 29–68.
- Harves 2008 — S. Harves. Intensional transitives and silent HAVE: Distinguishing between *want* and *need* // N. Abner, J. Bishop (eds.). *Proceedings of the 27th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2008. P. 211–219.
- Harves, Kayne 2012 — S. Harves, R. S. Kayne. Having ‘need’ and needing ‘have’ // *Linguistic Inquiry* 43, 2012. P. 120–132.
- Horvath, Siloni 2016 — J. Horvath, T. Siloni. The thematic phase and the architecture of grammar // T. Reinhart, ed. by M. Everaert, M. Marelj, E. Reuland. *Concepts, Syntax and Their Interface: The Theta System* [Linguistic Inquiry. Monographs 72]. Cambridge: The MIT Press, 2016. P. 129–174.

Kagan 2013 — O. Kagan. *Semantics of Genitive Objects in Russian: A Study of Genitive of Negation and Intentional Genitive Case* [Studies in Natural Language and Linguistic Theory 89]. Dordrecht: Springer, 2013.

I. Netkachev

NRU HSE, Moscow

CONTEXTUAL CONVERB IN KINA RUTUL: Criteria for structural (in)dependence

According to [König 1995: 58] and [Nedjalkov 1995], contextual converb is a converb that may have different interpretations depending on the context. In Rutul (Lezgian < East Caucasian) there is a perfective contextual converb in *-r* that (i) may head a subordinate¹ clause and (ii) can be combined with auxiliaries to form finite verbforms. But *-r* converb (iii) can also head an independent predication without any auxiliary cliticized to it.

- (1) *žamaʔat jaʒmiš w-iši-r=x^wa kasib-ar*
people gather 3-become.PFV-CVB=ADD poor-PL
d-iʔi-j=x^wa
HPL-COP1-PST=ADD
'People gathered; they were poor'.

As the form in *-r* can head both subordinate and independent clauses, it is not clear how to interpret complex sentences where this converb is used, such as the following:

- (2) *q-irq'i-r ɣal-a rasul aa*
BACK-come.PFV-CVB home-IN.EL R. down
luku-r=a-j
1.lie.down.PFV-CVB=be-PST
'Rasul came back home and lay down'.

Is *-r* converb in (2) a subordinate verbform, or does it head an independent predication? To answer this question, clausal relation tests may be applied. I used (primarily) some of the tests discussed in [Bickel 2010], namely (i) tense-iconicity test, (ii) center-embedding

¹ The notion of subordination is not unproblematic, since "subordinate" constructions are not uniform across the languages; see [Bickel 2010].

test (when possible) and (iii) extraction test. They show that in (2) *-r* converb is a subordinate verb form:

i. Tense-iconicity test: non-iconic (→ subordination)

- (3) *rasul aa luku-r=a-j*
 R. down 1.lie.down.PFV-CVB=be-PST
q-irq'i-r *χal-a*
 BACK-come.PFV-CVB home-IN.EL
 i. 'After coming home, Rasul lay down'.
 ii. *'After lying down, Rasul came home'.

ii. Extraction in the form of relative clause test: possible (→ subordination)

- (4) *fatima-ra lut'a h-i?i-r [χal-a*
 F.-ERG wake.up.IMP 1-do.PFV-CVB home-IN.EL
q-irq'i-r aa luku-d] rasul
 BACK-come.PFV-CVB down 1.lie.down.PFV-ATR R.
 'Fatima awoke Rasul, who after coming home had lay down'.

Drawing upon these tests, I have established that the major criterion playing a role in determining the syntactic structure of complex sentences with *-r* converb is as follows:

iii. Semantic relationship between clauses

Event described by *-r* converb construction **must** be the **ground** for the event in the main clause (hence a **figure**) in terms of [Talmy 1975]. In other words, the event described in converb clause must be “conceptualized as a cause, precondition, or reference point” [Cristofaro 2003: 44] for the main clause.

This criterion is to be satisfied in **any** subordinate clause governed by *-r* converb; still, it is not enough. One of the other criteria should be met, too:

iv. Subject coreference

-r converb construction needs to share the subject with the main clause to be interpreted as (uniformly) subordinate clause.

v. Negation used with non-finites

ǰV- is an affix that can only be used with non-finite verbforms in Rutul.

-r converb construction needs to contain this negation marker to be interpreted as (uniformly) subordinate clause.

The criterion (iv) is illustrated by the examples (2)–(4). Let us consider criterion (iii) in more detail. When it is not clear which of the two events is the ground for another event, the converb construction is an independent predication:

- (5) *patimat-a ile-s-di h-i?i-r χiris=xa*
 P.-ERG eat.IPFV-INF-ATR 4-do.PFV-CVB besom=ADD
ji<w>χi-r=a
 <3>sweep.PFV-CVB=be
 ‘Patimat cooked the meal and swept the floor’.

vi. Tense-iconicity test: iconic (→ no subordination)

- (6) *χiris ji<w>χi-r=a patimat-a ile-s-di*
 besom <3>sweep.PFV-CVB=be P.-ERG eat.IPFV-INF-ATR
h-i?i-r
 4-do.PFV-CVB
 i. ‘Patimat swept the floor and {then} cooked the meal’.
 ii. ‘Patimat swept the floor after cooking the meal’.

The event of cooking the meal and the one of mopping the floor are not related in any (expected) way; the former event is not a cause or a reference point for the latter event, unless in a very special context. That is why in (5)–(6) we have an instance of parataxis.

Abbreviations

1, 3, 4 — 1, 3, 4 gender; ADD — additive particle; ATR — attributive; BACK — preverb ‘back’; COP1 — independent allomorph of copula; CVB — specialized converb; EL — elative; ERG — ergative; HPL — human plural; IMP — imperative; IN — localization ‘in’; IPFV — imperfective; PFV — perfective; PL — plural; PST — past.

References

- Bickel 2010 — B. Bickel. Capturing particulars and universals in clause linkage: A multivariate analysis // I. Bril (ed.). *Clause Linking and Clause Hierarchy: The Syntax and Pragmatics Interface*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 51–102.
- Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. *Subordination*. New York: Oxford University Press, 2003.
- König 1995 — E. König. The meaning of converb constructions // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 57–95.
- Nedjalkov 1995 — V. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136.
- Talmy 1975 — L. Talmy. Figure and ground in complex sentences // C. Cogen (ed.). *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 15–17, 1975*. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, 1975. P. 419–430.

D. Popova

NRU HSE, Moscow

UPDATE SEMANTICS FOR KOMI-ZYRIAN PAST TENSE MORPHEMES

Komi-Zyrian¹ has been reported to have two past tense morphemes *-i* (PAST1) and *-ema* (PAST2) [Leinonen 2000; Siegl 2004]. The general agreement is that both morphemes are used to describe events that took place before the utterance time and that the second past tense morpheme has a more restricted distribution than the first past tense morpheme often signalling indirect source of evidence. Here I focus on the resultative contexts where the two morphemes compete with each other. I show that while the second past tense morpheme carries an imposition that the speaker learned about the event indirectly, the first past tense morpheme does not encode any information about the source of evidence. If the speaker chooses to use the first past tense morpheme in a sentence where the use of the second past tense morpheme is also possible, an implicature arises that the speaker learned about the event directly.

The evidential contrast

Sentence (2) illustrates that the second past tense morpheme is used when the speaker has only indirect (note the use of *apparently* {as I infer / as I heard} in the English translation) evidence for the described event.

- (1) *ponm-ys* *pyšj-i-s*
dog-POSS3SG run.away-PAST1-3SG
'The dog ran away'.

¹ Komi-Zyrian is a Uralic Permic language. The data I report here was collected in Muzhi and Kazym villages (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russia) and represents the Muzhi variant of the Izhma dialect of Komi-Zyrian.

- (2) *ponm-ys pyšj-ema*
 dog-POSS3SG run.away-PAST2
 ‘Apparently, the dog ran away’.

In (2), the speaker either infers that the dog ran away, e.g., from the fact that the doghouse is empty, or acquires the information via hearsay. The use of the second past morphology in (2) suggests that the speaker didn’t observe the event directly: didn’t hear or see the dog running away. In contrast, the use of the first past tense morphology (1) usually (but not necessarily) conveys that the speaker witnessed the event directly.

Speaker commitment

While (2) does convey that the speaker has only indirect evidence for the described event, it does not convey that the speaker is uncertain about whether the event happened or not. Both in (1) and in (2) the speaker is committed to the truth of the proposition *The dog ran away*: neither sentence can be followed by, e.g., *but I don’t think / but I doubt that the dog ran away*.

The status of the evidential inference

Unlike the scope proposition *The dog ran away* that contributes new and negotiable information (a *proposal*, an update to the common ground that can be disputed by the listener), evidential inference of the second past tense morpheme contributes discourse new information that is non-negotiable in a sense that it cannot be negated or questioned in the following discourse. I thus propose that the second past tense morpheme encodes indirect source of information as an *imposition* [AnderBois et al. 2013], a direct update of the common ground.

- (3) Semantics for (2) (inspired by Koev’s [Koev 2011] analysis of the Bulgarian data):

a. **Proposal:** *the dog ran away*: $\top x \wedge \text{dog}(x) \wedge \top e \wedge \text{run.away}(e; x) \wedge \tau(e) < \tau_u$

b. **Imposition:** *I learned that the dog ran away at a later time*:
 $\top e_1 \wedge \text{learn}(e_1, \text{sp}_u, \text{p}) \wedge \tau(e_1) \wedge \tau(e) < \tau(e_1)$, where sp_u is the speaker, τ_u is the time of utterance, p is the scope proposition.

In contrast, the first past tense morpheme does not encode the source of evidence: it is compatible with direct, as well as with indirect source of evidence. For example, (1) can be followed by *as I saw myself*, as well as by *as I infer / as I heard*.

Yet, it does typically carry a direct evidence inference. I argue that this inference is a conversational implicature that arises due to the fact that the speaker could have used the second past tense morphology that encodes indirect source of evidence, but chose not to. The update semantics for (1) is therefore just a proposal: *The dog ran away*:
 $\overline{\mathfrak{E}}_x \wedge \text{dog}(x) \wedge \overline{\mathfrak{E}}_e \wedge \text{run.away}(e; x) \wedge \tau(e) < \tau_u$.

Abbreviations

3 — 3 person; PAST1 — past tense; PAST2 — (evidential) past tense; POSS — possessivity; SG — singular.

References

- AnderBois et al. 2013 — S. AnderBois, A. Brasoveanu, R. Henderson. At-issue proposals and appositive impositions in discourse // *Journal of Semantics* 32, 1, 2013. P. 93–138.
- Koev 2011 — T. Koev. Evidentiality and temporal distance learning // N. Ashton, A. Chereches, D. Lutz (eds.). *Proceedings of the 21st Semantics and Linguistic Theory Conference*, held at Rutgers University in New Brunswick, New Jersey, May 20 — May 22, 2011. New Brunswick, NJ: Rutgers University in New Brunswick, 2011. P. 115–134.
- Leinonen 2000 — M. Leinonen. Evidentiality in Komi Zyryan // L. Johanson, B. Utas (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages [Empirical Approaches to Language Typology 24.]*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 419–440.
- Siegl 2004 — F. Siegl. *The Second Past in the Permic languages: Form, Function, and a Comparative Analysis from a Typological Perspective*. MA Thesis. University of Tartu, Tartu, 2004.

Aya Tugutova

MSU, Moscow

GENERALIZED NOUN MODIFYING CLAUSE CONSTRUCTION IN BURYAT¹

Generalized noun modifying clause construction (GNMCC) is a construction where a head noun is modified by a clause with no explicit indication of the constituents, such as particular types of relative clauses and noun complement constructions ('fact-S' type).

The ambiguity between typical relative clauses and GNMCCs in Altaic languages has been studied for Japanese by Matsumono [Matsumono 1997] and for Korean by Lee and Lee [Lee, Lee 2012]. These constructions are also found in Buryat (Mongolic family), which shares some similar properties. This work will examine possible Buryat GNMCCs, in particular gapless relative clauses (1) and fact-S constructions (2):

- (1) [zagahan-ai durs-hən] unər muhai
fish-GEN burn-PFCT smell bad
'The smell of the fish being burnt is bad'.
- (2) [angu:fan-ai an ala-han] barimta-n' leshoz-do
hunter-GEN animal.ACC kill-PFCT fact-3 forestry-DAT
məds-gd-ə:
know-CAUS-PRT1
'The fact that the hunters killed the animal has been recognized by a forestry'.

In this study we will show why these constructions in Buryat cannot be analyzed like proper relative clauses. Thus, we can form a pseudo-cleft (3) from a typical relative clause, while it is not possible with a gapless relative clause (4):

¹ The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 16-06-00536).

- (3) [Sajana-da ug9-h9n] ju:m9n jabloko bai-ba
 Sajana-DAT give-PFCT thing apple be-PRT2
 ‘It is an apple that was given to Oyuna’.
- (4) *[zagahan-ai dur9-h9n] ju:m9n 9n9 un9r bai-ga:
 fish-GEN burn-PFCT thing this smell be-PRT1
 ‘It is a smell that fish is burnt’.

We will also demonstrate that gapless relative clauses and noun complement constructions should not be treated the same, as they do not follow the same patterns. For instance, evaluative adverbs are not allowed in gapless relative clauses (5), while noun-complement constructions (6) do not show this constraint:

- (5) *[Bair-ai 9ll939 builu:l-han] un9r hain
 Bair fortunately cook-PFCT smell good
 ‘The smell of Bair’s fortunately cooking was good’.
- (6) [angu:fan-ai 9ll939 an ala-han] barim-n’
 hunter-GEN fortunately animal.ACC kill-PFCT fact-3
 leshoz-do m9d9-gd-9:
 forestry-DAT know-CAUS-PRT1
 ‘The fact that the hunters fortunately killed the animal has been recognized by a forestry’.

This study will compare GNMCCs found in Buryat with Japanese and Korean data. Also we will present possible analyses to distinguish different types of Buryat GNMCCs between each other from syntactic and semantic approach.

Abbreviations

3 — 3 person; ACC — accusative; CAUS — causative; DAT — dative; GEN — genitive case; PFCT — perfective participle; PRT1 — preterite 1; PRT2 — preterite 2.

References

Lee, Lee 2012 — C. Lee, J.-S. Lee. Gap in “Gapless” Relative Clauses in Korean and Other Asian Languages // Proceedings of the 26th Pacific

Asia Conference on Language, Information, and Computation (PACLIC 26). 7–10 November 2012, Bali, Indonesia. Bali: Faculty of Computer Science, Universitas Indonesia, 2012. P. 640–645.

Matsumono 1997 — Y. Matsumono. *Noun-modifying Constructions in Japanese: A Frame Semantic Approach*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997.

M. Usacheva

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

**EXPRESSION OF EMOTIONALITY IN BESERMAN
UDMURT: babytalk, obscene words, and ideophones¹**

In recent years many works appeared devoted to language units with emotional component. Thus, evaluative morphology is developing fast (see references in [Grandi, Körtvélyessy (eds.) 2015]). Evaluative adjectives have been organized into Evaluative Lexicon which can be used as a tool of measuring valence, extremity, and emotionality [Rocklage, Fazio 2015]. It has been argued in [Magomedova 2018] that babytalk and obscene words have a common emotional component which can be expressed by a common language means — for example, in Slavic languages expressiveness is marked by palatalization (despite the fact that these languages have special suffixes for diminutive and augmentative). So, one can suggest that emotionality is a specific layer of semantics which can be expressed by means of different language levels (as, for example, information structure can) — at least, phonetics, morphology, and lexicon. Our intended talk is devoted to expression of emotionality in Beserman Udmurt. We analyzed the data which we and our colleagues got while studying babytalk and ideophones in a Beserman village Shamardan, Udmurtia, in 2011–2018.

Beserman Udmurt has no productive evaluation morphemes. There are only several words with an element *-ok* which has diminutive or tender meaning (*nâl-ok* girl-DIM ‘a little girl’, *pij-ok* boy-DIM ‘my dear boy / man’). There is a suffix of tender vocative *-i* which can attach only to stems of words denoting parents and to personal names terminating on *-a* (*ani* ‘mummy’, *ati* ‘daddy’, *Mashi* ‘Masha’; forms of personal names terminating on *-i* are also attested in Komi). At the

¹ The work was supported by RFBR grant 16-24-17003 “The integral analysis of NPs in Finno-Ugric languages: support of reference and encoding of information structure”.

phonetic level emotionality is expressed by palatalization in baby talk (*Mama l'ekoz, n'on'on' š'ot'oz* instead of more standard *Anajed lâktoz, nonok š'ot'oz* 'Your mother will come and feed you (lit. will give you teat)'). Palatalization is not characteristic for words denoting genital organs which is not surprising as genital organs are not used as obscene words. Beserman speakers use Russian obscene words instead, and they are often palatalized. The suggestion that babytalk is close to obscene words is also proved by the fact that in Beserman there are words which are normal when used in babytalk and obscene when used in adult-directed speech (*babânâ* 'to sleep').

As Vladimir Ivanov [Ivanov 2017: 88] mentions, babytalk is very close to ideophones and even can be treated as a special group of sound iconic words. Both for Beserman babytalk and ideophones reduplication is characteristic. There are words which can be used both in babytalk and as ideophones (*Mon âž t'akame askâ gurte ke ez na pârâ man'i-man'i karo n'i* 'If my sheep does not come home (on time) tomorrow, I will slaughter it'; *Purten en šâd, kikide man'i-man'i karod!* 'Don't play with a knife, you'll cut your hand!'). Ideophones are very productive in Beserman Udmurt (as in many other Finno-Ugric languages): there are about 350 of them in Beserman-Russian dictionary, and practically all of them have corresponding adverbs and verbs derived from them (though they cannot just take verbal or adverbial morphology as ideophones in Komi do [Rozhanskiy 2015]).

So, in Beserman Udmurt emotionality is expressed primarily on the lexical level by a big class of words specialized in this function (namely, ideophones). It would be interesting to find out whether there is a correlation between richness of evaluative morphology and means of expressing emotionality on the levels of phonology and lexicon.

References

- Grandi, Körtvélyessy (eds.) 2015 — N. Grandi, L. Körtvélyessy (eds.). Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.
- Ivanov 2017 — V. Ivanov. Upotrebleniye izobrazitelnykh slov v znachenii i funkcii intensifikatora (na material yazyka beserman) [Sound iconic words as intensifiers (by the material of Beserman Udmurt)] //

- Yazykovye kontakty narodov Povolzhya X: aktualnyje problemy normativnoj i istoricheskoy fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki. Izhevsk: Izdatelskij centr "Udmurtskij universitet", 2107. P. 81–90.
- Magomedova 2018 — V. Magomedova. What do babytalk and obscene words have in common? Report at Word Formation Theories III. Koshice, Slovakia, 30th June 2018.
- Rocklage, Fazio 2014 — M. D. Rocklage, R. N. Fazio. The Evaluative Lexicon: Adjective use as a means of assessing and distinguishing attitude valence, extremity, and emotionality // *Journal of Experimental Social Psychology* 56(2015), 2014. P. 214–227.
- Rozhanskiy 2015 — F. Rozhanskiy. O nekotorykh osobennostyakh reduplicirovannykh ideofonov v komi yazyke [About several properties of reduplicated ideophones in Komi] // *Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* XI, 2, 2015. P. 496–519.

S. Verhees, G. Moroz

NRU HSE, Moscow

**TIME AND TIME AGAIN:
the evolution of ‘time’-nouns into temporal clause markers
in three Daghestanian languages¹**

Nouns with the meaning ‘time’ are a common source for temporal clause marking [Heine, Kuteva 2002/2004: 298]. One of the possible strategies is with a relative clause headed by a participle (1).

- (1) Andi [Alisultanova (transl.), Magamedova (ed.) 2010]

λer-di w-oqo-b=rihi,

near-LAT M-reach-PST.PTCP=time

hege-š:u-o hago-d:u b-eč’ux^wa qala

DEM-M-<INAN1>AFF see-PF INAN1-big palace

‘**When he came** closer, he saw a big palace’.

In Avar, Botlikh and Andi (three closely related Daghestanian languages), there are two competing strategies: with a borrowed noun *zaman* ‘time’ (originally from Arabic), and with a native word: *mex* (Avar), *rihu* (Botlikh) and *rihi* (Andi). Based on the usage of these constructions in a modest collection of texts (for the unwritten Botlikh and Andi languages) and a fairly substantial corpus (for the literary language Avar)², I will show that the constructions are not synonymous. In Avar, the borrowed noun predominantly occurs in the locative, while the native noun is more frequently used in the ergative. The

¹ This research was conducted as part of the project “The Andi morphosyntax in a typological perspective” supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No. 18-012-00852a.

² The Andi data consist of ~13.000 words (172 examples); the Botlikh data comprise ~8000 words (176 examples). For Avar, I counted the overall frequency of the strategies in a corpus containing around 2.000.000 tokens, after which I analyzed random samples of 100 occurrences for each strategy (400 in total).

opposite situation, where *zaman* is in the ergative and *mex* in the locative, is also possible, but significantly less frequent. The native noun is preferred for temporal subordinate clauses, while *zaman* more often occurs in regular temporal adverbials (e.g. ‘one time’). In Andi and Botlikh, *zaman* (as a synonym of the native time words) has the same case marking as other nouns used in temporal adverbial clauses (absolute in Andi, ergative in Botlikh). Here as well, the native word is preferred for temporal subordinate clauses.

Based on our data and comparison with Turkic languages, the *zamanalda* strategy in Avar seems likely to be borrowed. The *zaman* + locative strategy is typical of the Kipchak Turkic languages Kumyk and Nogai, with which Avar has been in contact. (In Turkish, *zaman* as the head of a temporal subordinate clause is in the absolute case.) There is no evidence that the construction in general (i.e. a participial relative clause dependent on a time noun) is borrowed from Turkic. In my talk, I will show the division of labour among the different strategies for each language in more detail.

Abbreviations

AFF — affective; DEM — demonstrative; INAN1 — inanimate 1; LAT — lative; M — masculine; PF — perfect; PST — past; PTCP — participle.

References

- Alisultanova (transl.), Magomedova (ed.) 2010 — M. A. Alisultanova, (transl.), P. A. Magomedova (ed.). *Dunjalla baɣunnirs:i ɣalgiltɔl ɔʷanab mits':illas:ol muɣal* [World fairy tales in Andi]. Makhachkala: Nural iršad, 2010.
- Heine, Kuteva 2004/2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Reprinted ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004 (1st ed. 2002).

M. Yaroslavtseva
NRU HSE, Moscow

TYPOLOGY OF PARTITIVE CONSTRUCTIONS

The term ‘partitive construction’ (PC) is used to refer to constructions which are shaped by a structure $Q+of+NP$, such that the Q is the subset, NP is the superset, and *of* is an element which brings partitive semantics. e.g.: *one of the two cats*. As opposed to quantitatives like *two cats* and pseudopartitives like *a group of cats* denoting amounts, partitives stand for partition, namely, they denote a subset of a larger set.

A literature review on the typology of partitives shows that most hypotheses on the syntax and semantics of partitives, as well as the findings on the element which encode partitive meaning, are based on data from European languages [Hoeksema 1984, 1996; Cardinaletti, Giusti 1992; de Hoop 1997, 1998; Martí-Girbau 2002, 2010]. Apart from these studies, there are papers on partitive constructions in Austronesian languages [Lander 2001], Japanese [Sauerland, Yatsushiro 2017], Turkic [von Heusinger, Kornfilt 2017]. These researches on PCs indicate that there are three generalizations about partitive patterns, namely they may be formed with the help of (i) an ablative marker, (ii) a locative marker and (iii) a reversed constituent order. Although PCs are comparably well-studied, they have not been addressed in a typological perspective yet. The present paper proposes to fill this gap.

As a first step of the typological investigation, a working definition of partitive construction was adopted and criteria for identifying PC in a given language was outlined. As it was mentioned above, partitives are constructions of type $Q+of+NP$. The study is limited to partitives with explicit quantifiers and it does not take into account constructions with implicit partitive reading but without quantifier (for instance, constructions like (1) with contrastive markers are excluded although they have a clear partitive reading).

MOSCONA [Gravelle 2010: 506]

- (1) *eri-es* *i-erg-em*
 they.PL-male 3PL-NUM:1-CST
 ‘one of the men’

Regarding the collection of the data, the research is based on descriptive grammars, papers on partitive constructions and sources on quantifiers. About 70 partitive constructions were gathered from the original data sources for further examination. As a result, we have data on PCs from the following language families: Afro-Asiatic, Araucanian, Arawakan, Austronesian, Central Solomons languages, Dravidian, Indo-European, Japonic, Khoe, Mayan, Niger-Congo, Northeast Caucasian, Oto-Manguean, Pama-Nyungan, Quechuan, Sepik, Sino-Tibetan, Trans-New Guinea, Turkic, Uralic, Uto-Aztecian, West Papuan. Results from this sample may be presumably extrapolated to a larger set because languages within one family show more or less similar marking pattern (e.g. all Turkic languages in our sample have PCs of the frame NP_{ABL}Q)

The analysis of the dataset gives the outcome with a more extended typology of partitive than it was known before. There are languages which employ **case-like patterns**: Ablative (including Ablative per se, Possessive and Genitive) and Locative, consider (2) and (3), and **non-case-like patterns**: Definiteness and Reversed Constituent Order, witness (4) and (5).

KUMZARI [Wal Anonby 2015: 54]

- (2) ‘*yak-ē* *pi* *zuttī-an* *dgō* *ba* *zan* *xō*
 one-ART from rogue-PL say:3SG.IPFV to wife REFL
 ‘One of the rogues said to his wife...’

TS’IXA [Fehn aus Naila 2014: 91]

- (3) *lóbé=n* *tsé* *ɔ̀à* *kũũ-a-tà*.
 three=PL.C 1PL.C LOC go-J-PST
 ‘Three of us were going’.

YUCATEC MAYA [Butler 2011: 41]

- (4) *ka’a-túul* *le* *x-ch’úupal-o’ob*
 two-CL.AN DEF F-girl-PL
 ‘two of the girls’

- (5) RUSSIAN SIGN LANGUAGE [Kimmelman 2017: 825]
----- er
GIRL IX PLURALITY HALF BEAUTIFUL
'Half of the girls are beautiful'.

This typology may contribute to the basic theory of PCs, namely, to the requirements on the definiteness of the embedded NPs, and to the discussion of the presence of an empty category in the constituent structure of PCs.

Abbreviations

1, 3 — 1, 3 person; AN — animate; ART — article; C — common gender; CL — classifier; CST — contrastive; DEF — definite; er — eyebrow raise; F — feminine gender; IPFV — imperfective; J — juncture; LOC — locative case; NUM:1 — numeral class 1; PL — plural; PST — past tense; REFL — reflexive; SG — singular.

References

- Butler 2011 — L. Butler. The Morphosyntax and Processing of Number Marking in Yucatec Maya. PhD Thesis. University of Arizona, 2011.
- Cardinaletti, Giusti 1992 — A. Cardinaletti, G. Giusti. Partitive *ne* and the QP-hypothesis. A Case study // E. Fava (ed.). Proceedings of the XVII Meeting of Generative Grammar: Volume Presented to Giuseppe Francescato on the Occasion of His Seventieth Birthday. Trieste, February 22–24, 1991. Torino: Rosenberg & Sellier, 1992. P. 121–141.
- de Hoop 1997 — H. de Hoop. A semantic reanalysis of the partitive constraint // *Lingua* 103, 2–3, 1997. P. 151–174.
- de Hoop 1998 — H. de Hoop. Partitivity // *Glott International* 3, 2, 1998. P. 3–10.
- Fehn aus Naila 2014 — A.-M. Fehn aus Naila. A Grammar of Ts'ixa (Kalahari Khoe). PhD Thesis. Universität zu Köln, Vila do Conde, 2014.
- Gravelle 2010 — G. J. Gravelle. A Grammar of Moskona: An East Bird's Head Language of West Papua, Indonesia. Vrije Universiteit, Amsterdam, 2010.
- Hoeksema 1984 — J. Hoeksema. Partitives. Unpublished manuscript. Groningen: University of Groningen, 1984.

- Hoeksema 1996 — J. Hoeksema. Introduction // J. Hoeksema (ed.). *Partitives: Studies on the Syntax and Semantics of Partitive and Related Constructions*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 1–24.
- Kimmelman 2017 — V. Kimmelman. Quantifiers in Russian Sign Language // E. Keenan, D. Paperno (eds.). *Handbook of Quantifiers in Natural Language*. Vol. 2. Cham: Springer, 2017. P. 803–855.
- Lander 2001 — Yu. A. Lander. Austronesian partitives // V. Kassevitch (ed.). *6th International Conference on the Languages of Far East, South-East Asia and West Africa: Proceedings and Abstracts of Papers*. St Petersburg: St. Petersburg University, 2001. P. 263–272.
- Martí-Girbau 2002 — N. Martí-Girbau. Partitives: One or two nouns? // *Rivista di Grammatica Generativa* 27, 2002. P. 45–58.
- Martí-Girbau 2010 — N. Martí-Girbau. *The Syntax of Partitives*. PhD Thesis. Universitat Autònoma de Barcelona, Barcelona, 2010.
- Sauerland, Yatsushiro 2017 — U. Sauerland, K. Yatsushiro. Two nouns in partitives: Evidence from Japanese // *Glossa: A Journal of General Linguistics* 2, 1(13), 2017. P. 1–29.
- von Heusinger, Kornfilt 2017 — K. von Heusinger, J. Kornfilt. Partitivity and case marking in Turkish and related languages // *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2, 1(20), 2017. P. 1–40.
- Wal Anonby 2015 — C. van der Wal Anonby. *A Grammar of Kumzari: A Mixed Perso-Arabian Language of Oman*. Leiden: Leiden University, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Аракелова (Москва)</i> Образование феминитивов от иностранных фамилий в чешском языке.....	3
<i>С. М. Ардышева, Е. А. Романова, Д. А. Сапарова (Санкт-Петербург)</i> Функции копулы прошедшего времени = <i>teə</i> в малокарачклинском говоре чувашского языка	7
<i>М. В. Аристова (Москва)</i> Перспективы в индонезийском языке	12
<i>Т. А. Архангельский (Гамбург)</i> Русские глагольные заимствования в удмуртском	15
<i>Д. Д. Белова (Москва)</i> Медиопассивный суффикс <i>-alt-</i> в горномарийском языке	19
<i>А. М. Беляева (Москва)</i> О нестандартных значениях аддитивной множественности в абазинском языке	24
<i>Е. Н. Вербина (Москва)</i> Модальные частицы <i>ki, at, lołəp</i> в хантыйском языке: синтаксис и семантика.....	27
<i>А. Ю. Вознесенская (Москва)</i> Отадъективные номинализации в грузинском языке	30
<i>Ф. В. Голосов (Москва)</i> Легкие глаголы-телисизаторы в малокарачклинском диалекте чувашского языка	33
<i>Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина (Москва)</i> Семантика и полисемия причинных маркеров: данные горномарийского языка.....	38

<i>В. В. Дьячков (Москва)</i> Прилагательные в языке томо-кан (догон): существительные или глаголы?	42
<i>М. А. Егорова (Москва)</i> О семантике аориста в современном сербскохорватском языке.....	45
<i>К. А. Журавлева (Владивосток)</i> Особенности грамматической категории числа сказуемых и определений при сложных существительных с первым компонентом <i>пол-</i>	48
<i>Д. М. Зеленский (Москва)</i> Единое описание финского чередования согласных	51
<i>И. А. Зибер (Москва)</i> Типология ассимилятивных переходов в языках России	54
<i>Н. В. Каланова (Москва)</i> Местоимения с семантикой свободного выбора в горномарийском языке	58
<i>Е. С. Клягина, А. Б. Панова (Москва)</i> Фазовая полярность в абазинском языке	62
<i>А. А. Козлов (Москва)</i> Падеж влияет на структуру именной группы в чукотском языке	67
<i>А. Г. Кошевой (Москва)</i> Абазинский каузатив: структура ситуации.....	71
<i>Т. А. Леонтьева (Санкт-Петербург)</i> Комитативные и сочинительные конструкции в малокарачкинском говоре чувашского языка	75
<i>С. К. Михайлов (Москва)</i> Почему хантыйские имена нуждаются в определенном артикле?	79
<i>А. А. Молчанова (Санкт-Петербург)</i> Деепричастие на <i>-sa</i> в малокарачкинском говоре чувашского языка	83

Содержание

<i>Д. Д. Мордашова, А. Н. Закирова (Москва)</i> Конструкции с глагольной формой <i>liež</i> 'станет' в горномарийском языке и носитель пропозициональной установки....	87
<i>Г. А. Мороз (Москва)</i> Возможен ли отказ от выборки? Байесовский подход к типологическому исследованию	91
<i>В. А. Морозова (Москва)</i> Конструкции с сентенциальными актантами в кининском диалекте рутульского языка	94
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> <i>Пока мы слушали доклад:</i> маркирование доступа к информации в темпоральных конструкциях хантыйского языка	97
<i>П. Л. Наследскова (Москва)</i> Система провербов рутульского языка	100
<i>В. А. Наумова (Москва)</i> Имплицитное отрицание с <i>χәп</i> в хантыйском языке	103
<i>В. С. Олишевская (Санкт-Петербург)</i> Отадъективные глаголы с каузативным и рефлексивным значением в малокарачкнском диалекте чувашского.....	107
<i>А. В. Орлов (Москва)</i> Дистрибуция релятивных конструкций с причастием и с <i>который</i> в СРЯ	110
<i>А. А. Пальмова (Москва)</i> Функции пространственных падежей в идиоме сето	114
<i>Д. О. Петелин (Москва)</i> Временные выражения в горномарийском языке: наречия или ИГ	116
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> <i>-раст-</i>	120
<i>П. С. Плешак (Москва)</i> Кодирование посессивных отношений в языке какчикель	124

<i>Н. В. Подписнов (Санкт-Петербург)</i> Конкуренция между падежным и послеложным кодированием локативных отношений в бурятском языке.....	128
<i>Д. М. Рахман (Москва)</i> Синтаксис нефинитных целевых клауз в северном хантыйском языке.....	131
<i>Е. А. Рыжкова (Красноярск)</i> Определенный артикль в кэлдэрарском и севернорусском диалектах цыганского языка	136
<i>Д. С. Сатанова (Санкт-Петербург)</i> Способы выражения оптативности в азербайджанском талышском ...	141
<i>А. Н. Сидорова (Москва)</i> Именное число в амгуэмском чукотском языке	145
<i>М. А. Сидорова, Ю. В. Сеницына (Москва)</i> Конструкции с аппроксимативным маркером <i>parǝ</i> и с маркером стандарта сравнения <i>gan'</i> в горномарийском языке: PP или NP?.....	148
<i>А. А. Смирнова (Москва)</i> Посессивные конструкции в казымском диалекте хантыйского языка	152
<i>И. С. Соколова (Москва)</i> Ассоциативы в казымском диалекте хантыйского языка.....	156
<i>А. В. Соловьева (Москва)</i> Кванторная единица <i>isa</i> в казымском диалекте хантыйского языка	159
<i>А. М. Старченко (Москва)</i> Аналитическая номинализация в хантыйском языке	163
<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> К обобщению семантики русского <i>ни... ни</i>	167
<i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> Русские эквиваленты инклюзивного перфекта и частица <i>уже</i>	171

Содержание

<i>И. А. Хомченкова (Москва)</i> Каритивный показатель <i>-de</i> в горномарийском языке.....	175
<i>М. О. Черемисинова (Москва)</i> Атрибутивизаторы <i>-əŋ</i> и <i>-əp</i> в казымском диалекте хантыйского языка	179
<i>С. С. Шарыгина (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о футурально-перспективной семантической зоне в ингерманландском финском: модификация обстоятельствами времени.....	183
<i>B. Brosig (Taipei)</i> Speaking one's surprise: Stance-conveying sentence-final uses of the quotative index verb <i>ge-</i> in Khalkha Mongolian	187
<i>Yang Huang (Chengdu)</i> Interrogative structures in nDrapa.....	190
<i>М. Knyazev (St. Petersburg / Moscow)</i> The transitive 'need' construction in Russian: A null BE analysis.....	194
<i>И. Netkachev (Moscow)</i> Contextual converb in Kina Rutul: Criteria for structural (in)dependence.....	199
<i>D. Popova (Moscow)</i> Update semantics for Komi-Zyrian past tense morphemes.....	203
<i>A. Tugutova (Moscow)</i> Generalized noun modifying clause construction in Buryat	206
<i>М. Usacheva (Moscow)</i> Expression of emotionality in Beserman Udmurt: babytalk, obscene words, and ideophones	209
<i>S. Verhees, G. Moroz (Moscow)</i> Time and time again: the evolution of 'time'-nouns into temporal clause markers in three Daghestanian languages	212
<i>М. Yaroslavtseva (Moscow)</i> Typology of partitive constructions.....	214

Научное издание

ПЯТНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ И
ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов
Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.

Оригинал-макет *М. А. Холодилова, Д. Ф. Мищенко*

Подписано в печать . Формат
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 15,75
Тираж 300 экз. Заказ No